

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2024

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 76204 от 02 августа 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д. Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К. П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П. П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А. И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т. В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М. А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А. Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж. И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М. А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р. О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А. И.** (юридический факультет Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С. И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С. И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л. В.** (проф. ДГТУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А. И.** (проф. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л. И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М. А.** (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов Х. Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г. С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю. А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю. Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, доц. **Сайдумов Дж. Х.** (докт. юрид. наук, доц., ст. науч. сотр. Института государства и права РАН (г. Москва), проф. кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета (г. Грозный)); докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И. А.** (судья Верховного Суда РФ, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2024, № 4

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2024

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 4, 2024

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D. Yu.** (Director of Legal Research Center of SRIM RANEPa, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPa, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P. P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A. I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T. V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M. A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University)), professor of the Department of competitive right of MGYU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A. D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh. I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M. A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R. O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, Professor **Aliev A. I.** (Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S. I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York).

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (professor of Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A. I.** (professor of SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Head of the Research Laboratory "Customary Law" of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor **Kazinyan G. S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Yu. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Yu. N.** (associate professor, SRIM RANEPa, Rostov-on-Don); Doctor of Law, associate professor **Saidumov J. H.** (Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor at the Department of History of the Chechen State Pedagogical University (Grozny)); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....	9
<i>Дж. Х. Сайдумов</i>	
Философско-правовые аспекты познания права на современном этапе в контексте общей культуры творчества в юриспруденции	9
<i>А. Н. Маремкулов</i>	
Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке	18
<i>Д. Е. Михель</i>	
Коммуникативная теория права в системе постнеклассической юридической науки.....	24
<i>А. А. Беженцев</i>	
Юридическая деятельность: методология, доктрина, современный взгляд	30
<i>В. К. Грошечая</i>	
Организационно-правовые основы становления железнодорожной милиции Украинской ССР	45
<i>Д. А. Леусенко, А. В. Иванченко</i>	
Биополитика и формирование правового механизма регулирования отношений в сфере генной терапии и процедуры редактирования генома человека: социально-этические и теоретико-правовые проблемы	53
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	62
<i>Л. И. Волова</i>	
Осмысление проблемных вопросов проводимой на глобальном уровне реформы международного налогообложения цифровых компаний.....	62
<i>Л. В. Акопов, А. Н. Ворошилов, И. А. Сизько</i>	
О должной кодификации законодательства о публичной службе российского казачества.....	71
<i>Э. В. Малиненко</i>	
Эффективность конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации	77
<i>М. Л. Хабачиров</i>	
Об обязательствах государств по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний	84
<i>С. В. Королева</i>	
Принципы государственной службы в решениях Конституционного Суда Российской Федерации	94

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	102
<i>М. Б. Смоленский</i>	
Вопросы качественного улучшения правового оформления наследственных прав для усиления мер государственной защиты прав наследников по закону	102
<i>П. П. Баттахов, Ю. С. Овчинникова</i>	
Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: экспериментальные правовые режимы в условиях конституционных трансформаций.....	110
<i>Д. Н. Серих</i>	
Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений.....	117
<i>В. В. Супрун, К. Н. Кокунов</i>	
Принцип ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ и корпоративный контроль: взаимосвязь и перспективы развития правового регулирования	125
<i>В. В. Тихонов</i>	
Правовой режим информации в сфере предпринимательства.....	136
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	145
<i>С. П. Бондарев, Е. А. Миллерова</i>	
К вопросу о необходимости криминализации скулшутинга	145
<i>В. Ф. Попов, О. А. Полещук, В. Г. Выстропов</i>	
Актуальные проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посредством сети Интернет	153
<i>А. Е. Бердников</i>	
Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности	162
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	169
IV Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные и социокультурные основания национального единения и согласия в праве»	
	169
Дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»	
	170
III Шапсуговские чтения – Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы становления индивидуальной и коллективной свободы в конкретном этническом обществе»	
	172
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	174

CONTENT

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE.....	9
<i>Dzhambulat Kh. Saidumov</i> Philosophical and legal aspects of knowledge of law at the present stage in the context of the general culture of creativity in jurisprudence.....	9
<i>Arsen N. Maremkulov</i> Temporary exemptions as a mechanism for integrating customary law into Russian legislation in the 19th century.....	18
<i>Dina E. Mikhel</i> Communicative theory of law in the system of post-non-classical legal science	24
<i>Alexander A. Bezhentsev</i> Legal activity: methodology, doctrine, modern view	30
<i>Victoria K. Groshevaya</i> Organizational and legal foundations of the formation of the railway police of the Ukrainian SSR.....	45
<i>Dmitriy A. Leusenkov, Andrey V. Ivanchenko</i> Biopolitics and the formation of a legal mechanism for regulating relations in the field of gene therapy and human genome editing procedures: socio-ethical and theoretical legal problems.....	53
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW	62
<i>Larisa I. Volova</i> Understanding the problematic issues of the global reform of international taxation of digital companies.....	62
<i>Leonid V. Akopov, Anastasiy N. Voroshilov, Igor A. Sizko</i> On the proper codification of legislation on the public service of the Russian Cossacks.....	71
<i>Elvira V. Malinenko</i> The effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation.....	77
<i>Muaed L. Khabachirov</i> On the obligations of states under national regulation of private military and security companies	84
<i>Sofia V. Koroleva</i> Principles of public service in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation	94

PROBLEMS OF CIVIL AND BUSINESS LAW	102
<i>Mikhail B. Smolenskiy</i>	
Issues of qualitative improvement of the legal registration of inheritance rights to strengthen measures of state protection of the rights of heirs under the law	102
<i>Petr P. Battakhov, Julia S. Ovchinnikova</i>	
Civil liability insurance for harm caused by the introduction of artificial intelligence: experimental legal regimes in the context of constitutional transformations	110
<i>Danil N. Serikh</i>	
The peculiarities of the legal status of the public-law entities as the participants of the entrepreneurial civil law relations	117
<i>Vitaly V. Suprun, Konstantin N. Kokunov</i>	
The principle of limited liability of members of an economic company and corporate control: correlation and prospects for development of legal regulation	125
<i>Vladimir V. Tikhonov</i>	
The legal regime of information in the field of entrepreneurship	136
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW	145
<i>Sergey P. Bondarev, Elena A. Millerova</i>	
On the issue of the need to criminalize schoolshooting	145
<i>Vladimir F. Popov, Oksana A. Poleshchuk, Valentin G. Vystropov</i>	
Actual problems of conducting operational search activities aimed at uncovering public calls for terrorist activities via the Internet	153
<i>Alexandr E. Berdnikov</i>	
Peculiarities of the qualification of crimes committed in the field of intellectual property	162
SCIENTIFIC LIFE	169
IV All-Russian scientific and practical conference "Spiritual, moral, socio-cultural foundations of national unity and harmony in law"	169
Discussion platform of the scientific journal "North Caucasus Legal Vestnik "	170
III Shapsugov Readings – All-Russian scientific conference with international participation "Problems of the formation of individual and collective freedom in a particular ethnic society"	172
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	174

Философско-правовые аспекты познания права на современном этапе в контексте общей культуры творчества в юриспруденции

Джамбулат Хамидович Сайдумов^{1, 2, 3}

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

²Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

³Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия

bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Аннотация. Современная юридическая среда ориентирована на высокую потребность многогранного правового творчества, столь необходимого в условиях интенсивно развивающегося общества. Развитие общества (особенно находящегося в непрерывном контактном взаимодействии его членов) неизбежно связано с его потребностями, которые порождают и обязательства. Объективно это связано с развитием данного вида юридической деятельности в социально-правовом социуме. При этом отчетливо наблюдается неразрывная связь правового творчества и правовой культуры. Но при этом существующие граничные парадигмы в праве не позволяют полноценно приводить в жизнь наиболее потребные здесь и сейчас философско-правовые новеллы, возникающие в результате правового творчества, которое не всегда может выдерживать давление границ.

В статье дается общая оценочная характеристика вопросу необходимости расширения границ творчества в юриспруденции. Правовая культура обладает такой спецификой, что она не совпадает в полной мере ни с одним видом культуры: духовной, политической, материальной. Но будучи своеобразной формой гармоничного развития личности через нее достигается наиболее заметный общесоциальный прогресс. Шедевры юридического творчества, впоследствии признанные человечеством общемировым достоянием, на начальном этапе создавались в лоне национальной культурной среды, трансформируясь из идеи имеющей локальное значение в более объемные субстанции по философскому содержанию и практическому применению. Значение современной российской модели философско-правовой мысли и истории политических и правовых учений, когда на лицо обострение идеологического противостояния России и Запада, заставляет активизировать различные поиски правильной модели философско-правовой мысли, которая сохранит на долгие годы свою практическую актуальность.

В статье предпринимается попытка рассуждения о том, какие задачи, выводимые из самой неизменной природы права, заслуживают внимания со стороны известного отечественного ученого правоведа Д. Ю. Шапсугова. Анализируя сложившуюся правовую реальность, он по «иеринговски» выступает предвестником зарождения в юриспруденции чего-то нового. Небезразличие к юриспруденции как таковой лежит в основе его глубинных рассуждений. Выход за границы позитивистских взглядов. Правовая реальность должна успешно формироваться под воздействием разнообразных идей. Каждая последующая эпоха эволюции права и науки права видит и позиционирует себя в границах своего юридико-психологического социума, ее фундаментальных концептов и нормативной культуры необходимого

или обязательного правопорядка. И поэтому появление новых идей, переходящих в учения, является закономерным процессом. Позитивистская версия понимания права к первой четверти XXI столетия по всей видимости исчерпала свой аналитический ресурс и нуждается в новых подходах. Именно эти подходы с глубокой академичностью мы наблюдаем в трудах по философии права Д. Ю. Шапсугова и ряда других коллег, неустанно работающих в данном ключе.

Ключевые слова: правовое творчество, власть, правовая культура, юридический мир, философия права, мышление, русская философско-правовая мысль, парадигма, вектор

Благодарности: Статья выполнена в рамках научного проекта, осуществляемого Институтом государства и права Российской академии наук: «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Сайдумов Дж. Х. Философско-правовые аспекты познания права на современном этапе в контексте общей культуры творчества в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-9-17>. EDN YWEQQQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Philosophical and legal aspects of knowledge of law at the present stage in the context of the general culture of creativity in jurisprudence

Dzhambulats Kh. Saidumov^{1, 2, 3}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

³Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia

bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Abstract. The modern legal environment is focused on the high need for multifaceted legal creativity, which is so necessary in the conditions of an intensively developing society. The development of society (especially in continuous contact interaction of its members) is inevitably associated with its needs, which give rise to obligations. Objectively, this is due to the development of this type of legal activity in the socio-legal society. At the same time, an inextricable connection between legal creativity and legal culture is clearly observed. But at the same time, the existing boundary paradigms in law do not allow to fully implement the most needed here and now philosophical and legal innovations, arising as a result of legal creativity, which cannot always withstand the pressure of boundaries.

The article gives a general assessment of the issue of the need to expand the boundaries of creativity in jurisprudence. Legal culture has such specificity that it does not fully coincide with any type of culture: spiritual, political, material. But being a unique form of harmonious development of the individual, the most noticeable general social progress is achieved through it. Masterpieces of legal creativity, subsequently recognized by humanity as a global heritage, were initially created in the bosom of the national cultural environment, transforming from an idea of local significance into more voluminous substances in philosophical content and practical application. The importance of the modern Russian model of philosophical and legal thought and the history of political and legal doctrines, when the ideological confrontation between Russia and the West is aggravated, makes it necessary to intensify various searches for the correct model of philosophical and legal thought that will retain its practical relevance for many years. The article attempts to discuss which tasks, derived from the very immutable nature of law, deserve attention from the famous Russian legal scholar D. Yu. Shapsugov. Analyzing the current legal reality, he, in the "Iering" manner, acts as a harbinger of the emergence of something new in jurisprudence. Indifference to jurisprudence as such underlies his deep reasoning. Going beyond the boundaries of positivistic views. Legal reality should be successfully formed under the influence of various ideas. Each subsequent era of the evolution of law and legal science sees and positions itself within the boundaries of its legal and psychological society, its fundamental concepts and normative culture of the necessary

or obligatory legal order. And therefore the emergence of new ideas that turn into teachings is a natural process. The positivist version of understanding law by the first quarter of the 21st century has apparently exhausted its analytical resource and needs new approaches. It is these approaches with deep academicism that we observe in the works on the philosophy of law of D. Yu. Shapsugov and a number of other colleagues who work tirelessly in this vein.

Keywords: legal creativity, power, legal culture, legal world, philosophy of law, thinking, Russian philosophical and legal thought, paradigm, vector

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of a scientific project carried out by the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences: "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Saidumov Dzh. Kh. Philosophical and legal aspects of knowledge of law at the present stage in the context of the general culture of creativity in jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):9–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-9-17>. EDN YWEQQQ

Введение

Рождение права – многослойного явления – представляется по существу сложным и насыщенным творческим процессом, в действие которого вовлечены самые разные субъекты. Для оных совершенно четкой выглядит картина от создания и последующего пользования полученным (конечным) продуктом. По предназначению становящимся впоследствии регулятором широкого применения – и этот условно названный «картиной» процесс есть ничто иное, как логический последовательно осуществленный труд, воплощенный в результат правового творчества. Бесценный вклад в создание определений, раскрывающих содержание и последовательность данных процессов в разное время (как в советский период, так и в российский) внесли такие российские ученые в области философии и теории права, истории политических учений, как В. С. Нерсисянц и В. Е. Чиркин. И здесь уместно вспомнить и употребить высказывание о выдающемся ученом-правоведе В. С. Нерсисянце, как примере творческой свободы, вне которой не бывает настоящей науки [1]. Именно творческая свобода, не знающая рамок и границ, может создать в современной юриспруденции подлинно ценный результат с опорой на философско-правовое познание, ради чего осуществляется этот важный и непрерывный процесс.

Основное содержание

Итак, после вступления, в некоторой степени затрагивающего цель, преследуемую нами в данном исследовании, мы подходим к главному событию в рамках заявленной работы. Она в большей степени ориентирует нас на продолжение научной дискуссии по следам недавно введенной в научный оборот (и породившей интересную дискуссию на различных авторитетных научных площадках) работы Д. Ю. Шапсугова «Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права» [2].

Автор в своем исследовании через череду рассуждений и анализа вышел за постоянно довлеющие граничные рамки в познании права. Предложил интересные и дающие право быть и развиваться дейкτικές тезисы, обсуждая которые формируются копулятивные суждения с опорой на новые информационные познавательные возможности, созданные современным обществом, представляется возможным создать полноценные условия в значении plenitudo defenitions (полнота определения) для перехода от преимущественно индивидуального творчества, через развивающееся творчество от носительно небольших коллективов, до преимущественно массового творчества. Прецизионным и необходимым, как в связи с резким увеличением объема когерентной информации, так и в особенности с созданием технологических условий для новых, более высоких уровней обобщения информации, новых способов организации знания в целостность. Они могут быть использованы для исследовательских целей и практической реализации правотворческих потребностей и возможностей современного общества. Каким образом?

Чтобы подлинно понять новые и (и может быть не совсем новые, но мало знакомые или перспективные) теоретические конструкции в глубинном понимании, следует погрузиться на ту самую глубину «познания/достижения» дна, что позволяет исследовать по существу в деталях и всех вариациях кажущееся, с одной стороны, понятным, а с другой – не совсем понятным, в т.ч. даже самое очевидное. Практически большая часть различных юридических концептов прошлого, да и тех новых, которые активно внедрялись с начала 90-х гг. в нашей стране, псевдолиберальных, являются пройденным познавательным испытанием практикой (апробацией во времени и пространстве), об этом собственно и говорит в своей фундаментальной работе профессор Д. Ю. Шапсугов.

Не можем не согласиться с тем, что современная общенаучная парадигма тождества бытия и сознания постепенно перешла в статус «ключевой виновницы» современного этапа кризиса научного знания. Очевидно, именно поэтому профессор Д. Ю. Шапсугов констатирует процесс наступившего противостояния метафизики и позитивизма еще в прошлом столетии, что еще более характерно для почти четверти века наступившего.

Творческая задача, стоявшая перед научным сообществом еще в совсем близком (по пройденному времени) прошлом, должна была быть решена категориями рассудочного мышления, зачастую идущего в логический разрез с природой творчества. При этом сам концепт творчества оставался неразработанным доподлинно ни в прошлом, ни в настоящем. Но что, по мнению знаменитого российского ученого, есть реальность права и правовое мышление? По мнению Д. Ю. Шапсугова, сущность права реализуется посредством комплекса опций: обобщения и опосредования рассудочного знания о праве. Юридическое мышление находится в управляемом векторе практических действий по переводу юридических норм через толкование в практическую сферу. Правовое мышление ориентировано на развивающуюся специфику базовых основ права для формулирования истины о праве. Очевидно, что такая постановка привела ученого к выводам относительно естественности единства правового и юридического мышления. При этом выводится формула: с одной стороны характеризующая целостность и единение правового и юридического мышления через дифференциацию его в различиях.

Сложная постановка вопроса в части соотношения правового и юридического мышления не может привести к скоротечному ответу, через классическую философию права такого фундамента как то, что есть начальная и конечная истина права. Достигнуть этого можно, задействовав универсальную концепцию творчества, сосредоточившую, с одной стороны, через познание права, а с другой – через преобразование права как определенную форму творчества. Истина права не замыкается в пределах рассудочного восприятия никогда, всегда идет творческий процесс размышления даже над очевидными и безальтернативными истинами.

Анализируя работу Д. Ю. Шапсугова, в очередной раз убеждаемся, что автор воспроизводит не только реальную ситуацию состояния стагнации, в которой пребывает сама мысль творчества в праве, но и задает очень мощные предпосылки изучения в дальнейшем такого безразмерного пласта, как феномен культуры творчества. Поиск оптимальной формулы, базирующейся на преобразовании права в единый концепт, через познание и мышление, есть вектор движения. Именно мыслительный процесс призван обеспечить установление разумного и последующего придания через разумные формы выражения искомую отправную базу для всей теории среднего уровня, именуемую в юриспруденции общей теорией права и государства. Регулярное обращение автора работы к недопущению произвола, ограничений и рамок в познании и развитии права, которые по умолчанию закреплены в господствующих парадигмах и основаниях и не могут обеспечить правовое развитие в условиях современного мира. Будущее юриспруденции определяется в неизбежном развитии культуры творчества, через постановку наиболее проблемных вопросов. И в авангарде этого процесса выступают метанаука, металогика, действующие через свободу мысли. Основываясь на принципах универсальности и господства над всеми науками, они дадут абсолютно свободное пространственное поле. Внедряя новые знаки, символы, являясь фактором внешнего выражения, они свободны от многих внутри научных отраслевых обязательств; в этом их неоспоримое преимущество перехода к широте творчества. В этой связи мы вынуждены в очередной раз отметить, что творческий процесс, будучи главным фактором двигательного поступательного движения, занимает то самое авангардное место любого мыслительного труда. Это мы наблюдаем и понимаем на всем протяжении предложенного Д. Ю. Шапсуговым исследования.

Известные и широко применяемые категории «изм/измов» (социологизмов, либерализмов, тоталитаризмов, позитивизмов, равно как и капитализм или социализм) в настоящее время продемонстрировали слабость и незыблемость конструкций. Абсолютность истины имеет место и значение до того момента, пока по ней не начинает работать последовательное мышление для выяснения несовершенства, и это действие неизбежно приводит к наступлению двух вариантов: уничтожения истины или гармоничного развития и совершенства. Это происходит через согласование общенаучной парадигмы и смежно-вспомогательных наук (необходимых данному процессу). Для чего и с какой целью это должно быть сделано? И насколько необходимо это для современной науки в целом?

Этими закономерными вопросами продолжим заниматься и мы вместе с профессором Д. Ю. Шапсуговым, предложившим, с одной стороны, оригинальную, а с другой – имеющую без временных ограничений актуальную философско-правовую новеллу в обозначенной здесь обстоятельной работе. Делается это не только с теоретической миссией рассуждения на предмет очень важной темы, но и для эффективного практического преодоления существующих проблем наличия коллизий и противоречий в правовом научном знании.

И нет никакого пафоса в заключительных словах, вынесенных в общий знаменатель исследуемой работы, когда профессор Д. Ю. Шапсугов считает, что процесс освоения и развития культуры творчества, символизирующий единство познания и преобразования мира, общества и индивида, призван быть судьбоносной задачей современного дня и ближайшей перспективы. Наши действия в данном направлении должны идти в унисон формуле: усердие по разуму. В противном случае это будет затратным процессом, обреченным на множество проблем, которые при всей благости задуманного могут обернуться не совсем верным делом во благо философско-правовой науки.

Размышления на данную тему осуществляют и другие отечественные исследователи, мнение которых нам не только интересно, но и выступает логическим продолжением правового творчества. Школа естественного права, все более четко фигурируя в последнее время с новыми идеями, чаще заявляет о себе с позиции развивающегося учения о естественном праве, выходя за привычные границы социально-исторической универсальности права. Юридический позитивизм, базирующийся на классической формально-догматической концепции (позитивизм, который регулярно в своих исследованиях употребляет профессор Д.Ю. Шапсугов), привычно заикленный на ориентир (исключительно) на позитивное право, также стал переходить от догматической узкой направленности, расширяя горизонты методологии к идейному содержанию исторической школы права. Подтверждается это множеством новых школ социологического и психологического толкования права [3, с. 45].

В первую четверть настоящего столетия мы наблюдаем определенную тенденцию развития правовой грамотности российского общества и как следствие борьбу против нигилизма, что называется *lato sensu* (в обширном значении). В приоритете внимания подрастающее поколение нашей страны, это вполне закономерно – подрастающее поколение, являясь основной ячейкой общества, сменяет каждое последующее поколение населения государства и определяет более высокие задачи для настоящего и ближайшего будущего, так как все что делается во благо данного процесса имеет предназначение – *littera scripta manet* – написанное не исчезает. В этой связи широко распространена цитата известного британского ученого-педагога Джона Локка, считавшего правильное воспитание детей залогом благосостояния общества [4, с. 18]. Общество во все времена всегда ориентировано на предлагаемые векторы настоящего и перспективного будущего. Оно же может и менять эти векторы в угоду как своих интересов и потребностей, так и под внешним управляемым воздействием. При этом в обоих случаях считая этот процесс благом и верным способом дальнейшего развития. Но здесь очень важно не допустить того самого выше упомянутого явления, как «усердие не по разуму». Поэтому параллельно с данным процессом постоянного поиска «верного вектора» всегда будет актуален вопрос и исследования самого общества. Исследование общества как определенного системного целого, развивающегося и функционирующего по собственным законам, должно иметь в качестве предпосылки выявление того системообразующего элемента или условия, действием которого порождается вся социальная система [5, с. 19].

Современная социальная среда, безусловно, находится в потребности гармоничного понимания права, через новые механизмы его потребления и апробации в самом широком смысле. Напомним, что это возможно при параллельном изучении общества, его потребностей и способности

общества в свою очередь быть ответственным. Социальная макросреда представляет собой такой уровень, системный срез общества, с позиции которого и может быть понято и объяснено развитие общества как естественно-исторический процесс, закономерный в своем поступательном движении [5, с. 24]. На уровне социальной макросреды становится возможной реализация противоположности материальных общественных отношений как основных, первоначальных отношений и идеологических отношений, вторичных и определяемых ими. Макросреда позволяет провести анализ направленности развития общества как целостного социального организма, исследование его всеобщих, универсальных закономерностей. Необходимо понимать, что социальные условия выступают условиями существования конкретных индивидов [5, с. 25]. И как здесь не вспомнить К. Маркса, считавшего, что индивид становится определенным индивидом благодаря множеству жизненных обстоятельств [6, с. 395].

В целом философско-правовая наука, изучая общество под одинаковым со специальными теориями «социологическим углом зрения» – в аспекте его целостности, как систему общественных отношений, – общесоциологическая теория, тем не менее представляет собой иной тип теоретического знания. Исследование наиболее глубинных, сущностных характеристик общества как целостного социального организма показывает невозможность следования обычным путем – посредством создания эмпирического базиса и первичных теоретических схем к формированию более развитых теоретических представлений. Объясняется это масштабностью общества как системы. Общество – единственная из систем, в которой субъект-объектные отношения выступают в качестве самой ключевой характеристики её сущности, определяющей саму специфику системы [5, с. 57]. Сам по себе человек не выступает в статусе хорошего или плохого (несмотря на то, что религиозное воззрение считает его изначально грешным); человек является таковым, каковым является общество – его среда обитания. Антагонизм интересов неизбежно порождает аморальность, борьбу с которой ни религия, ни право никогда не могли одолеть. Современная история не выбивается из этого цикла. Мы также живем в классовом обществе со свойственными ему антагонизмами, которые приводят и к моральным конфликтам, в т.ч. и аморальность и религиозность во всех формах от умеренной до экстремистской [7, с. 10]. Люди следуют правилам поведения, существующим в тех социальных союзах, в которые они интегрированы или хотят быть интегрированы. Именно это “право союзов” является преобладающим в обществе. Согласно этим правилам поведения, которые не статичны и трансформируются, с течением времени образуются правовые нормы, основной признак которых – поддержка со стороны авторитетной социальной власти [8, с. 84].

Как отмечает М. В. Антонов, в конце XIX в. учеными разных государств было осуществлено несколько вариаций применить социологические разработки к праву, рассмотреть право с точки зрения его роли в общественном механизме (выделены Э. Дюркгейм, Р. Штаммлер, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и др.). Вместе с тем данные разработки, будучи весьма интересными в плане вложенных в канву инновационных идей, все же не способствовали созданию нового научного направления и остались на уровне социально-философских экскурсов. Начало XX в. ознаменовалось одним из поворотных пунктов развития науки об обществе. Психология, этнология, биология и другие дисциплины внесли свою лепту в социальную философию, явив интересные возможности построения альтернативных методологических конструкций. Не оставалась в стороне от этого процесса и философия права, для развития которой одним из наиболее ощутимых импульсов оказалось возникновение науки об обществе – социологии [8, с. 79].

Современные концепты, предлагаемые профессором Д. Ю. Шапсуговым, как нам видится, перекликаются с такими же инновационными для своего времени разработками Ойгена Эрлиха. Отслеживая его след в науке права (через исследовательские разработки современных ученых), можно провести некоторые параллели. Знаменательным событием в истории развития социологии права стал 1910 г., когда Эрлих ввел на юридическом факультете Черновицкого университета инновационный учебный курс по живому праву, в рамках которого пытался совместить преподавание правовой теории с психологией, социологией и экономикой, посредством курса интегративного правоведения. Основное содержание которого легло в две научные работы: “Основоположение социологии права” (1913) и “Юридическая логика” (1918) [8, с. 81].

Современное развитие общества, где человек находится в постоянном общении, трудно даже вообразить без слов и общения, но будет ли в будущем так всегда? Этим вопросом задается профессор Д.Ю. Шапсугов. Удовлетворит ли их, если условия жизни и само мышление, которые трансформируются настолько скоротечно, что «понятийная ограниченность» современного права станет препятствовать, точнее говоря, утратит качество адекватности новым, существенно развивавшимся отношением людей. Вряд ли их спасет позиция торможения процессов объективного развития, которое властно потребует новых качеств, средств и способов взаимодействия людей [9].

Единство природной воли и нравственного содержания – фактор создания права как свободы, поскольку природная воля сама по себе источник произвола индивида, а нравственность сама по себе, в противовес природной воле, есть насилие над ней. Отмеченная ограниченность в понимании процесса становления права становится источником неадекватных представлений о праве, деформации правового сознания и правовой культуры, порождающих то, что часто называется правовым нигилизмом, этатизмом, другими формами бытия неправа [9, с. 12]. Рассуждая о современной юридической науке, Д.Ю. Шапсугов считает, что в основном она опирается на интуицию и наблюдение в познании права. Ключевым же достижением на данный момент видится постоянное зарождение новых типов правопонимания. Целесообразен глубинный анализ ситуации, в результате которой должно наблюдаться понимание права и невозможность познания его истины. Звучит довольно резко, но в духе проблемы теории и истории права и государства, которая как наука призвана давать ответ на судьбоносные вопросы для юридической науки в целом [10, с. 19].

Мы разделяем точку зрения Н. А. Кравцова, что правопонимание в отечественной правовой науке испытывает глубокую стагнацию. Объясняется это тем, что далеко не все, кто исследуют вопросы философии права, вникают в канву этой науки и ее соотношение с прочими науками. Подтверждением этого выступает мнение, что большинство отечественных учебников по «философии права» выступают симбиозом теории государства и права с историей правовых учений. Терминология в основном используется искусственно либо «коряво» [11, с. 19]. Но только лишь в Российской Федерации стоит остро данная проблема? Без всякого колебания ответим категорически – нет! И современная ситуация в области права, науки права, сложившаяся в странах западного мира, во многом свидетельствует о том, что кризис правовой научной мысли есть безысходность от сложившейся формы так называемого права современной западной мультикультурной среды. Современная цивилизационная парадигма, легшая в основу западного правового государства, оказалась беспомощной под ударами различных факторов, которые были порождены в лоне этой правовой культуры. Она предполагает признание права базовой социальной ценностью, что фактически означает возвращение к древнеримской, языческой системе ценностей. Следовательно, взятый на вооружение догмат повлиял на то, что Западная Европа не может выступать главным проводником ценностей христианской цивилизации. Выходит, что право, будучи первостепенной ценностью, может пренебречь всеми другими ценностями, в числе которых моральные, семейные и другие, идущие в разрез и откровенное противоречие при определенных ситуациях. В итоге европейский опыт по построению такого правового государства в Европе – отрицательный: поощряющий однополые браки, бескомпромиссную ювенальную юстицию, упадничество католической церкви с позиции влияния и сдерживания, бездействие в защите традиционных национальных ценностей, слабость перед эмигрантским засилием, деградация в области культуры и образования [11, с. 35]. И продолжая двигаться в данном направлении, существует риск слома всей научно-правовой западной концепции, которая до начала 2000 гг. в целом сохраняла хотя бы внешние элементы целостной системы. Вряд ли наша страна должна скопировать этот опыт, как многое то, что усиленно копировала с 1992 г.

Что делать? Как быть? Восстановить утраченную гармонию между юриспруденцией, философией и исторической наукой [11, с. 36]. И в оценке, когда это произойдет, мы несколько расходимся с Н.А. Кравцовым, по мнению которого этот воссоединительный процесс представляется перспективной далёкого будущего. Думаем, что этот процесс находится в поступательном движении неизбежности. В настоящее время уровень общественного развития и самосознания в Российской Федерации способствует перманентному статусу актуальности традиционных проблем не только русской, но и вообще общемировой философии права. Утерянные в начале 90-х идеологические основы современного общества, роли человека, развития народов и государств в векторе традиционных

ценностей за эти почти четверть века способствовали активному поиску в глубинах нас самих необоснованно забытых и побуждающих задуматься о неизбежности скорейшего поиска верных идеалов философского осмысления права. Это как раз возможно через культуру творчества в праве. Постсоветское государство и общество в России не находилось в поисках новой идеологии, оно очень быстро приняло предложения псевдолиберализированных взглядов иностранных философов и политологов. Современная Россия, пройдя через очищение от этих псевдоидеалов, целенаправленно пытается реанимировать свои (некогда необоснованно подзабытые, где-то сознательно, а где-то и бессознательно) противоположные западным вариациям основы иного содержательного формата и масштаба, а главное – идеалы политико-правовой культуры, осуществляя практические шаги к тому, чтобы заложить крепкий идеологический философско-правовой фундамент с целью поиска ответов на не перестающие быть в ареале внимания ученых философско-правовые и социально-практические вопросы существования человека и общества [12]. Это вполне достижимо через расширение границ культуры творчества в российской юриспруденции, и быть может, уже российский опыт и практика станут примером для других государств. Тем более, что российская правовая мысль не заключена в границы какой-то европеизированной традиции [13].

Заключение

Нравственно-духовное величие через отличие аутентичной российской философско-правовой и политико-правовой культуры находит закрепление в правовой оболочке, выступающей в последовательной системной практической композиции: от Конституции РФ до законов и подзаконных актов, включая и важнейшие доктринальные правовые акты. И те ценные научно-практические предложения, которые высказываются на примере работ Д.Ю. Шапсугова, без всякого сомнения (лично для нас) являются вектором, имеющим и настоящее, и недалекое будущее в развитии правовой науки.

Список источников

1. Луковская Д. И., Поляков А. В., Тимошина Е. В. Памяти Владика Сумбатовича Нерсисянца. Архивная копия от 2 июня 2013 на Wayback Machine: [Некролог] // Правоведение. 2005. № 4. С. 254–260.
2. Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>
3. Гетажеева А. Р. Проблема возникновения права в концепции общей теории права Г.Ф. Шершеневича // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 44–51. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-44-51>
4. Исипова Л. Р. Правовая безграмотность подрастающего поколения и пути решения данной проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 17–22. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-3-17-22>
5. Гурко Е. Н. Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании. Минск, 1984. 158 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. Изд. второе. М.: Изд-во полит. литературы, 1965. 630 с.
7. Завалько Г. А. Проблема соотношения морали и религии. Издание второе. М.: Комкнига, 2010. 216 с.
8. Антонов М. В. Интеграция знания о праве и обществе в творчестве Ойгена Эрлиха // Государство и право. 2011. № 1. С. 79–87.
9. Шапсугов Д. Ю. Об образовании понятий в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-1-9-20>
10. Шапсугов Д. Ю. О необходимости философствующей юриспруденции. Размышления о концепции мышления и познания Б. Н. Чичерина // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. №2. С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-2-9-17>
11. Кравцов Н. А. Некоторые черты кризиса современного правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 33–36. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-4-33-36>
12. Савенков А. Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520027259-5-1/>. DOI: 10.31857/S102694520027259-5

13. Горбань В. С. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4 (104). С. 91–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101>

References

1. Lukovskaya D. I., Polyakov A. V., Timoshina E. V. In Memory of Vladik Sumbatovich Nersesyan. Archived copy from June 2, 2013 on the Wayback Machine: [Obituary]. *Pravovedenie*. 2005;(4):254–260. (In Russ.)
2. Shapsugov D. Yu. Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):9–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>. EDN OFHKXD
3. Getazheeva A. R. The problem of the origin of law in the concept of the general theory of law by G. F. Shershenevich. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):44–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-44-51>. EDN VAZPHI
4. Isipova L. R. legal illiteracy of the growing generation and ways to solve this problem. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(3):17–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-17-22>. EDN MDEJGG
5. Gurko E. N. *Empirical and theoretical in sociological research*. Minsk; 1984. 158 p. (In Russ.)
6. Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 37. Ed. second. Moscow; 1965. 630 p. (In Russ.)
7. Zavalko G. A. *The problem of the relationship between morality and religion*. Second edition. Moscow: Komkniga; 2010. 216 p. (In Russ.)
8. Antonov M. V. Integration of knowledge about law and society in the works of Eugen Ehrlich. *State and Law*. 2011;(1):79–87. (In Russ.)
9. Shapsugov D. Yu. On the Formation of Concepts in Jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2020;(1):9–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-1-9-20>
10. Shapsugov D. Yu. On the necessity of philosophizing Jurisprudence. Reflections on the concept of thinking and cognition by B. N. Chicherin. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2020;(2):9–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-2-9-17>
11. Kravtsov N. A. Some features of the crisis of modern legal understanding. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(4):33–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-4-33-36>
12. Savenkov A. N. Philosophy of law in Russia as an ideological and theoretical basis for national legal ideology: history, modernity and prospects. *State and Law*. 2023;(8):7–23. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520027259-5-1/>. DOI: 10.31857/S102694520027259-5.
13. Gorban V. S. New Historiography of political and legal thought as an urgent task of legal sciences. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2023;4(104):91–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101>

Информация об авторе

Дж. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; профессор кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета; профессор Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова.

Information about the author

Dzh. Kh. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of History at the Chechen State Pedagogical University; Professor at the Chechen State University named after A.A. Kadyrov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке

Арсен Нажмудинович Маремкулов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
arsenmaremckulov@yandex.ru

Аннотация. Временные изъятия в российском законодательстве, применявшиеся на Северном Кавказе, представляют собой сложный и малоизученный феномен, отражающий многовековую историю взаимодействия российской централизованной власти с многочисленными и самобытными народами региона.

В данной статье, которая посвящена временным изъятиям, рассматриваются не только формальные аспекты имперского законодательства, но и глубокие социальные, культурные и политические процессы, которые демонстрировали процесс адаптации обычного права народов Северного Кавказа в российскую правовую систему.

Исторически, освоение Северного Кавказа сопровождалось значительным сопротивлением местного населения. Веками существовавшее обычное право, основанное на сложных родственных связях, адатах, религиозных убеждениях и представлений о справедливости, довольно резко контрастировали с централизованной и кодифицированной российской правовой системой.

Необходимо признать, что российское самодержавие в различные периоды с различной степенью эффективности, прибегала к компромиссу, используя временные изъятия из имперского законодательства. Эти изъятия позволяли применять некоторые нормы обычного права, при условии, что они органично укладывались и соответствовали российскому законодательству. Важно отметить, что условия применения были достаточно расплывчаты и во многом зависели от политической конъюнктуры.

Практика применения временных изъятий была не однородной. В зависимости от региона, этнической группы, одни временные изъятия носили формальный характер, другие же играли существенную роль в регулировании общественных отношений.

Современная ситуация на Северном Кавказе демонстрирует, что проблемы интеграции обычного права и действующего законодательства по-прежнему остаются актуальными. В связи с этим дальнейшее исследование временных изъятий имеет не только историческое значение, но и крайне важно для построения эффективной правовой системы на Северном Кавказе, которая бы учитывала специфику региона, с учетом многообразия культур и традиций.

Ключевые слова: временные изъятия, обычай, обычное право, российское законодательство, плюрализм

Для цитирования: Маремкулов А. Н. Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 18–23. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23>. EDN YNWKVI

Temporary exemptions as a mechanism for integrating customary law into Russian legislation in the 19th century

Arsen N. Maremkulov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Abstract. Temporary exemptions in Russian legislation applied in the North Caucasus are a complex and little-studied phenomenon reflecting the centuries-old history of interaction between the Russian centralized government and the numerous and distinctive peoples of the region. This article, which is devoted to temporary exemptions, examines not only the formal aspects of imperial legislation, but also the deep social, cultural and political processes that demonstrated the process of adapting the customary law of the peoples of the North Caucasus into the Russian legal system. Historically, the development of the North Caucasus was accompanied by significant resistance from the local population. For centuries, the existing customary law, based on complex family ties, beliefs, religious beliefs and ideas of justice, contrasted quite sharply with the centralized and codified Russian legal system.

It must be recognized that the Russian autocracy in various periods, with varying degrees of effectiveness, resorted to compromise, using temporary exemptions from imperial legislation. These exemptions allowed for the application of certain norms of customary law, provided that they were organically consistent and consistent with Russian legislation. It is important to note that the conditions of application were quite vague and largely depended on the political situation. The practice of applying temporary exemptions was not uniform. Depending on the region and ethnic group, some temporary exemptions were formal in nature, while others played a significant role in regulating public relations.

The current situation in the North Caucasus demonstrates that the problems of integrating customary law and current legislation remain relevant. In this regard, further research on temporary exemptions is not only of historical importance, but also extremely important for building an effective legal system in the North Caucasus that would take into account the specifics of the region, taking into account the diversity of cultures and traditions.

Keywords: temporary exemptions, custom, customary law, Russian legislation, pluralism

For citation: Maremkulov A. N. Temporary exemptions as a mechanism for integrating customary law into Russian legislation in the 19th century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):18–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23>. EDN YNWKVI

Введение

Обычное право сыграло существенную роль в формировании правовой системы на Северном Кавказе в XIX веке. В обозначенный период произошли этнические, социальные и политическими изменения в ходе которых российские власти начали активно интегрировать обычное право в свою правовую систему. Политика Российского государства, направленная на расширение влияния, столкнулась с традиционными институтами, основанными на обычном праве. Это столкновение: «в конце концов, заставило имперскую администрацию на Кавказе приступить к систематическому изучению обычного права народов Кавказа и мусульманского права, без использования которых водворить порядок даже на завоеванных территориях оказалось невозможно» [1, с. 31].

Взаимодействие обычного права и российского законодательства на Северном Кавказе в рассматриваемый период было сложным и изменчивым. Соотношение между обычным правом и российским законодательством часто зависело от конкретных обстоятельств и от силы российской администрации в данном регионе. Там, где российская администрация была сильной, российские законы применялись более последовательно, а обычное право отступало на второй план, там же,

где самодержавная власть продолжала утверждаться, обычное право продолжало играть приоритетную роль в регулировании жизни местного населения. Это взаимодействие в принципе вылилось в формирование «серьезной разработкой юридических механизмов, посредством которых реально проявлялась и проводилась в жизнь политика российского самодержавия» [2, с. 5]. Одним из таких механизмов по праву можно считать адаптацию правовых систем путем закрепления временных изъятий.

Актуальность темы адаптации правовых систем на Северном Кавказе в XIX веке, имеет важное значение и обусловлена в первую очередь сложностью этнической и культурной мозаики региона. По мнению Шатковской Т.В.: «Присоединение Северного Кавказа к России и распространение системы управления на данный регион является длительным политико-правовым процессом, отдельные этапы которого обладают значительной спецификой» [3, с. 215]. Самодержавная власть стремилась установить контроль над народами, населяющими регион, что неизбежно отражалось на традиционных формах местного управления. Подобная ситуация заставляла самодержавную власть разрабатывать механизмы, которые бы способствовали плавному введению законодательства, с учетом местных традиций и обычаев горских народов.

Анализ законодательства

Анализ актов органов российского самодержавия свидетельствует о применении временных изъятий, как механизма адаптации местного населения российскому законодательству. Подобный механизм закрепления позволял осуществлять правовое регулирование с учетом традиций и обычаев местного населения Северного Кавказа.

Ярким примером использования механизма временных изъятий может служить Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. «О суждении Горских жителей за кражу» от 8 апреля 1831 г. Принятие данного акта было инициировано представителями самодержавной власти на местах, а именно Главноуправляющего в Грузии Генерала Ермолова, который обратился в Государственный совет с представлением о необходимости утверждения особенных правил по производству суда и расправы над горцами и другими народами Закавказского края. Как свидетельствует преамбула акта, это предложение поддержал Генерал-Фельдмаршал Граф Паскевич-Эриванский.

Согласившись с представленными доводами Государственный совет закрепил, что: «Как общие законы о преступлениях не могут быть в полной мере приложены ко всем вообще народам, обитающим в Закавказском крае, то для некоторых нравов, обычаев и степени образования, постановляется в статьях нижеследующих, особый порядок суда и расправы в преступлениях и проступках»¹.

Законодатель установил срок в 6 лет для действия данного порядка, обозначив при этом: «что он может быть в последствии изменён и более сближен с общими законами, по мере как успехи образования сих народов представлять будут к тому возможность и средства».

В акте детально были прописаны вопросы о порядке суда и расправы при совершении проступков. Условно их можно разделить на три части. В основу всех трех частей был положен ценовой ценз.

Простыми проступками признавались мошенничество и кража, пьянство, своеволие, непослушание, нарушение благочиния ценою ниже пяти рублей серебром. Перечень простых проступков не был исчерпывающим поскольку пункт первый раздела был дополнен словами «и тому подобное». На наш взгляд, это свидетельствовало о многообразии проступков, которые законодатель не мог четко определить и предлагал это оставить на усмотрение должностных лиц на местах с учетом обычаев и традиций. Суд и расправа по данному виду проступков принадлежал «сельским Начальникам», которые по исполнению приговоров, должны были «о всяком происшествии доводить до сведения Главных Приставов или Управляющих тем народами».

Следующая часть была посвящена маловажным преступлениям, под которыми понимались кража, воровство и мошенничество, учиненные в первый и второй раз, ценою выше пяти и ниже ста рублей серебром в каждый раз. Приговоры о наказании и взыскании, прежде чем должны были быть исполнены вносились на рассмотрение Грузинского Гражданского Губернатора, а в провинциях, Военно-Окружных Начальников, которые в свою очередь обязаны рассмотреть и решить дело в течение четырёх дней.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1831. Т. 6. № 4488.

Не вдаваясь в нюансы рассмотрения дел по данной категории преступлений, обратим внимание на пункт 22, где закреплялось, что порядок следствия и наказания по данным преступлениям относился к сельским жителям. Городские жители должны были «судиться порядком, для них установленным». Учитывая смысл принимаемого акта, смеем предположить, что это было сделано с учетом того, что в сельских поселениях, как нигде в другом месте, были сильны позиции обычного права. Эту же ситуацию можно проследить и дальше. Так, к примеру, это можно увидеть и в «Положении о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных Дагестанской области»¹.

Третья часть акта была посвящена тяжким преступлениям. К ним законодатель относил: «1) Кража, воровство и мошенничество, учиненные в третий раз от пяти до ста рублей серебром; 2) те же преступления, в первый раз учиненные, по выше ста рублей серебром; 3) Грабёж, убийство и все те преступления, за кои в законных положено наказание равное грабежу и убийству»². Виновные в тяжких преступлениях судили уже на основании общих законов.

На наш взгляд, этот акт является красноречивым с точки зрения именно подхода к уголовным и административным нарушениям. Помимо закрепления временных изъятий можно увидеть триединую систему, где при «простых проступках» законодатель, в большинстве своем, отдавал предпочтение обычному праву как основе судопроизводства, с вкраплением российского законодательства. При рассмотрении дел по маловажным преступлениям виден был приоритет российских законов, а при тяжких преступлениях виновный нес наказание исключительно по уголовным законам Российской империи.

Изъятие можно встретить и при применении наказания. Так, к примеру, 20 Февраля 1850 года было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета (опубликовано 14 марта 1850 г.) «О даровании некоторых прав Магометанскому духовенству». Здесь изъятие касалось статьи 15 Устава Рекрутского (Свода Зак. Т. 4). Данная статья была дополнена следующим постановлением: «Правом **личного изъятия** (выделено нами – А.М.) от рекрутского пользуются лица, занимающие должности духовные Магометанского исповедания: 1) Ведомство Таврического Духовного Правления, на основании существующих уже о них постановлений, и 2) ведомство Оренбургского Духовного Собрания, сверхвысших духовных лиц: Муфтия и Ахунов, те из Хатыпов (Мулл) и Имамов, которые, впредь до приведения Магометанского духовенства в штатное положение, утверждены уже или будут впоследствии утверждены Губернскими Правлениями, или Военными Губернаторами, и действительно в городах и селениях служат обществу своему исполнителями обрядов их веры»³.

С этим же основанием для изъятия была предложена новая редакция статьи 19 Приложения к Уложению о Наказаниях, согласно которой, те же лица «от наказания телесных изъемяются»⁴.

Полное собрание законов Российской империи сохранило для нас и акты, касаемые управления Кавказом посредством закрепления своего рода «плавающих изъятий». Суть подобных изъятий заключалась не в изъятии нормы закона с заменой на новую норму, а изъятие с учетом другой нормы, и, как правило, с мнением должностного лица. К примеру, 22 Мая 1905 года было Высочайше утверждено Положение о Заведывающем полицией на Кавказе. Интерес здесь представляет пункт 8, где законодатель закреплял, что: «Назначение, увольнение, перемещение и награждение всех чинов местных Жандармских Управлений в пределах Кавказского края производится по представлениям Заведывающего полицией на Кавказе в общем порядке, но с теми изъятиями, кои будут установлены Положением о Наместнике Кавказском»⁵.

Определенный пласт актов управления Кавказом приходится на вопросы экономического характера, а именно торговли, таможенные, карантинные вопросы. Среди них выделим Высочайше утверждённые Правила для таможенного надзора по Кавказской линии, 13 марта (опубликованная 6 апреля) 1835 года. Основанием для утверждения данных правил было представление министерства

¹ Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных Дагестанской области // ЦГА РД, ф.126, оп. 2, д. 15.

² ПСЗРИ 1831. Т. 6. № 4488.

³ ПСЗРИ. 1850. Т. 25. № 23932.

⁴ ПСЗРИ. 1850. Т. 25. № 23932.

⁵ ПСЗРИ. 1905. Т. 25. Часть 1. № 23932.

финансов, которое Именным указом данным Сенату «признано было нужным определить особыми правилами порядка таможенного надзора по Кавказской линии».

Согласно 3 пункта торговые сношения с черкесами, абазинцами и другими горскими народами в Черноморских портах и на Бугаз было предложено оставить «впредь до усмотрения, в настоящем положении, воспретив однако же вывоз к ним как по Черному морю, так и сухим путем тех самых предметов, которые упомянутыми правилами запрещается отпускать к горцам по Кавказской линии....»¹. С точки зрения способа изъятия с предоставлением особых полномочий, можно выделить примечания в пункте 3 главы 1 правил, согласно которым: «Если встретятся вопросы, требующие общего разрешения, то Начальник Кавказской области, по донесению означенного чиновника, представляет Главноуправляющему Грузии, а сей по оным сносится с Министром Финансов, коему предоставляется разрешать таковые вопросы и делать, по соглашению с Главноуправляющим, нужные пояснения и дополнения, поскольку сие не будет противно настоящим правилам»².

Закрепление изъятия с пространным общим исключением можно наблюдать в пункте 10 правил, где фиксировалось, что допускается изъятие для военных и гражданских чиновников, которым дозволяется пропускать все вещи, для собственного их употребления, если они представят свидетельство от местного начальства, что вещи те приведены были в Закавказию из России. Однако: «если бы замечено было, что сие изъятие служит к водворению в Россию запрещённых товаров в важных количествах, то Министр Финансов, вместе с главным местным начальством, обзывается принять надлежащее к отвращению сего меры»³.

Такое же ограничение можно наблюдать в вопросе провоза товаров, из России в Закавказский край и горским народам. Здесь в третьем разделе в пункте 13 законодатель прямо закреплял, что «привозимые из России товары и вещи как собственно Российские, так и иностранные, пошлиною в Российских Таможнях очищенные, пропускаются чрез Кавказскую линию свободно и беспошлинно, по поверхностном досмотре, с изъятиями однако, в следующих изложенными, и с тем ограничением, чтобы товары и вещи, к вывозу дозволяется, задерживаемы были в таком токмо случае, когда будут в виду явные доказательства о тайном их водворения в Россию»⁴.

Надо признать, что несмотря на позитивный фон, который создавала самодержавная власть путем введения временных изъятий меры адаптации не всегда имели положительный эффект.

На наш взгляд, это было вызвано двумя обстоятельствами: низкая правовая грамотность с точки зрения знания и понимания российского законодательства и серьезное сопротивление местных владельцев новой правовой системе, в которой они видели серьезную угрозу своей власти над населением.

Непонимание и не знание языка служило существенным барьером к применению российских правовых актов. Как правило, российское законодательство было представлено на русском языке, что ограничивало понимание норм права для большинства местного населения. Специалистов, которые могли бы доносить до местного населения суть российских законов, было недостаточно. Отсюда и выстраивалось отношение населения к российскому законодательству как к чуждому иностранному телу, особенно на фоне обычного права носившее неформальный (устный) характер. Подобная ситуация зачастую приводила к неправильному толкованию законов, что в итоге приводило к ошибочному применению, а также к непонятым (и по мнению местного населения несправедливым) решениям судов.

Что касается сопротивления местной элиты новой правовой системе, то здесь налицо был факт того что они столкнулись новыми правовыми реалиями, которые резко понижали их социальный и экономический статус. Создаваемая система управления предусматривала переход большей части властных полномочий представителям российского самодержавия на местах, что безусловно подрывало авторитет местных элит. В целом можно сказать, что процесс сопротивления местных владельцев российскому законодательству был многогранным, который отражал как особенности проводимой политики, так и социальную напряженность в традиционных обществах.

¹ ПСЗРИ. 1835. Т.10. № 7951.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ПСЗРИ. 1835. Т.10. № 7951.

Заключение

Подводя краткий итог, можно отметить, что российское самодержавие признавало необходимость применения местных традиций и обычаев, чтобы избежать сопротивления со стороны местного населения. Обычное право было неотъемлемой частью местных традиций, и его использование позволяло российским властям управлять и предотвращать конфликты. Обозначенные способы закрепления временных изъятий позволяли российскому самодержавию настолько это было возможным эффективно использовать обычное право на Северном Кавказе. Вместе с тем, самодержавная власть накладывала некоторые ограничения на использование обычного права, чтобы обеспечить соответствие его российским законам и достижению своих стратегических целей в регионе.

Список источников

1. Шапсугов Д. Ю. Проблема органичности государственно-правового развития в истории государства и права народов Кавказа / Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной практической конференции. Ростов на Дону, 2012.
2. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект: Диссертация ... доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2005. 405 с.
3. Шатковская Т. В. Имперская модель осуществления государственной власти России на Северном Кавказе: Этапы становления и особенности реализации / Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2018. С. 214–221.

References

1. Shapsugov D. Yu. The problem of the organicity of state and legal development in the history of the state and the law of the peoples of the Caucasus. In: *The state and the law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development. Materials of the international practical conference*. Rostov on Don; 2012. (In Russ.)
2. Maremkulov A. N. *Legal forms of the policy of the Russian state in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries: historical and legal aspect: Dissertation... Doctor of Law*. Rostov-on-Don; 2005. 405 p. (In Russ.)
3. Shatkovskaya T. V. The imperial model of the exercise of Russian state power in the North Caucasus: Stages of formation and features of implementation. In: *Empire, monarchy, republic, confederation as a form of exercise of power in the Caucasus. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Ed. and comp. D. Yu. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2018:214–221. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Information about the author

A. N. Maremkulov – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Коммуникативная теория права в системе постнеклассической юридической науки

Дина Евгеньевна Михель

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,

michel-di@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9116-5748>

Аннотация. Отечественная коммуникативная теория права, разработанная доктором юридических наук, профессором Андреем Васильевичем Поляковым, являет собой достижение современной научной мысли не только в области теории, но и философии права, поскольку позволяет сочетать в процессе научного познания особенности познаваемого объекта, субъективное восприятие, обусловленное культурными, ценностными и мировоззренческими ориентирами и установками, и многообразие научных подходов.

Значение коммуникативной теории права для развития современной юридической науки опосредует цель настоящего исследования – проанализировать актуальный взгляд на современное общество, право и научное знание (под призмой коммуникативного подхода) как саморазвивающихся и самоорганизующихся систем.

Достижению цели настоящего исследования служат различные общенаучные методы познания. В частности, логические методы позволили провести анализ исторических типов научного знания и правопонимания, а системный подход определить место коммуникативной теории права в системе юридической науки.

Область применения результатов: восприятие права как феномена со сложной правовой структурой, формирующейся в саморазвивающуюся систему, и определение единого принципа, раскрывающего сущностное многоединство права, позволяют сформулировать новые подходы современного научного знания (постнеклассической науки).

Выводы: целостное представление о праве формируется в рамках коммуникативной теории права как типа интегрального правопонимания посредством интегрирования и синтеза юснатурализма, социологического понимания права и социальной феноменологии. Коммуникативный подход позволяет рассматривать право и как государственное, и как социальное явление, не зависящее от нормативно-государственного волеизъявления, и представляющее собой систему правовых коммуникаций. При этом многоединство права и воспроизведение целостного теоретического представления о правовой реальности достигается посредством применения двумерной модели сочетания идеальной смысловой сущности права и реального многообразия права (форм и видов права) как «единства идеального и реального».

Ключевые слова: коммуникативная теория права, типы научного знания, правопонимание, феноменологический подход, интегральное правопонимание, коммуникация, постнеклассическая юридическая наука

Для цитирования: Михель Д. Е. Коммуникативная теория права в системе постнеклассической юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 24–29. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-24-29>. EDN YMWCWB

Communicative theory of law in the system of post-non-classical legal science

Dina E. Mikhel

Kuban State University, Krasnodar, Russia,

michel-di@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9116-5748>

Abstract. The domestic communicative theory of law, developed by Doctor of Law, Professor Andrei Vasilyevich Polyakov, is an achievement of modern scientific thought not only in the field of theory, but also in the philosophy of law, since it allows combining in the process of scientific knowledge the features of the object of knowledge, subjective perception based on cultural, value and ideological guidelines and attitudes and a variety of scientific approaches. The significance of the communicative theory for the development of modern legal science determines the purpose of this study - to analyze the current view of modern society, law and scientific knowledge as self-developing and self-organizing systems under the prism of the communicative approach.

For the purposes of this study, various general scientific methods of cognition were used. In particular, logical methods made it possible to analyze the historical types of scientific knowledge and legal understanding, and the systems approach determined the place of the communicative theory of law in the system of legal science.

Scope of application of the results: the perception of law as a phenomenon with a complex legal structure, forming a self-developing system, and the definition of a single principle that reveals the essential multi-unity of law, allow us to formulate new approaches to modern scientific knowledge (post-non-classical science).

Conclusions: a holistic view of law is formed within the framework of the communicative theory of law as a type of integral legal understanding through the integration and synthesis of jusnaturalism, sociological understanding of law and social phenomenology. The communicative approach allows us to consider law both as a state and as a social phenomenon, independent of the normative-state expression of will, and representing a system of legal communications. At the same time, the multi-unity of law and the reproduction of a holistic theoretical idea of legal reality is achieved through the use of a two-dimensional model of combining the ideal semantic essence of law and the real diversity of law (forms and types of law) as the "unity of the ideal and the real".

Keywords: communicative theory of law, types of scientific knowledge, legal understanding, phenomenological approach, integral legal understanding, communication, post-non-classical legal science

For citation: Mikhel D. E. Communicative theory of law in the system of post-non-classical legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):24–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-24-29>. EDN YMWCWB

Введение

Мировоззренческими особенностями развития науки обусловлены различные исторические типы научного знания.

Классический тип научного знания (классическая наука) отличается линейным рационалистическим подходом при соблюдении причинно-следственных связей в исследовании объектов окружающей действительности. При этом деятельность субъекта познания направлена на отыскание объективного знания об объекте. Такой подход рассматривает развитие государства и права линейным закономерным путем.

Неклассический тип научного знания усложняет познаваемый объект. Субъект познавательной деятельности при таком типе находится внутри познаваемого объекта как системы, а, следовательно, методы, выбираемые субъектом познавательной деятельности, определяют и сам объект. В рамках неклассической науки отказываются от линейного подхода в изучении исторического развития.

Постнеклассический тип научного знания также рассматривает субъекта и его деятельность внутри познаваемого объекта, но при этом научное познание опосредованно субъективным восприятием на основе культурных, ценностных и мировоззренческих ориентиров и установок.

Таким образом, постнеклассический тип науки можно охарактеризовать как открытую рациональность, предполагающую изучение «исторически развивающихся систем на основе диалога и сопоставления различных познавательных позиций и с учетом многообразия культур и мировоззренческих традиций» [1, с. 20].

Историческим типам развития научного знания соответствуют и определенные исторические типы правопонимания.

Классическими типами правопонимания принято считать позитивизм, юснатурализм и социологическое понимание права. К неклассическим типам традиционно относят теории права С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, в которых право постулируется или как феномен культуры, или правоотношение, или способ разграничения интересов [2].

В настоящее время научная парадигма изучения права меняет вектор развития. В российской правовой науке все чаще предпринимаются попытки переосмысления рационалистического подхода к праву и выработки инновационных интегративных и интегральных типов понимания права. При этом на пути создания универсальной концепции понимания права, отвечающей новым вызовам современности и уровню развития правовой реальности, авторы отмечают близкие положения, что позволяет утверждать о концептуальном сближении различных современных правовых подходов и учений.

Для постнеклассических научных направлений, использующих системный подход, и определяющих право как саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему, включающую многообразие факторов, составляющих его содержание, а также формы и виды закрепления правовых норм и правоотношений, характерно понимание права как многоединства. Классическое правопонимание игнорирует многоаспектную природу права в виду одностороннего взгляда на право и отчужденности права от субъекта и жизненного мира человека, тогда как постнеклассическое интегральное правопонимание обеспечивает взаимосвязь права и человека.

Коммуникативная теория права относится к неклассическим типам правопонимания постклассической юридической науки, в частности к феноменологическому подходу или интегральному пониманию права.

Теоретико-правовые основы интегрального правопонимания

Генезис интегрального правопонимания протекает под призмой поиска компромисса между различными школами и теориями права с целью выработки «общих точек соприкосновения», позволяющих преодолевать односторонний подход к праву и его основаниям. По справедливому замечанию В. Г. Графского, «интегральная юриспруденция – это «синтезирующее правоведение», позволяющее упорядочить наиболее полезные и перспективные способы приобщения к юридическому знанию, юридическому воспитанию...» [3].

Вместе с тем основу интегрального правопонимания составляет методологический синтез основных типов правопонимания, сформировавшихся на рубеже XX–XXI веков, философских концепций и мировоззренческих воззрений.

Основательность и фундаментальность коммуникативной теории права, в значительной степени опосредована наследием русской дореволюционной философии права в трудах Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, а также отечественными и зарубежными концепциями социальной феноменологии.

Русской философии права коммуникативная теория права обязана выдвижением положений о связи права с человеческой личностью, имеющей притязательно-обязывающую природу (идеи Л. И. Петражицкого об императивно-атрибутивных эмоциях как внутренней основе права), об имплицитной коммуникативной сущности личности (идеи П. И. Новгородцева об иницилирующей рационально-нравственное самораскрытие сущности человеческой личности морали), о взаимном правовом признании как основании коммуникативного единства (идеи И. А. Ильина о признании как основе правового общения индивидуумов) [4].

Также, важные мировоззренческие начала коммуникативной концепции по справедливому замечанию автора имеются «в онтологии человеческого бытия К. Ясперса, Г. Марселя, Э. Мунье, М. Бубера, С. Франка, Н. Бердяева и М. Бахтина и лингвистике Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, Р. Якобсона» [5].

Идеи социальной феноменологии, представленные в трудах Гуссерля, Шюца, Бергера, Лукмана об эйдетическом смысле права и его intersubjectивной перспективе, получили выражение в исходном положении правовой теории А. В. Полякова об intersubjectивности общества как «сферы осмысленного взаимодействия субъектов, опосредованного текстами» [5].

Андрей Васильевич Поляков как представитель Ленинградской (Санкт-Петербургской) историко-правовой научной школы права, следуя традициям российского правоведения, и, опираясь на результаты научных изысканий предшественников в области теории и философии права, разработал «современную феноменолого-коммуникативную концепцию интегрального правопонимания» [6]. При этом автор на основе такого критерия как целостность разграничивает интегральные и интегративные подходы к праву.

Под интегральным правопониманием А. В. Поляков понимает отличные от классических трактовок права концепции, способные раскрыть целостную картину «живого права» [7]. К интегративным подходам ученый относит объединяющие классические подходы к праву концепции. Например, позитивистский, естественно-правовой и социологический типы правопонимания.

Как отрицательное явление классических типов правопонимания, автором рассматривается восприятие права как объекта, то есть его отчуждение от субъекта и его коммуникативных способностей [4]. Догматические представления о праве, сложившиеся в рамках классических концепций, по мнению автора, лишь «в определенном аспекте отражают сущность права. Вместе с тем А. В. Поляков не отрицает выводов классических подходов к праву.

Важным методологическим основанием своей концепции автор считает феноменологическую теорию права Н. Н. Алексеева, который определял право как «свободное от политики или идеологии явление, имеющее свой собственный смысл. Право предстает не одномерным измерением в виде нормы, воли, свободы или интереса, а многомерным явлением» [5, с. 10]. При этом в качестве ключевого понятия, образующего смысловое единство при фактическом многообразии права, Н. Н. Алексеев называл «правовую структуру как единство субъекта, ценностей, правомочий и правообязанностей», поскольку всегда там где есть правовая структура, есть и право [1].

Научная дискуссия

Развитие науки и научного знания протекает эволюционным путем и обусловлено культурными особенностями и историческими условиями отдельных обществ. Исторические этапы развития обществ и государств формируют и соответствующие исторические типы научного знания. Так, не для всех обществ характерно отнесение науки к социальной ценности. Общества, основанные на рационалистической культуре, рассматривают направленность научного развития в контексте преобразования окружающей среды, а общества с традиционным консервативным мировоззрением наоборот ограничиваются созерцанием и созидательным развитием науки. Традиции и преемственность выступают ценностями, ограничивающими преобразующую деятельность человека.

В современной гуманитарной науке феноменологический подход обеспечивает смену научной рациональности и используется в теории права как основание для интеграции правового сознания и разработки интегративных и интегральных концепций правопонимания. Взгляд на право как на коммуникативное и интегральное явление обеспечивает диалогический способ подачи материала. Единое, целостное представление о праве в рамках коммуникативной теории исходит из фундаментальности процессов коммуникации в обществе посредством методологического плюрализма и взаимообусловленной зависимости правовой коммуникации и онтологической природы человека [6]. Как указывает проф. И. Л. Честнов, «...эвристические достоинства коммуникативной теории опосредованы определением коммуникативности как основания сконструированности, интересубъективности, чело-векоразмерности, социокультурной обусловленности и контекстуальности правовой реальности» [8].

Основные положения коммуникативной теории права относительно рассматриваемого в настоящей статье предмета можно сформулировать следующим образом.

Право – это многообразное и существующее в разных формах и видах явление, многообразие которых обусловлено культурно-историческими характеристиками формирования и развития национальных правовых культур» [6]. Как государственное и социальное явление право не зависит от нормативно-государственного волеизъявления и представляет собой систему правовых коммуникаций [6]. Право – это не внешняя, стремящаяся подчинить себе человека сила, а способ бытия человека. Следовательно, подобно морали, нравственности, религии и науке право есть форма коммуникации [9]. В соответствии с феноменологическим подходом коммуникативная концепция права также описывает право как некую самоорганизующуюся и саморазвивающуюся коммуникативную систему.

В рамках коммуникативной теории права понимание права основано на двумерной модели сочетания идеальной смысловой сущности права и реального многообразия права (форм и видов права) как «единства идеального и реального, что позволяет постичь многоединство права и воспроизвести целостное теоретическое представление о правовой реальности» [6, с. 11]. Смысловая сущность права

проявляется в правомочии, которое как ядро структуры правовой коммуникации, представляет собой возможность субъекта свободно действовать в пределах социально признанных и нормативно определенных границ и требовать от других действий в соответствии с указанным правомочием [6]. Совокупность правомочий формирует субъективное право.

Реальное многообразие права как второй компонент действующей правовой системы проявляется в правовом плюрализме, разнообразии форм права. Так, наряду с государственно-организованной формой права, автор признает разные уровни социального правопорядка, например, интрасоциальный (внутрисемейные, групповые нормы), экстрасоциальный (межгосударственные нормы). При этом социальное и государственно организованное право представляют собой две подсистемы единой функциональной системы права [6].

Представленные положения коммуникативного подхода к праву составляют лишь небольшую часть рассматриваемой концепции. Вместе с тем их анализ позволяет раскрыть основные особенности разработанной А. В. Поляковым теории, и ее место в системе постнеклассического юридического знания. Так, следуя методологическому плюрализму как основной идее интегрального правопонимания постклассической юридической науки, автор, используя неклассические концепции правопонимания (феноменологический, герменевтический и пр.), формулирует основные положения коммуникативного подхода к праву. Однако, оценивая положительное значение коммуникативной теории права А. В. Полякова для развития современной теоретико-правовой науки в целом, С. И. Архипов называет рассматриваемую концепцию «возрождением коммуникативного подхода в российской юридической науке, получившего признание в зарубежной науке благодаря идеям И. Канта, Ю. Хабермаса и др.» [7]. Справедливость указанного положения отчасти подтверждается представленными в настоящем исследовании теоретико-правовыми основами коммуникативного правопонимания. Вместе с тем отличительной особенностью, формирующей содержание интегрального правопонимания, является именно методологический синтез и плюрализм разнообразных подходов к праву, позволяющий выявлять их общие и коррелирующие черты в понимании права. Фундаментальность теоретических концепций формируется теоретико-правовыми основаниями, используемых при их построении научных теорий и идей. В этой связи следует согласиться со С. В. Тихоновой в том, что «коммуникативная теория права соответствует основам логико-методологических критериев методологического синтеза неоднородных и нетождественных подходов интегрального понимания права» [4].

Заключение

Основные практические выводы и теоретические положения коммуникативного подхода к современному обществу, праву и правовой доктрине как саморазвивающихся и самоорганизующихся систем формируют в своей совокупности важную часть теоретико-методологических оснований интегральной юриспруденции.

Коммуникативное правопонимание под призмой целостного подхода к праву позволяет актуализировать современное юридическое образование и «освободить право от идеологической нагруженности и концептуальных противоречий позитивистского, естественно-правового и социологического правопонимания [5].

Представленные положения коммуникативного правопонимания А. В. Полякова соответствуют принципу открытой рациональности постнеклассического типа научного знания, поскольку выработаны с учетом многообразия и диалога различных познавательных позиций.

Восприятие права как феномена со сложной правовой структурой, формирующейся в саморазвивающуюся систему, и определение единого принципа, раскрывающего сущностное многообразие права, составляют актуальный вектор развития инновационных подходов современного научного знания (постнеклассической науки), в которых во главу угла поставлены проблемы саморазвивающихся и самоорганизующихся систем [10].

Список источников

1. Поляков А. В., Тимошина С. В. Общая теория права: учебник. 3-е изд. СПб., 2017. 468 с.
2. Контарев А. А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 94–98.
3. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 4. С. 49–64.

4. Тихонова С. В. Идеиные истоки развития российской коммуникативной теории права // Журнал высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 25–47.
5. Тимошина Е. В. Современные проблемы правопонимания: обсуждение монографии А. В. Полякова: «Общая теория права: Курс лекций». СПб.: Юридический центр Пресс, 2001 // Юридическое образование и наука. 2004. № 4. С. 39–46.
6. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
7. Архипов С. П. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 20–27.
8. Честнов И. Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права / Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова. Т. 1 / Под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 20–32.
9. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид.наук в виде научного доклада. СПб., 2002. 94 с.
10. Современные правовые учения в России: конец XX – начало XXI в.: монография / Г. Э. Адыгезалова и др. Краснодар, 2024. 249 с.

References

1. Polyakov A. V., Timoshina S. V. *General Theory of Law: textbook*. 3rd ed., St. Petersburg; 2017. 468 p. (In Russ.)
2. Kontarev A. A. The problem of the essence and meaning of law in the context of the transition of Russian jurisprudence from classical to non-classical type of scientific rationality. *Philosophy of Law*. 2016; 6(79):94–98. (In Russ.)
3. Gafsky V. G. Integral (synthesized) jurisprudence: a current and still unfinished project. *Pravovedenie*. 2000;(4):49–64. (In Russ.)
4. Tikhonova S. V. Ideological sources of the development of the Russian communicative theory of law. *Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(2):25–47. (In Russ.)
5. Timoshina E. V. Modern problems of legal understanding: discussion of A.V. Polyakov's monograph: "General theory of law: Course of lectures". St. Petersburg: Law Center Press, 2001. *Juridical Education and Science*. 2004;(4):39–46. (In Russ.)
6. Polyakov A. V. *General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach*. St. Petersburg; 2004. (In Russ.)
7. Arkhipov S. P. Communicative Theory of Law of A. V. Polyakov. *Russian Law Journal*. 2016;(4):20–27. (In Russ.)
8. Chestnov I. L. Prospects of Post-Non-Classical Communicative Theory of Law. In: *Communicative Theory of Law and Modern Problems of Jurisprudence. On the 60th Anniversary of A. V. Polyakov*. Vol. 1. Edited by M. V. Antonov, I. L. Chestnov. St. Petersburg: Alef-Press; 2014. P. 20–32. (In Russ.)
9. Polyakov A. V. *Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification)*: dis. ... Doctor of Law in the form of a scientific report. St. Petersburg; 2002. 94 p. (In Russ.)
10. Adygezalova G. E. et al. *Modern legal doctrines in Russia: late 20th – early 21st century*: monograph. Krasnodar; 2024. 249 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Е. Михель – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет.

Information about the author

D. E. Mikhel – Cand. Sci. (Law), Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 340+34.01

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-30-44>

EDN WNAMXZ

Юридическая деятельность: методология, доктрина, современный взгляд

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Аннотация. *Актуальность.* Публикация посвящена разработке основных положений *теории юридической деятельности*. Направления эволюции правовой системы России нашли свое воплощение во многих явлениях правовой действительности, в том числе в юридической деятельности, а наиболее значимыми факторами, влияющими на отрасль правовых работ, на правовое развитие страны, являются тенденции гуманизации, демократизации, интеграции, обуславливающие изменение содержания, форм, целей и других элементов юридической деятельности.

Целью статьи является осмысление теоретических и методологических основ юридической деятельности, состояния и перспектив развития в условиях становления гражданского общества, социально-правового государства, трансформации правовой системы России в контексте ее мировой и евразийской интеграции, сохранения самобытности национального права.

Цель исследования обусловила определение и решение следующих *научных задач*: а) проанализировать и обобщить результаты правовых исследований юридической деятельности, выявить существующие пробелы, определить проблематику дальнейшего изучения; б) систематизировать методологические подходы общетеоретических исследований юридической деятельности; в) определить особенности деятельного подхода и раскрыть его методологические возможности по исследованиям юридической деятельности; г) выявить и охарактеризовать исторические источники возникновения и становления профессиональной деятельности юристов; д) на основании анализа и обобщения общетеоретических и других правовых исследований юридической деятельности определить ее доминирующие свойства, социальную и правовую обусловленность, разработать соответствующее определение; е) выявить изменения в структуре, функциях и условиях типологизации юридической деятельности с учетом тенденций развития юридической науки и правовой действительности России; ж) раскрыть содержание понятия и основные принципы юридической практической деятельности, систематизировать ее признаки, имеющие научно-теоретическое и нормативно-правовое происхождение; з) определить основное функциональное предназначение практической деятельности юристов в соответствии с ролью права в обществе; и) выяснить существующие классификации видов и форм юридической практической деятельности, на основе чего определить целесообразность выделения новых классификационных критериев; к) охарактеризовать особенности юридической деятельности в разных правовых системах; л) определить перспективы профессиональной деятельности юристов в соответствии с направлениями и тенденциями развития правовой системы России.

Материалы и методы. В статье использованы методы: диалектики, герменевтический, исторический, структурно-функциональный, системный, деятельный, классификации, сравнения, специально-юридический, правового моделирования.

Результаты. В труде исследованы уровень разработанности проблемы, современные подходы к определению понятия и *юридическая деятельность* определена как вид правовой деятельности, осуществляемый на профессиональной основе юристами; выяснена ее структурно-функциональная характеристика, проанализированы определенные составные элементы содержания; отдельно рассмотрена сфера практической деятельности юристов, которая увязывается с решением конкретных юридических дел, уточнены виды юридической работы, основные задачи, принципы, функции. Юридическая деятельность рассмотрена также в прикладном аспекте, учитывая анализ состояния развития правовой системы России.

Выводы. Обосновано мнение о непосредственности связи типологических признаков правовой системы с особенностями осуществления юридической деятельности. Проанализированы важнейшие проблемы осуществления определенных видов юридической работы, а также пути их устранения. Обозначены возможные перспективы развития юридической профессии в России, исходя из характера развития национальной правовой системы, уделено внимание особенностям осуществления юридической деятельности в условиях отдельных типов национальных правовых систем.

Ключевые слова: теория права, юрист, юридическая наука, юридическая деятельность, виды юридической деятельности, юридическая практика, юридическое образование, правоотношения, правовая деятельность, правовая система, правовой режим, средства правового регулирования, правосознание, правопорядок

Для цитирования: Беженцев А. А. Юридическая деятельность: методология, доктрина, современный взгляд // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 30–44. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-30-44>. EDN WNAMXZ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Legal activity: methodology, doctrine, modern view

Alexander A. Bezhentsev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Abstract. Relevance. The publication is devoted to the development of the main provisions of the theory of legal activity. The directions of evolution of the legal system of Russia have found their embodiment in many phenomena of legal reality, including legal activity, and the most significant factors influencing the branch of legal works, the legal development of the country, are the tendencies of humanization, democratization, integration, causing changes in the content, forms, goals and other elements of legal activity.

The purpose of the article is to understand the theoretical and methodological foundations of legal activity, the state and prospects of development in the context of the formation of civil society, a socio-legal state, the transformation of the legal system of Russia in the context of its global and Eurasian integration, the preservation of the originality of national law. The purpose of the study determined the definition and solution of the following *scientific problems*: a) to analyze and summarize the results of legal research of legal activity, identify existing gaps, determine the problems of further study; b) to systematize the methodological approaches of general theoretical studies of legal activity; c) to determine the features of the activity approach and reveal its methodological possibilities for research of legal activity; d) identify and characterize the historical sources of the emergence and development of the professional activity of lawyers; e) determine the dominant properties, social and legal determinacy, and develop an appropriate definition based on the analysis and generalization of general theoretical and other legal studies of legal activity;

f) identify changes in the structure, functions, and conditions for the typology of legal activity, taking into account the development trends of legal science and the legal reality of Russia; g) disclose the content of the concept and basic principles of legal practice, systematize its features that have a scientific, theoretical, and normative-legal origin; h) determine the main functional purpose of the practical activity of lawyers in accordance with the role of law in society; i) clarify the existing classifications of types and forms of legal practice, on the basis of which determine the feasibility of identifying new classification criteria; j) characterize the features of legal activity in different legal systems; k) determine the prospects for the professional activity of lawyers in accordance with the directions and trends in the development of the legal system of Russia.

Materials and Methods. The article uses the following methods: dialectics, hermeneutic, historical, structural-functional, systemic, active, classification, comparison, special legal, legal modeling.

Results. The work examines the level of development of the problem, modern approaches to defining the concept and legal activity is defined as a type of legal activity carried out on a professional basis by lawyers; its structural and functional characteristics are clarified, certain constituent elements of the content are analyzed; the scope of practical activity of lawyers, which is linked to the solution of specific legal cases, is separately considered, types of legal work, main tasks, principles, functions are specified. Legal activity is also considered in the applied aspect, taking into account the analysis of the state of development of the legal system of Russia.

Conclusions. The opinion on the immediacy of the connection between the typological features of the legal system and the peculiarities of the implementation of legal activity is substantiated. The most important problems of implementing certain types of legal work, as well as ways to eliminate them, are analyzed. Possible prospects for the development of the legal profession in Russia are outlined, based on the nature of the development of the national legal system, attention is paid to the peculiarities of the implementation of legal activity in the conditions of individual types of national legal systems.

Keywords: theory of law, lawyer, legal science, legal activity, types of legal activity, legal practice, legal education, legal relations, legal activity, legal system, legal regime, means of legal regulation, legal consciousness, legal order

For citation: Bezhtentsev A. A. Legal activity: methodology, doctrine, modern view. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):30–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-30-44>. EDN WNAMXZ

Введение

Актуальное состояние развития права, правовой системы свидетельствует о наличии определенных проблем, касающихся перспектив эволюции общественного и государственного строя, демократии, утверждения идеалов равенства и свободы, верховенства права, провозглашенных как главные ценности в Конституции Российской Федерации. Государство и право отражаются в социальном сознании, ориентированном на высокие достижения в области прав и свобод человека и коренным образом отличаются от главных постулатов официально признанной идеологии прошлого века. Тем не менее, между провозглашенными ценностями и фактическим состоянием их реализации сложился незначительный разрыв, причины которого объясняются международными, экономическими, социальными, культурными и другими факторами. Реальность коррупции, некоторое распространение нигилистических настроений становятся определенными препятствиями на пути социального прогресса в России. В частности, сложности в отношении высококвалифицированных кадров затронули правоохранительные органы – основные субъекты обеспечения правопорядка, не до конца эффективно функционируют государственные и негосударственные институты правовой защиты, хоть и весьма эффективной, но почти неизменной в векторе совершенствования работы много лет по своей сути остается деятельность правосудия.

Во многом состояние качества общественной жизни связано непосредственно со сферой деятельности правовых институтов, в которой работает значительное количество представителей юридической профессии, что определяет не только их социальную значимость, но и высокую ответственность перед обществом за состояние законности, свободы и справедливости.

Указанные факты обуславливают необходимость переосмысления теоретических основ *юридической деятельности* в соответствии с конкретно-историческими условиями, которые сложились

в современном российском обществе с учетом проведения специальной военной операции, введения недружественными западными странами новых санкций, преимущественно экономического характера, переориентации внешней политики России на страны, прежде всего евразийского и отчасти восточного регионов, наполнения юридической деятельности новым содержанием, учитывая особенности развития правовой системы России.

Обзор литературы

Утверждение в правоведении принципа научного плюрализма и отказ от этатистских традиций обусловили целесообразность новых взглядов на структуру, формы осуществления и функции юридической деятельности. Современная научная литература по вопросам юридической деятельности, учитывая междисциплинарный характер ее проблематики, разнообразна в соответствии с множеством поставленных исследователями познавательных задач и численности практических проблем, которые должны быть решены с помощью средств научного прогнозирования [1; 2, с. 282–290; 3, с. 5–21; 4, с. 7–12; 5, с. 14–16; 6, с. 56–58; 7, с. 147–151; 8, с. 113–114; 9, с. 37–39; 10, с. 74–79; 11, с. 81–91; 12, с. 59–73; 13]. Это можно объяснить сложностью и полифункциональным характером этого явления, что способствовало привлечению научного потенциала специалистов не только правоведения, но и других областей знаний, в частности философии, социологии, психологии, истории, теории управления.

Отдельные стороны практической деятельности юристов изучались в рамках отраслевых юридических наук, которые направляли свои усилия на познание особенностей профессиональной деятельности юристов в сфере исполнительной власти, местного самоуправления, досудебного следствия, судопроизводства, прокурорского надзора, оказания нотариальных или адвокатских услуг. Заслуживают внимания вопросы морально-нравственного обеспечения юридической деятельности и развития деонтологического направления правовых исследований.

В последнее время широко исследуются концепции культуры творчества в юридической деятельности и социальной практике. Согласимся со справедливыми утверждениями Д. Ю. Шапсугова: «Культура творчества охватывает духовную и практическую, преобразующую существующее в действительное, деятельность человека в их единстве. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике есть формирование и реализация развивающейся способности свободного человека создавать, владеть, пользоваться и распоряжаться всем, что ему необходимо для разумной жизни. В творчестве нужно стремиться исчерпать его постоянно расширяющиеся возможности для существенного обновления всех его компонентов в познании, «производстве» и осуществлении права» [14, с. 11].

Однако долгое время в научной литературе деятельность в сфере права рассматривалась как аспект государственного или политического управления, а работа юриста ассоциировалась с правоохранительностью, применением права как форм реализации государственно-властных полномочий. До настоящего времени не разработана научно обоснованная методология исследований юридической деятельности, которая позволила бы учесть различные подходы к определению понятия, форм, видов юридической деятельности, систематизировать научные интересы исследователей правовой сферы в соответствии с потребностями этапа современного развития державы. Не определены необходимые научные прогнозы относительно тенденций эволюции профессиональной деятельности юристов и направлений ее инноватизации.

Указанное свидетельствует об актуальности избранной темы научного исследования и необходимости дальнейшей проработки теоретических и методологических основ теории юридической деятельности.

Материалы и методы исследования

Философско-мировоззренческой основой исследования являются основные положения аналитической философии, феноменологии, герменевтики, а также парадигмы человекоцентризма, социологической и интегративной юриспруденции. Обоснованность и достоверность научных результатов обеспечивались использованием философских, общенаучных, специально научных и конкретно научных методов познания, в частности:

– *методы диалектики* позволили определить основные свойства явления юридической деятельности как находящегося во взаимодействии с другими элементами правовой системы, развивающейся, изменяющейся в соответствии с общими тенденциями развития общества и правовой сферы его жизни;

– использование *герменевтического подхода* связывалось, прежде всего, с необходимостью познания и интерпретации текстов монографических изданий, научных статей, учебных материалов, а также текстов нормативных актов;

– путем применения *исторического метода* в исследовании отражены этапы становления и развития теории юридической деятельности, выделены эτικο-деонтологическое направление исследования сферы профессиональной деятельности юристов, условия и факторы формирования корпуса профессиональных юристов в исторических рамках существования древнего римского общества;

– с использованием *структурно-функционального подхода* было исследовано внутреннее устройство юридической деятельности определена взаимосвязь таких структурных ее составляющих, как субъект, объект, цель, задачи, функции и формы;

– *системный подход* позволил рассмотреть юридическую деятельность как элемент правовой системы, определить зависимость ее свойств от системных изменений в праве и обществе;

– *деятельный подход* направлялся на освещение отдельных правовых явлений, в частности права, правоотношений, правопорядка, правового режима, средств правового регулирования, правосознания через призму их детерминации деятельностью юристов, в сфере осуществления которой каждое из названных явлений проявляет своеобразные формы и способы проявления, взаимодействия;

– *метод классификации* позволил систематизировать как отдельные методологические подходы современных исследователей проблематики юридической деятельности, так и определить основные группы классификационных критериев (научные, нормативные, практические) по порядку их происхождения, дополнить существующую видовую гамму профессиональной деятельности юристов, выявить недостатки и противоречия в использовании классификаций;

– *метод сравнения* был использован в процессе сопоставления методик проблематики юридической деятельности, способов нормативного закрепления задач и функций, а также сопоставления объемов понятий юридической, правовой, неправовой деятельности, составляющих категориальную базу исследования;

– *специально-юридический метод* был использован для объяснения отдельных правовых конструкций, теорий, принципов, понятий, анализа норм действующего законодательства, выявления недостатков в нем;

– *метод правового моделирования* применялся для определения перспектив развития научной, обучающей и практической форм деятельности юристов.

Обсуждение, результаты исследования

Исследуя историографию по проблематике юридической деятельности на основе осуществления систематизированного анализа научных источников по проблематике юридической деятельности, мы утверждаем, что, будучи сравнительно сложным и распространенным социальным явлением, юридическая деятельность стала предметом исследования не только для представителей юридической науки, но и для специалистов других областей знаний, в частности, философии, психологии, истории. Однако в этих исследованиях не осуществлена комплексная разработка юридической деятельности, а в большей степени изучаются ее отдельные аспекты, проблемные вопросы. Это приводит к необходимости развернутой характеристики философских основ правопонимания, раскрытия проблем истины и справедливости в юридическом процессе и использования философских категорий, позволяющих выявить наиболее существенное в юридической сфере с позиций единства логического и исторического, конкретного и абстрактного, теоретического и практического.

Анализируя уровень развитости теории юридической деятельности, мы акцентируем внимание на том, что: *во-первых*, теория юридической деятельности имеет свою историю становления и развития, внутреннее устройство, систему принципов, терминологический ряд, собственную методику применения; *во-вторых*, уровень развитости теоретических знаний зависит от интенсивности исследований в этом направлении, возможностей использования теоретических разработок на практике, а также междисциплинарных связей с другими науками. Заключаем, что, учитывая состояние развития правовой науки и правовой действительности, следует признать, что отдельные составляющие теории юридической деятельности требуют уточнения содержания, расширения классификационных рядов, а понятийно-категориальный аппарат – упорядочение по содержанию и объему на основе деятельного подхода, теории правового поведения, теории социальной деятельности, а также принципов непротивопоставления, соотносительности объемов понятий и однозначности их понимания.

Юридическая деятельность показывает, что она является предметом различных правовых и других социально-гуманитарных наук, каждая из которых выделяет присущую ей научную проблематику. Правовые исследования целесообразно разделить на несколько групп или направлений: а) исследования философского уровня; б) теоретико-правовые исследования; в) отраслевые и межатраслевые (междисциплинарные); г) исследования по направлениям профессиональных специализаций. Отдельные направления представляют эτικο-деонтологические научные изыскания, а также разработки научной и образовательной юридической деятельности.

Детализируя методологические подходы исследований юридической деятельности подчеркнем, что современная методологическая база исследований проблематики юридической деятельности основывается на основных положениях современного правопонимания, сочетания и взаимодополнения юридического позитивизма, социологизма, интегративной юриспруденции, а также идеях верховенства права, признания прав и свобод человека как высшей социальной ценности, разграничения права и закона, взаимной ответственности должностных лиц и граждан.

По нашему мнению, в структуре методологии исследований юридической деятельности следует выделить несколько наиболее распространенных методологических подходов, которые являются доминирующими и позволяют решать поставленные исследователями задачи, в частности комплексный, социологический, прагматический, системный и деонтологический подходы. В последнее время наблюдается активизация исследований деонтологических аспектов природы и содержания юридической деятельности, сопоставление ее основ с моральными основами жизнедеятельности общества, что дает основания для выделения эτικο-деонтологического направления в правовых исследованиях, как важного.

Вместе с тем отметим, что методологическая база исследований юридической деятельности остается несколько несовершенной, что проявляется в многообразии авторских позиций по определению, признакам, структуре, содержанию, видам юридической деятельности, ее соотношению с другими правовыми явлениями. В частности, без внимания ученых остаются исследования юридической деятельности как разновидности социальной и правовой деятельности, ее собственно юридическая природа, особенности научной, образовательной и практической деятельности юристов. Поэтому дальнейшее решение проблем юридической деятельности требует дополнительной разработки и обоснования таких методологических подходов, как: деятельный, аксиологический, сравнительный, антропологический.

Некоторые методологические проблемы могут быть решены на основе использования деятельного подхода. Деятельность как предмет исследования попала в сферу научного интереса только в XVIII в. благодаря представителям немецкой классической философии, которые рассматривали деятельность как спонтанную активность сознания, не связанную нормами логики и рефлексии, создающую основу для различных норм человеческого поведения. Во второй половине XX в. наблюдается повышение внимания исследователей к методологическому принципу деятельности, согласно которому внимание акцентируется на роли деятельности как на объясняющем факторе в исследованиях человека или отдельных сфер его жизни, что придает деятельной парадигме особую методологическую ценность и эвристичность.

Использование принципа деятельности в современном правоведении обусловлено социальной природой и назначением права, деятельностью социальных субъектов, реализующих свои права, свободы, обязанности, обеспечивающие жизнеспособность и жизнедеятельность права. Да, правовые исследования государства, его отдельных форм связываются с функционированием власти, основой осуществления которой является человеческая деятельность. Историко-правовые исследования государственности также опираются на анализ деятельности конкретных людей, публичных и политических объединений. Поэтому принцип деятельности как ведущая идея и методологическая установка предполагает выявление причинных связей между событиями в обществе через их детерминацию предметной деятельности людей.

Предложим категориальный ряд деятельного подхода: движение, активность, социальная активность, поведение, действие, деятельность, принцип деятельности, метод деятельности, методика деятельного подхода, среда деятельности, структура, цель деятельности, результат.

Систематизируя исторические аспекты формирования профессиональной деятельности юристов с целью выявления важного и закономерного в существовании феномена юридической деятельности обратимся к ее ретроспективной характеристике на примерах возникновения и формирования юридической профессии в Древнем Риме.

Мы придерживаемся точки зрения, что древнеримская правовая культура считается не только классическим образцом правового развития, но и является неисчерпаемым источником правовых знаний, позволяет выявить закономерности возникновения и становления юридической деятельности, исторические связи с правовой культурой России. На основании анализа правовой истории Рима установлено, что отдельно возникает и выделяется профессиональная деятельность проводящего следствие, судьи, адвоката, исполнителя судебных решений. Деятельность в сегменте права дифференцируется на *три вида*: 1) практическую; 2) учебную; 3) научную. На первичном этапе зарождения профессии четкого разграничения на указанные виды не существовало, такое распределение сложилось значительно позже. Имена таких юристов как Папиниан (выдающийся римский юрист и государственный деятель, оказавший огромное влияние на последующее развитие мирового правоведения; по глубине правовой мысли считается самым значительным представителем древнеримской юриспруденции), Ульпиан (юрист ранней Римской империи, сторонник естественного права, в 426 г. его сочинениям была придана обязательная юридическая сила), Гай (один из наиболее влиятельных римских юристов, принадлежал к сабинианской «школе», его мнения, наряду с суждениями Папиниана, Ульпиана, Модестина и Павла, признаны источником римского права, которым надлежало пользоваться судьям при вынесении решений) стали известны не только благодаря их практической работе, но и научному творчеству. Их идеи о праве, государстве, свободе, справедливости были восприняты и представителями средних веков, Нового времени и использованы в качестве правовых основ. Известно, что уже к императорскому периоду римскими юристами была сделана наработка по судебной практике, налоговому управлению, финансовому праву, управлению городами, уголовному судопроизводству. По результатам творческой деятельности юристов издавалась литература, хотя и в ограниченном количестве.

В период Римской империи институционализируется правовое обучение путем образования заведений для преподавания правовых дисциплин. Внеитальянские школы по сравнению с римскими очень отставали, поэтому в Рим на обучение прибывали массы провинциалов, росла потребность в юридической подготовке и повышении юридической опытности. По мнению специалистов по истории римского права, в школах воплощались не только идейные направления науки. Они выполняли также функцию учебных заведений, в которых известные взгляды и традиции передавались от поколения к поколению и защищались известными наставниками. Таким образом, уже на первичном этапе выделения юридической работы как профессионального вида деятельности наблюдаем ее разграничение на сферы практического применения и теоретическую, где в последней находим все признаки учебной и научной деятельности в ее современном понимании.

К сожалению, количество сохранившихся до наших дней источников эпохи правовой культуры Древнего Рима очень ограничено по объему, но составляет золотой фонд для изучения истории права и юридической профессии. Особенно это актуально для стран, чьи правовые системы унаследовали римскую правовую традицию. Относительно юридической деятельности, анализ исторических фактов позволяет утверждать, что юридическая профессия как вид социальной деятельности имеет давнюю историю, которая неразрывно связывается с историей развития права. Специализация и профессионализация правовой работы складывалась постепенно вместе с выделением социального слоя квалифицированных юристов.

Таким образом, вместе со становлением и развитием права и отдельных правовых институтов происходило зарождение профессионального социального слоя юристов, существование которого было объективным условием функционирования права. Осуществление правосудия, предоставление консультаций, советов, выступления в суде в защиту одной из сторон, подготовка текстов документов – основные действия, выполнение которых предполагало наличие специальных знаний, навыков и опыта благодаря чему в Древнем Риме формировался классический образец правовой культуры, который своим существованием непосредственно или косвенно оказывал мощное влияние на культуры других народов.

Определяя теоретические основы юридической деятельности, конкретизируем, что в существующих научных источниках юридическую деятельность предлагается рассматривать по разным аспектам, в частности, как: а) элемент правовой системы; б) правовую деятельность; в) юридическую практику; г) практическую деятельность юристов. В каждом из вариантов есть некоторые недостатки, которые не позволяют четко разграничить между собой упомянутые понятия и определить свойства юридической деятельности. Учитывая наличие различных методологических подходов

и научных утверждений по поводу ее существенных признаков, определение понятия юридической деятельности является одной из актуальных задач общей теории права.

Как исходное положение, выдвинем и обоснуем идею, что наиболее общими понятиями относительно указанных категорий являются понятия социальной деятельности и социальной практики. Используя метод системного анализа отдельных сфер социальной деятельности, на основании дифференциации макро- и микросистемного уровней внутренней организации общества, сфер-причин и сфер-последствий, зафиксируем существование общей структуры юридической деятельности, целесообразность выделения определенной сферы жизни общества, основой которой является правовая деятельность как вид социальной деятельности, осуществляемой в правовой сфере, а также такой самостоятельной микросистемы среднего уровня или подсистемного образования, как юридическая деятельность.

На основании изучения явлений правовой действительности, под **правовой деятельностью** предлагается понимать один из видов социальной деятельности, осуществляемый субъектами права с использованием правовых средств и с целью получения правового результата, вследствие чего происходит создание права, его реализация и развитие в процессе функционирования публичных отношений.

Юридическая деятельность традиционно рассматривается в относительно широком смысле как правомерная деятельность граждан и иных субъектов права, направленная на сохранение либо совершенствование юридического механизма правового регулирования, в том числе, его компонентов: механизмов правотворчества, правореализации и государственного принуждения.

Мы же в целом соглашаемся с В. Н. Карташовым, который о юридической деятельности пишет следующее: «В специальном категориальном значении под *юридической деятельностью* следует понимать лишь такую опосредованную правом профессиональную, трудовую, государственно-властную деятельность по вынесению *юридических решений компетентных на то органов*, которая нацелена на выполнение общественных функций и задач (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов» [15].

По нашему определению, **юридическая деятельность** – это разновидность правовой деятельности, осуществляемая в формах практической, образовательной и научной, юристами на профессиональной основе, с целью получения соответствующего правового результата, удовлетворения потребностей и интересов социальных субъектов. Предложенное видение понятия юридической деятельности сформулировано без детализации отдельных свойств, олицетворяет главные характеристики, позволяющие отличить юридическую деятельность от неюридической правовой деятельности.

Практическая, научная и учебная юридическая деятельность являются отдельными сферами применения профессионального труда юристов и вместе образуют единое социально-правовое пространство юридической профессии. Использование именно такого подхода, заключающегося в необходимости широкого толкования юридической деятельности, позволяет выйти за пределы устоявшейся методики, обеспечить комплексность в исследовании этого явления.

Таким образом, юридическая деятельность характеризуется тем, что: а) она осуществляется в сфере права; б) субъектами осуществления выступают юристы – специально подготовленные специалисты; в) юридическая деятельность направлена на организацию деятельности других субъектов права; г) конечной целью юридической деятельности является упорядочение и согласование общественных отношений; д) при ее осуществлении используются как правовые, так и неправовые средства; е) юридическая деятельность регламентируется правовыми и другими социальными нормами; ж) осуществляется в формах практической, научной и образовательной деятельности.

Выясняя структурно-функциональную характеристику юридической деятельности фиксируем положение о том, что освещение структуры юридической деятельности является обязательным элементом ее общей характеристики, позволяет определить внутренние и внешние связи. Вместе с тем, осмысление структуры предполагает обращение к функциональной характеристике юридической деятельности, где функции являются детерминантой ее структурной организации, определяются ее целями и задачами. Под структурой юридической деятельности понимается определенная взаимосвязь, взаимное расположение ее составных частей; совокупность постоянных связей, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств в условиях внутренних и внешних изменений. При этом понятие структуры соотносится с понятиями системы и организации юридической деятельности.

Совокупная структура юридической деятельности характеризуется чертами динамизма, что обусловлено появлением новых видов и подвидов, расширением сфер влияния, тенденциями глобализации и дифференциации в правовой системе. Общую структуру образуют: а) объекты; б) субъекты; в) участники; г) юридические действия; д) операции и средства их осуществления; е) принимаемые решения и результаты действий. Названные элементы составляют основу в понимании данного явления, сохраняют его свойства даже в условиях внешних изменений, придают чертам постоянство.

К субъектам юридической деятельности по признаку профессионализма относятся индивиды, коллективы юристов, отдельные юридические институциональные образования, а их характеристику целесообразно осуществлять в психологическом, физическом, культурном, нравственном, профессиональном, аксиологическом, интеллектуальном и других аспектах.

Под объектом юридической деятельности понимаются публичные дела, также нормы права, правовые дела, состояния публичных отношений. Разграничим основные и второстепенные или вторичные объекты, то есть такие духовные или материальные блага, другие социальные ценности, которые существуют в системе социальных связей и также испытывают правовое влияние. Первенство или второстепенность воздействия определяются по критерию цели деятельности. В результате юридической деятельности выявляются другие элементы ее состава. Результат отражает цель юридической деятельности, отдельные ее операции на основании анализа соотношения цели и результата позволяет определить эффективность профессиональных действий юристов. Цель как элемент целенаправленной деятельности, сформулированный в нормативно правовых актах, определенный в нормах права, выполняет роль программного фактора и позволяет согласовать средства и формы получения правового результата.

Под средствами юридической деятельности понимаем явления материального мира, посредством которых ее цель превращается в результат. Наиболее полно средства юридической деятельности исследуются представителями отраслевых наук, в результате чего сформировано направление исследований, построенное на использовании методики инструментального подхода. Кроме других элементов также присутствуют такие действия и операции как внешние акты человеческого поведения, которые влекут за собой правовые последствия или связаны с ними. Предложим типизацию действий юристов: 1) по критерию содержания: а) правотворческие; б) правоприменительные; в) интерпретационные; 2) по способу деятельности: а) гностические; б) социально-коммуникативные; в) индивидуально-воспитательные; г) агитационные; д) императивные; 3) по форме осуществления: а) вербальные; б) конклюдентные; в) письменные. Среди форм юридической деятельности предлагается выделить внешние и внутренние формы, правовые и организационные.

Таким образом, в структурно-функциональной характеристике юридической деятельности ее систему можно рассматривать как совокупную и общую, что обусловлено взаимосвязями между ее функциональным назначением и внутренним строением. Теоретические модели совокупной и всеобщей структур юридической деятельности неизменны, но со временем, вследствие изменения факторов функционирования, характеристика их отдельных элементов требует новых интерпретаций. Так, исходя из анализа правовых реалий XX ст., расширяется перечень субъектов осуществления юридической деятельности, используются новые формы, методы и средства ее осуществления.

Рассматривая типологию юридической деятельности, обозначим, что классификация является одним из обязательных этапов в изучении правовых явлений, что позволяет выявлять у них характерные типологические признаки, относить к одной или другой группе по определенному признаку, утверждаем, что при проведении классификаций юридической деятельности целесообразно использовать критерии, отвечающие поставленным исследовательским задачам. Наиболее распространены критерии: а) социальной сферы или сферы применения труда юристов; б) формы деятельности; в) функциональных полномочий учреждения или функций субъекта; г) психологических особенностей осуществления юридической деятельности. Выделим критерий профессиональной направленности или специализации в работе юристов, позволяющий разграничить юридическую деятельность на такие виды как полицейскую, следственную, прокурорскую, судебную, нотариальную, адвокатскую.

Использование общей теории классификации как определенной совокупности методик, принципов, установок позволяет познавать явление юридической деятельности в разных плоскостях его восприятия. Однако классификации остаются отчасти недоработанным элементом в исследованиях юридической деятельности и нуждаются не только в построении классификационных рядов, но и в теоретической интерпретации каждого класса, вида или подвида.

Устанавливая основные свойства юридической практической деятельности, укажем, что в научной литературе еще не сложилось четкого представления о понятии юридической практической деятельности, что приводит к терминологической неопределенности. В частности, в научных работах отождествляются понятия юридической и правовой практики с юридической практической деятельностью. Не обращается внимание на необходимость разграничения объемов понятий практики и деятельности; не учитывается, что юридическую практику можно рассматривать в двух аспектах: 1) как практику всех форм и сфер осуществления юридической деятельности (широкий подход); 2) как практику только отдельных юристов, правовых учреждений или организаций (узкий подход).

Поэтому для устранения указанных недостатков в изучении юридической практической деятельности выскажем позицию о целесообразности применения системного, структурного методов, методов сравнения, статистики, социологических, а также других методов, позволяющих определить ее внутреннее построение, формы внешнего проявления, порядок взаимодействия с другими правовыми явлениями, историю становления, перспективы развития.

На понятийном уровне юридическую практическую деятельность рассмотрим в различных аспектах как: а) вид или форму осуществления социальной деятельности; б) разновидность правовой деятельности; в) вид воплощения юридической деятельности. В каждом варианте юридическая практическая деятельность сохраняет в себе черты социального, правового и юридического уровня, но приобретает специфические признаки.

Предлагаем все характеристики юридической практической деятельности по источнику происхождения или способу формирования разделить на две группы, в результате чего выделить: 1) нормативные; 2) научные характеристики. Такое разграничение имеет практическое значение, поскольку позволяет объяснить особенности правового регулирования определенного вида практической работы юристов.

Свойства, определенные *нормативно*, обязательны в осуществлении юридической профессии, подлежат государственному, общественному контролю, прокурорскому надзору, обусловлены наличием соответствующей системы гарантий и отражают главное, что есть в профессии с позиций законодателя. Нормативными характеристиками следует считать: законность, формализованность, процедурно-процессуальный характер, обязательность принятых властных решений, профессиональность труда юристов. Выделяется и группа нормативных признаков деонтологического содержания – честность, порядочность, добросовестность, справедливость, конфиденциальность, что свидетельствует о единении на нормативном уровне правовых и моральных устоев.

Научные – это характеристики другого происхождения, которые нецелесообразно именовать производными от нормативных, так как они характеризуют юридическую практическую деятельность на научном уровне восприятия. К ним следует отнести юридическую практическую деятельность, которая является составным элементом правовой системы, имеет внутреннюю структуру, черты конфликтности, системности, коллективности, является основной формой осуществления юридической деятельности.

Изучая принципы юридической практической деятельности, выскажем мнение, что между принципами права и правовыми формами жизнедеятельности общества, в которых эти принципы воплощаются, существует взаимосвязь, поэтому в области осуществления правовой работы действуют и принципы права, которые являются идеологической основой юридической деятельности, как идеальные научные конструкции или модели деятельности, и формой теоретического осмысления действительности; и принципы права, которые закреплены в текстах нормативно-правовых актов, составляют ее нормативную базу.

К основным принципам юридической практической деятельности следует отнести: а) законность деяний юриста и его решений; б) равенство субъектов перед правом и законом; в) независимость юриста в ведении дела от собственных интересов и внешнего давления; г) беспристрастность, обоснованность решений; д) профессионализм; е) справедливость, гуманность, демократизм. Принципы юридической практической деятельности закреплены в текстах нормативных актов, а также в актах корпоративного значения, научных разработках.

Выясняя функции и задачи юридической практической деятельности, под функциями юридической практической деятельности следует понимать основные направления ее влияния на правовую реальность

К распространенным видам функций юридической практической деятельности отнесем, те где критерием классификации избраны: а) социальное значение; б) сферы общественной жизни;

в) формы осуществления деятельности; г) цель деятельности; д) способы и результаты юридического воздействия. Вместе с тем, без внимания ученых остается тот факт, что для освещения содержания функции необходимо определить действия субъекта, которые характеризуются своей однородностью и единством. В рамках функций следует различать также и подфункции, которые по своему содержанию не совпадают с задачами. Однако между целью, задачами и функциями объединяющим и объясняющим фактором является целенаправленная деятельность юристов.

Считаем, что основной формой закрепления функций как основных направлений деятельности юристов служат нормативные акты, в текстах которых формулируются ее главные задачи и функции, вследствие чего они приобретают обязательность, публичность, всеобщее признание и другие признаки нормативности.

Функциональный анализ юридической практической деятельности направлен на выявление основных направлений ее влияния на другие правовые явления, их классификации, содержание, формы нормативного и другого закрепления. Множество функций юридической практической деятельности определяется ее социально-правовым назначением и многообразием задач. Основным источником определения объема и содержания функций практической деятельности юристов является законодательство и другие источники нормативного регулирования. При этом расширенное толкование функций не допускается. В соответствии с задачами юридической практической деятельности основными действиями, составляющими содержание ее функций, являются: а) анализ фактических обстоятельств дела; б) выбор и анализ правовых норм; в) решение юридического дела; г) толкование правовых текстов; д) консультирование по правовым вопросам; е) представительство интересов.

Для более полного освещения социальной роли юридической работы, определения ее взаимосвязей с другими областями правовой и социальной жизни с нашей позиции необходимо использовать не только широкий набор уже известных классификационных критериев, но и обращаться к новым.

Во-первых, учитывая высокий уровень регламентированности практической деятельности юристов, нужно отделить группу классификаций, строящихся на нормативном материале, где каждый вид или подвид предусмотрены действующим законодательством.

Во-вторых, целесообразно выделить группу классификаций, построенных на использовании критериев, в которых появляются: 1) особенности научных интересов; 2) уровень сложности поставленных научных задач. Эта группа классификаций ориентирована на достижения в области теоретической науки, где критериями могут быть: а) уровень совершенства юридической процедуры; б) способ правового регулирования; в) тип правовой системы; г) особенности субъекта; д) уровень демократизма; е) справедливость принятых решений; ж) соответствие мировым или евразийским стандартам.

В-третьих, предлагаем применять такие новые критерии как: а) квалификационный; б) практический. Квалификационные классификации целесообразны в сравнениях нормативных видов профессиональной и образовательной специализаций юристов, а практические классификации необходимо использовать в случае исследований спроса и предложений на рынке правовых услуг.

В-четвертых, как важные критерии в определении видовой структуры нужно использовать государственные и международные классификаторы профессий с целью обогащения теоретической модели юридической практической деятельности.

Обращая внимание на особенности юридической деятельности в современных правовых системах, преимущественно дружественных стран евразийского региона, дружественных восточных стран, дружественных государств Южной Америки и Африки, сосредоточимся на том, что юридическая деятельность как явление социального и правового происхождения осуществляется в конкретных условиях реальной жизни, особенности которых отражаются соответственно в ее характеристиках, порядке осуществления. Специфика общей и правовой культуры, традиции и другие правовые факторы, религия существенно влияют на субъектные, формальные, процессуальные свойства юридической деятельности и, таким образом, определяют ее характерные черты.

Фактором, существенно влияющим на правовую практику во всех ее формах и видах, является *природа национальной правовой системы* как фактор комплексного действия. Родство национальных правовых систем определяет общие свойства юридической профессии в разных зарубежных странах, однако своеобразие национальной правовой реальности обуславливает и специфику юридической деятельности в каждой из них. Поэтому существование отдельных правовых систем позволяет утверждать как наличие общего, так и наличие особенного в области осуществления юридической работы.

Общим фактором-условием (детерминантой), определяющим общность правовых работ в разных странах, является право в контексте: а) общего для них правопонимания; б) исторических условий и особенностей возникновения юридического права как социального регулятора; в) роли других регуляторов в наполнении социальным содержанием юридической нормы; г) роли положительного права в механизме социального регулирования. Так, в странах, правовые системы которых принадлежат к романо-германской и англо-американской правовым системам, право по сравнению с другими социальными регуляторами является основным средством социального регулирования. В то время как в странах мусульманского, традиционного и обычного права таким регулятором признаются соответственно религия, традиции и обычаи.

Оформление современной правовой системы России находится на самой финальной стадии, что характеризуется прогрессивными особенностями состояния законности, правопорядка, правовой культуры и уровня высокой развитости правовой реальности в целом. Одним из важных принципов, который относится к методологическим, является признание непосредственности взаимосвязи между тенденциями развития правовой системы, ее составляющими и тенденциями развития отдельных правовых явлений. Анализ нормативной, идеологической, организационной базы правовой системы России позволяет четко выявить тенденции гуманизации, демократизации правовой идеологии, дифференциации и новеллизации законодательства, интеграции в евразийское правовое пространство, которые по-разному, но всегда положительно, влияют на осуществление профессиональной деятельности юристов и перспективы ее инновационного развития.

Выводы

Сформулируем наиболее существенные результаты исследования, полученные при решении общей научной проблемы, суть которой заключается в осмыслении теоретических и методологических основ юридической деятельности, состояния и перспектив ее развития в условиях завершения становления гражданского общества, социально-правового государства, трансформации правовой системы России в контексте ее мировой и евразийской интеграции, сохранения самобытности государственного права.

1. Юридическая деятельность как сложное социальное явление является предметом исследования как общеправовых, так и отраслевых правовых наук, на основании чего выявлены три возможных уровня познания юридической деятельности: а) философский; б) теоретико-правовой; в) прикладной (или отраслевой).

На *философском уровне* сформирована философская база исследования, обоснованы основы доминирующей парадигмы правопонимания. На *теоретико-правовом уровне* – разработана методологическая основа, сконструирована модель и понятие юридической деятельности, исследованы аспекты ее взаимодействия с другими правовыми явлениями. На *отраслевом уровне* исследованы прикладные задачи, которые обусловлены проблемами правового регулирования и исходят из фактической профессиональной специализации деятельности юристов.

2. На основании проведенного анализа характеристик юридической деятельности осуществлена их систематизация, в результате чего выделены свойства социального, правового и юридического характера, что позволяет сопоставлять юридическую деятельность с другими видами социальной деятельности, проявлять общее и особенное. В частности, к общим характеристикам относятся: а) осуществление деятельности в различных областях общественной жизни; б) соответствие потребностям и интересам развития общества; в) наличие внутренней структуры, внешней формы проявления. Особыми свойствами, позволяющими выделить юридическую деятельность из общего круга правовой деятельности, являются ее профессиональность.

3. В соотношении по объему категорий «*социальная деятельность*», «*правовая деятельность*», «*юридическая деятельность*» сложилась определенная иерархия, где каждая последующая категория охватывается объемом содержания предыдущей.

4. В структурно-функциональной характеристике юридической деятельности следует использовать познавательные возможности общей и совокупной структуры. Если научно-теоретическая модель общей структуры юридической деятельности длительно остается без принципиальных изменений, то совокупная структура характеризуется чертами динамизма, что обусловлено появлением новых видов и подвидов юридической деятельности, расширением сфер ее влияния, тенденциями глобализации и дифференциации в правовой системе.

5. Практическая деятельность юристов как основная форма осуществления юридической деятельности в узком ее понимании по объему совпадает с содержанием понятия юридической практики. Будучи неотъемлемым и интегрирующим фактором общественных отношений, отдельной сферой применения труда юристов, она находится во взаимодействии с такими сферами, как юридическая наука и образование и вместе с ними составляет единое целое – понятие юридической деятельности. Вместе с этим юридическая практическая деятельность характеризуется чертами профессионализма, законности, формальности, процедурности, обязательности принятых властных решений, а также честности, порядочности, справедливости, которые закрепляются нормативно. Среди других признаков выделяются теоретически сформулированные, в частности: системность, престижность, коллективность труда, конфликтность, отнесенность к внутреннему строению правовой системы.

6. Под принципами юридической практической деятельности следует понимать исходные основы, основные положения, на которых базируется порядок ее организации и осуществления. В результате применения герменевтического подхода выявлено, что среди всей совокупности принципов выделяются общеправовые принципы системы и структуры права, а также принципы юридической практической деятельности и ее отдельных видов. Несмотря на существование принципов отдельных видов практической деятельности юристов, существуют принципы независимости, обоснованности решений, профессионализма в работе, справедливости, гуманизма, демократизма, которые играют роль объединяющего фактора для всех юридических специальностей. Вместе с тем тенденции максимальной евразийской интеграции, дальнейшей демократизации российского общества обусловили признание новых стандартов-принципов юридической работы, ориентированных на идеи наибольшего верховенства права, наивысшего приоритета прав и свобод человека.

7. Под функциями юридической практической деятельности следует понимать основные направления ее влияния на другие явления правовой действительности, относящиеся к перечню ее объектов. Основным источником определения объема и содержания функций практической деятельности юристов является нормативный правовой акт. При этом расширенное толкование функций не допускается. Основными действиями, составляющими содержание функций и отвечающими задачам юридической практической деятельности, являются анализ фактических обстоятельств дела, выбор и анализ правовых норм, решение юридического дела, состоящего из толкования правовых текстов, консультирование по правовым вопросам, представительство интересов.

8. Для проведения классификаций юридической деятельности вместе с применением традиционных критериев можно использовать следующие: а) сфера осуществления; б) форма; в) функции; г) подфункции; д) психологические особенности осуществления деятельности; е) профессиональная специализация; ж) количество субъектов; з) тип правовой системы; и) отраслевая или структурная организация права; к) происхождение субъектов осуществления деятельности. При этом в процессе классификации необходимо выделять искусственные и естественные классификации.

9. С целью формирования расширенной теоретической характеристики, а также учитывая евразийско-интеграционные тенденции в сфере права, следует использовать следующие критерии: а) международную классификацию профессий; б) сферу применения труда юристов; в) специализацию, по которым готовятся специалисты в высших учебных заведениях дружественных стран; г) фактическую специализацию профессиональных объединений и отдельных юристов, сложившуюся по результатам спроса и предложения на рынке правовых услуг.

10. Как элемент правовой системы, юридическая деятельность содержит признаки типа той действительности, в пределах которой существует, на основании чего формируется система ее типологических признаков. Характеристика последних напрямую связывается с основным источником социального управления, которым может быть юридическое право, религия, обычай, традиция. В зависимости от того, какое содержание вкладывается в понятия «право», «источники права», «норма права», кроме собственно юридических норм, в механизм правового регулирования включаются другие социальные регуляторы, которые в сфере юридической деятельности приобретают большее или меньшее значение, определяют особенности теоретической и практической сферы осуществления юридической профессии.

Заключение

Перспективными направлениями для проведения дальнейших теоретико-правовых исследований юридической деятельности является осмысление проблем соотношения и взаимодействия юридической деятельности с другими правовыми явлениями, профессиональной дифференциации в соответствии с потребностями развития гражданского общества, а также особенностей осуществления в правовых системах современности.

Актуальные тенденции гуманизации, демократизации правовой идеологии, дифференциации и новеллизации законодательства, интеграции в евразийское правовое пространство с разной степенью положительности влияют на состояние профессиональной деятельности юристов. Анализ отдельных составляющих правовой системы России позволил прийти к выводу, что основными направлениями ее развития являются дальнейшее повышение уровня эффективности юридической деятельности, максимальное укрепление законности, перспективная реализация деонтологических установок, концентрация на специализации практической деятельности юристов, приближение к международным, преимущественно дружественных стран, прогрессивным стандартам юридической деятельности с соблюдением принципов и традиций национального права России.

Список источников

1. Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / Под общей редакцией О. Ю. Рыбакова. М.: ООО «Проспект», 2022. 360 с.
2. Осинцев Д. В. Правовое обеспечение научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях юридического профиля // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 2-1. С. 282–290.
3. Честнов И. Л. Юридическая деятельность в постклассической перспективе // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 8. С. 5–21.
4. Боев В. М. Возобновление юридической деятельности // Закон. Право. Государство. 2021. № 1(29). С. 7–12.
5. Айрапетов Р. Г. О проблемах коммуникации в юридической деятельности // Российский правовой журнал. 2020. № 1. С. 14–16.
6. Курбатова С. М., Русаков А. Г. Искусственный интеллект как технология повышения эффективности практической юридической деятельности // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 56–58.
7. Осипова Е. В. Примак Т. К. LegalTech в юридической деятельности: профессия, процесс, подготовка // Глобальный научный потенциал. 2024. № 1(154). С. 147–151.
8. Прысь И. Е. Основы профессионально-педагогической деятельности в процессе преподавания общетеоретических юридических дисциплин в условиях ведомственного образования // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12(187). С. 113–114.
9. Альбикиев И. Р. Новейшие юридические технологии в деятельности нотариусов // Правовая реформа. 2022. № 3. С. 37–39.
10. Терехов Е. М. Сравнительно-правовой анализ понятий «правоинтерпретационная деятельность» и «юридическая герменевтика» // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 1. С. 74–79.
11. Апт Л. Ф., Токарева Ю. В. Принципы формирования и действия государственных реестров как особых регуляторов юридической деятельности // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 81–91.
12. Кривоносова Д. В. Правоприменение в контексте юридической деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11. С. 59–73.
13. Юридическая деятельность в органах государственной и муниципальной власти: учебное пособие / И. В. Бондарчук, И. С. Еремина, В. В. Костылев [и др.]; Под редакцией М. И. Никулина. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. 194 с.
14. Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>. EDN OFHKXD
15. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Под ред. Н. И. Магузова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. 218 с.

References

1. *Legal activity: content, technologies, principles, ideals: monograph*. Under the general editorship of O. Yu. Rybakov. Moscow: Limited Liability Company «Prospect»; 2022. 360 p. (In Russ.).
2. Osintsev D. V. Legal support for research activities in educational organizations with a legal profile. *Issues of Russian and International Law*. 2024;14(2-1):282–290. (In Russ.).
3. Chestnov I. L. Legal activity in a post-classical perspective. *Journal of Russian Law*. 2022;26(8):5–21. (In Russ.).
4. Boer V. M. Resumption of legal activity. *Law. Jurisprudence. State*. 2021;1(29):7–12. (In Russ.).
5. Airapetov R. G. On the Problems of Communication in Legal Activity. *Russian Legal Journal*. 2020;1:14–16. (In Russ.).
6. Kurbatova S. M., Rusakov A. G. Artificial Intelligence as a Technology for Improving the Efficiency of Practical Legal Activity. *Agrarian and Land Law*. 2024;3(231):56–58. (In Russ.).
7. Osipova E. V., Primak T. K. LegalTech in Legal Activity: Profession, Process, Training. *Global Scientific Potential*. 2024;1(154):147–151. (In Russ.).
8. Prys I. E. Basics of Professional and Pedagogical Activity in the Process of Teaching General Theoretical Legal Disciplines in the Context of Departmental Education. *Eurasian Law Journal*. 2023;12(187):113–114. (In Russ.).
9. Albikov I. R. The latest legal technologies in the activities of notaries. *Legal reform*. 2022;3:37–39. (In Russ.).
10. Terekhov E. M. Comparative legal analysis of the concepts of «law interpretation activity» and «legal hermeneutics». *Legal paradigm*. 2020;19(1):74–79. (In Russ.).
11. Apt L. F., Tokareva Yu. V. Principles of formation and operation of state registers as special regulators of legal activity. *Legal technique*. 2020;14:81–91. (In Russ.).
12. Krivonosova D. V. Law enforcement in the context of legal activity. *Legal science: history and modernity*. 2020;11:59–73. (In Russ.).
13. *Legal activity in state and municipal authorities: a textbook*. I. V. Bondarchuk, I. S. Eremina, V. V. Kostylev (et al.); M. I. Nikulin (ed.). Simferopol: Limited Liability Company «Arial Printing House Publishing House»; 2020. 194 p. (In Russ.).
14. Shapsugov D. Yu. Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):9–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-9-21>. EDN OFHKXD
15. Kartashov V. N. *Legal activity: concept, structure, value*. N. I. Matuzov (ed.). Saratov: Publishing House of Saratov University; 1989. 218 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Беженцев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Bezhtentsev – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Institute of Management of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 15.11.2024.

Организационно-правовые основы становления железнодорожной милиции Украинской ССР

Виктория Константиновна Грошевая

Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, Россия, vik-groshevaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления железнодорожной милиции Украинской ССР в первые годы советской власти. Отмечается применение опыта Советской России, а также широкое использование ее законодательных актов, в организации построения железнодорожной милиции на Украине. Освещаются нормативно-правовые акты, принятые органами власти Украинской ССР с целью формирования железнодорожной милиции, определяющие ее структуру и функции. Определено, что становление железнодорожной милиции на территории Украинской ССР в период формирования советской государственности было обусловлено внешними и внутренними факторами, среди которых следует выделить такие, как внешнеполитическая напряженность, внутренние вооружённые противостояния, социальное напряжение, рост криминогенной обстановки, рост преступности на транспортных коммуникациях. Установлено, что деятельность железнодорожной милиции Украинской ССР была основана на общих базовых принципах и организационно-правовых основах, принципах, утвержденных и апробированных РСФСР. Структура железнодорожной милиции формировалась исходя из линейной модели управления железнодорожным транспортом. На каждой железной дороге создавалось линейное управление железнодорожной милиции, которому были подчинены районные и участковые управления железнодорожной милиции. Непосредственное осуществление всех заданий, возлагаемых на железнодорожную милицию, ее снабжение обмундированием, вооружением, снаряжением и другими видами положенного довольствия, а также непосредственная борьба с различными преступными деяниями и политический надзор в пределах участков, сосредотачивалось в участковом управлении, во главе которого стоял начальник. Участковые управления железнодорожной милиции были подотчетны районным управлениям, которые были подотчетны линейным управлениям.

Ключевые слова: организационно-правовые основы, нормативно-правовые акты, железнодорожная милиция, НКВД, Украинская ССР, организация, транспорт

Для цитирования: Грошевая В. К. Организационно-правовые основы становления железнодорожной милиции Украинской ССР // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 45–52. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-45-52>. EDN VFEBJF

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Organizational and legal foundations of the formation of the railway police of the Ukrainian SSR

Victoria K. Groshevaya

Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Donetsk, Russia, vik-groshevaya@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of the formation of the railway police of the Ukrainian SSR in the early years of Soviet power. The application of the experience of Soviet Russia, as well as the widespread use of its legislative acts, in the organization of the construction of the railway police in Ukraine is noted. The normative legal acts adopted by the authorities of the Ukrainian SSR for the purpose of forming the railway militia, defining its structure and functions, are highlighted.

It is determined that the formation of the railway militia on the territory of the Ukrainian SSR during the formation of Soviet statehood was due to external and internal factors, among which it is necessary to highlight such as foreign policy tensions, internal armed confrontations, social tension, an increase in the criminogenic situation, an increase in crime on transport communications. It is established that the activities of the railway police of the Ukrainian SSR were based on common basic principles and organizational and legal foundations, principles approved and tested by the RSFSR. The structure of the railway police was formed based on the linear model of railway transport management. A linear directorate of the railway police was created on each railway, to which the district and district departments of the railway police were subordinated. The direct implementation of all tasks assigned to the railway militia, its supply of uniforms, weapons, equipment and other types of prescribed allowances, as well as the direct fight against various criminal acts and political supervision within the precincts, was concentrated in the precinct department, headed by the chief. The precinct departments of the railway police were accountable to the district departments, which were accountable to the line departments.

Keywords: organizational and legal bases, normative legal acts, railway police, People's Commissariat of Internal Affairs, Ukrainian SSR, organization, transport

For citation: Groshevaya V. K. Organizational and legal foundations of the formation of the railway police of the Ukrainian SSR. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):45–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-45-52>. EDN VFEBJF

Введение

Транспортная система представляет собой один из ключевых элементов жизнедеятельности государства. Транспорт способствует нормальному функционированию экономики и социальной сферы, а также обеспечению безопасности и обороноспособности страны. Результатом научно-технического прогресса стало создание новых видов транспорта. Так, в начале XIX в. была изобретена железная дорога, а к началу XX в. железнодорожный транспорт играл ведущую роль в обеспечении перевозок грузов и пассажиров. Широко использовалось железнодорожное сообщение на территории Российской Империи, а после Октябрьской революции 1917 г. – на территории молодого советского государства. Для обеспечения безопасности железнодорожного сообщения, защиты грузов и пассажиров от преступных посягательств была создана железнодорожная милиция. Ее создание стало реализацией одного из направлений правовой политики государства в транспортной сфере, одним из этапов развития и совершенствования механизма правового регулирования деятельности транспорта.

Первая мировая война и последующие революционные события 1917 г. повлекли за собой ряд тяжелых потрясений, связанных с утратой значительного количества топливных ресурсов, разрушением системы продовольственных поставок, серьезными повреждениями различных коммуникаций, и прежде всего, главных транспортных артерий России – железных дорог. Кроме того, после Октябрьской революции в Советской России осуществлялась национализация основных средств транспорта, четкая работа которого являлась одним из условий победы над внутренними и внешними врагами. Бесперебойное функционирование железнодорожных транспортных коммуникаций обеспечивало перемещение сырья и готовой продукции. Катастрофическое положение, возникшее в результате военных действий на объектах железнодорожной инфраструктуры Советского государства, сопровождалось ухудшением криминогенной обстановки и значительным ростом преступлений, совершаемых на железной дороге [1, с. 87].

Результаты

Обеспечение эффективного управления транспортными коммуникациями было определено как одно из приоритетных направлений развития советского государства с первых дней его создания. Уже в октябре 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял декрет «Об учреждении Совета Народных Комиссаров». В составе Совета был создан Наркомат по делам железнодорожным, который в декабре был переименован в Народный комиссариат путей сообщения. В его подчинение была передана Чрезвычайная междуведомственная всероссийская комиссия по охране дорог, которая обеспечивала общественный порядок на транспорте. В марте 1918 г. СНК был принят декрет «О централизации управления, охраны железных дорог и повышения их провозоспособности», в котором было предусмотрено создание отрядов вооруженной

охраны на железной дороге. В декрете также устанавливалось, что железнодорожный транспорт передавался в ведение руководства Наркомата путей сообщения.

Общественный порядок на железнодорожном транспорте поддерживался созданными из числа железнодорожников вооруженными отрядами. Для обеспечения безопасности перевозки грузов и пассажиров, вместо ликвидированного корпуса жандармской железнодорожной полиции, в январе 1918 г. была создана народная железнодорожная милиция. Решение о ее создании было принято Чрезвычайным Всероссийским съездом железнодорожников, на котором также было утверждено «Положение о народной железнодорожной милиции». Основной целью железнодорожной милиции была провозглашена охрана общественного порядка и борьба с преступностью на транспорте. Положение предусматривало организацию «общей милиционной повинности железнодорожников ... для охраны общественной, личной и имущественной безопасности и порядка в полосе отчуждения железных дорог»¹.

Одной из форм сопротивления советской власти со стороны ее противников в первые послеоктябрьские дни стали акты саботажа, связанные с отправкой и перемещением грузов. В декабре 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление, на основании которого при Совете была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В августе 1918 г. она была переименована во Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В составе спецслужбы был сформирован и действовал транспортный отдел ВЧК, в полномочия которого входило и обеспечение правопорядка на железнодорожных магистралях страны [2, с. 43–44]. В ноябре 1918 г. Советом Народных Комиссаров была создана Чрезвычайная Транспортная Комиссия (ЧТК), основной целью которой было улучшение работы железнодорожного и водного транспорта, ремонт вагонов и транспортных средств².

Очередным шагом на пути регламентации правоохранительной деятельности на железнодорожных магистралях страны стал Декрет СНК «О введении военного положения на железных дорогах» от 28 ноября 1918 г., который устанавливал: «Ввести на всей сети железных дорог в ночь с 29 на 30 ноября с.г. военное положение»³. В условиях военного времени, на основании введенного в стране военного положения, основной целью функционирования железнодорожного транспорта стало обеспечение потребностей фронта. На каждой железной дороге был назначен чрезвычайный военный комиссар, правовой статус которого определялся положением «О Чрезвычайных Военных Комиссарах железных дорог». На указанное должностное лицо возлагалась обязанность по обеспечению должностными лицами железных дорог первоочередного и незамедлительного исполнения указаний военного командования.

Анализируя организацию и деятельность советской милиции в 1918–1922 гг., Д. А. Ерин отмечал в качестве недостатка отсутствие в первых нормативных актах советского государства норм, регламентирующих деятельность советской милиции по защите промышленных предприятий и транспорта от преступных посягательств. Практика деятельности подразделений советской милиции в 1918 г. выявила ряд проблем в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на транспорте, которые были связаны с отсутствием специальных органов милиции на транспорте [3, с. 32–41].

В условиях гражданской войны актуализировалась необходимость обеспечения бесперебойного функционирования транспорта, в том числе – железнодорожного. В связи с этим, важным организационно-правовым шагом в структуре НКВД РСФСР стало создание в 1919 г. специализированного милицейского подразделения – железнодорожной милиции.

Согласно постановлению ВЦИК, опубликованному 16 февраля 1919 г. «Об управлении железнодорожными путями сообщения» (Положение)⁴, в ведении НКПС находились все эксплуатируемые железные дороги. Все железнодорожные пути сообщения РСФСР разделялись на округа путей сообщения. Все железнодорожные пути сообщения округа делились на линейные отделы.

¹ Источник [Электронный ресурс]: https://мвд.рф/history/1917_1940 (дата обращения: 24.02.2020, 17.00).

² Источник [Электронный ресурс]: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12577-1-noyabrya-dekret-ob-organizatsii-chrezvychaynoy-transportnoy-komissii> (дата обращения: 28.02.2020 17.10).

³ Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства // Сборник Декретов (1917–1918 гг.). 1920. Ст. 158.

⁴ Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 8 марта 1919 г. № 5. Ст. 49.

В мае 1919 г. округа путей сообщения были преобразованы в дорожные управления Народного комиссариата путей сообщения. В ходе реформирования вместо окружных транспортных отделов чрезвычайных комиссий были созданы дорожные транспортные чрезвычайные комиссии, которые формировались по экстерриториальному принципу, в соответствии со структурой Народного комиссариата путей сообщения. Такие комиссии не подчинялись губернским чрезвычайным комиссиям, высшим органом управления для них являлся транспортный отдел ВЧК. В ведении районных транспортных чрезвычайных комиссий находилось несколько железнодорожных путей сообщения. Участковые транспортные чрезвычайные комиссии создавались при узловых станциях и основных депо [4, с. 134–135].

В феврале 1919 г. Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принимает нормативные акты, юридически утвердившие статус советской железнодорожной милиции как органа охраны и поддержания общественного порядка на соответствующих объектах. Так, 21 февраля 1919 г. в № 40 «Известий ВЦИК Советов» было опубликовано постановление ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны», где указывалось, что в целях поддержания революционного порядка и единства управления на всех железных дорогах РСФСР охрана порядка переходит в ведение НКВД и выполняется железнодорожной милицией согласно особо утвержденному положению¹. 22 февраля 1919 г. в № 41 «Известий ВЦИК Советов» было опубликовано положение «О железнодорожной охране»². 23 февраля 1919 года в № 42 «Известий ВЦИК Советов» было опубликовано «Положение о советской рабоче-крестьянской железнодорожной милиции», которым для охраны железнодорожного порядка и обеспечения безопасности на железных дорогах РСФСР, учреждалась рабоче-крестьянская Советская железнодорожная милиция, находящаяся в ведомстве НКВД. При Главном Управлении Рабоче-Крестьянской милиции НКВД был учрежден отдел железнодорожной милиции как высший руководящий орган советской железнодорожной милиции³.

Опираясь на нормативно-правовой опыт Советской России, принимая во внимание постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» (28 октября 1917 г.) и совместную Инструкцию Народных комиссариатов внутренних дел и юстиции РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» (12 октября 1918 г.), правительство Украинской ССР издает ряд нормативных актов, регламентирующих процесс создания на Украине отдельных служб милиции, одним из видов которых являлась и железнодорожная милиция.

Формирование милиции Советской Украины проходило в сложных условиях, связанных с обострением внешних и внутренних факторов (военные действия против Директории, белогвардейцев, война с Польшей), что в свою очередь требовало от советского руководства, усиленного внимания вопросам обеспечения безопасности на транспорте. Именно в данный период на Украине проводилась активная работа по созданию рабоче-крестьянской милиции, составной частью которой являлась железнодорожная милиция, в организации построения которой широко использовались законодательные акты Советской России.

Решение о создании на территории Украинской ССР железнодорожной милиции было принято Временным рабоче-крестьянским правительством УССР в мае 1919 г. В Положении «Об организации железнодорожной милиции» указывалось: «в целях поддержания революционного порядка на железных дорогах, обеспечения безопасности передвижения граждан и охраны всех видов народного достояния в полосе отчуждения железных дорог Украинской Социалистической Советской Республики, учреждается советская рабоче-крестьянская железнодорожная милиция» [5, с. 43–44].

Спорным был вопрос о ведомственном подчинении железнодорожной милиции – Наркомату внутренних дел или Наркомату путей сообщения. Правительством было принято решение о целесообразности единого подчинения всех подразделений милиции единому комиссариату внутренних дел. Железнодорожная милиция определялась как «исполнительный орган рабоче-крестьянской центральной власти на местах, подчиненный общему руководству Народного Комиссариата внутренних дел» [6, с. 18]. Основной целью железнодорожной милиции была определена борьба с преступлениями на транспорте, охрана железнодорожных сооружений, досмотр за чисткой железнодорожного полотна и порядком на станциях. Управления железнодорожной милиции создавались при Управлении каждой железной дороги. В их состав входили районные и участковые подразделения

¹ Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 8 марта 1919 г. № 5. Ст. 46.

² Там же. Ст. 47.

³ Там же. Ст. 48.

милиции. В мае 1920 г. железнодорожная милиция была временно переведена в оперативное подчинение Начальнику Войска Обороны железных дорог¹.

Статус железнодорожной милиции на территории Украинской ССР был изменен в сентябре 1920 г. после принятия нового Положения о рабоче-крестьянской милиции. Деятельность железнодорожной милиции на территории Украинской ССР регламентировалась положением «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции УССР». Необходимо отметить, что на территории РСФСР деятельность железнодорожной милиции регламентировалась общим Положением о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. В Положении устанавливалось, что: «для охраны железнодорожного порядка, имущества грузов и обеспечения безопасности граждан на железных дорогах УССР учреждается рабоче-крестьянская советская железнодорожная милиция, находящаяся в ведомстве НКВД»².

Железнодорожная милиция Украинской ССР была создана и функционировала в соответствии с линейной организационной структурой управления. Высшим органом управления железнодорожной милицией на территории УССР был отдел железнодорожной милиции при Главном управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД. На каждой железной дороге создавались линейные управления³. Всего было созданы следующие линейные управления: Юго-Западное, Южное, Одесское, Екатеринославское и Донецкое. Общая продолжительность железной дороги, функционирующей на территории Украинской ССР, превышала 11,5 тыс. км. В подчинении линейных управлений находились районные и участковые управления, которые создавались на крупных железнодорожных станциях и для реализации поставленных задач тесно взаимодействовали с органами управления железнодорожных подразделений. В своей деятельности они руководствовались циркулярами и распоряжениями железнодорожного отдела Главного управления милиции [2, с. 54–56].

Штатная численность сотрудников каждого линейного управления железнодорожной милиции утверждалась отделом железнодорожной милиции и утверждалась Главным управлением рабоче-крестьянской милиции НКВД УССР. Количество районов на каждой железной дороге, а также место дислокации и штатная численность сотрудников районных управлений разрабатывались линейным управлением милиции по согласованию с управлением соответствующей железной дороги и утверждались отделом железнодорожной милиции Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД УССР. Соответственно, количество участков железнодорожной милиции и штатная численность сотрудников каждого участка определялись районными управлениями железнодорожной милиции по согласованию с администрацией соответствующего отдела железнодорожных путей и утверждались линейным управлением.

Для реализации функции борьбы с преступностью на железной дороге, в составе линейных и районных управлений милиции создавались отделы уголовного розыска, а при участковых управлениях – уголовные столы.

Материально-техническое обеспечение железнодорожной милиции осуществлялось бюджетных средств, выделяемых в соответствии с показателями сметы, утвержденной Народным комиссариатом внутренних дел УССР. Непосредственно функции материального и технического обеспечения их деятельности возлагались на хозяйственные части, которые создавались при линейных и районных управлениях железнодорожной милиции.

В штате железнодорожной милиции несли службу старшие и младшие милиционеры, а также агенты уголовного розыска. Форма одежды сотрудников железнодорожной милиции, а также правила ношения и порядок применения ими огнестрельного оружия регламентировались нормативными актами Главного управления рабоче-крестьянской милиции и были едиными для всех милицеских подразделений.

Объем полномочий железнодорожной милиции определялся исходя из специфики несения службы на железнодорожном транспорте. Сотрудники железнодорожной милиции осуществляли борьбу с корыстными преступлениями – спекуляцией и кражами грузов и багажа на железнодорожных станциях и в подвижном железнодорожном составе, а также с хищениями имущества железных

¹ Собрание Указаний и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и Уполномоченных РСФСР. 23 мая-2 июня 1920 г. № 11.

² Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф-2311. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

³ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф-2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

дорог. Железнодорожная милиция также обеспечивала соблюдение общественного порядка на вокзалах и в вагонах при перевозке пассажиров, сохранность грузов при их погрузке, разгрузке и перевозке, охрану железнодорожных мастерских и ДЕПО. Сотрудники милиции оказывали содействие при перевозке осужденных лиц к местам отбытия наказания, а также при ликвидации последствий крушений, аварий и стихийных бедствий. При осуществлении возложенных на них полномочий, сотрудники железнодорожной милиции тесно взаимодействовали с городской и уездной милицией, а также с милицией, которая была создана на других видах транспорта. Распределение полномочий между отдельными подразделениями железнодорожной милиции осуществлялось в межведомственных нормативных документах (приказах, распоряжениях, инструкциях), которые разрабатывались и принимались Главным управлением рабоче-крестьянской милиции НКВД, и утверждались Народным комиссариатом внутренних дел по согласованию с Народным комиссариатом путей сообщения.

Участковые управления железнодорожной милиции были подотчетны районным управлениям, которые были подотчетны линейным управлениям. Линейные управления предоставляли отчетную информацию непосредственно в отдел железнодорожной милиции при Главном управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД. Формы отчетов и порядок ведения делопроизводства в подразделениях железнодорожной милиции были утверждены приказом Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД. Приказом были предусмотрены еженедельная, двухнедельная, полугодовая и годовая формы отчетности¹.

В апреле 1920 г. приказом № 1 Главного управления Советской рабочей крестьянской милиции УССР по железнодорожной милиции к неуклонному исполнению предлагалось принять временный проект и инструкцию по организации железнодорожной милиции².

В соответствии с выпиской из проекта инструкции по организации железнодорожной милиции общее руководство железнодорожной милицией, снабжение ее обмундированием, вооружением, снаряжением и всеми видами положенного довольствия, а также постановка уголовного розыска в районе сосредотачивалась в районном управлении, во главе которого стоял начальник. Ведению районного управления принадлежало: управление железнодорожной милиции в пределах района; разбивка районов на участки и организация участковых управлений; объединение мероприятий по осуществлению милиции ее функций в пределах нескольких участков; наблюдение (надзор) за исполнением участковыми управлениями декретов и распоряжений; надзор и ревизия участков; составление смет и представление отчетов о деятельности милиции; связь со всеми подлежащими учреждениями; командование батальоном состоящим из участковых рот; предание суду и наложение дисциплинарного взыскания; ведение культурно-просветительной работы.

В примечании указывалось, что при линейных управлениях с числом районов менее трех управления отменялись и участки подчинялись непосредственно Линейному управлению³.

Непосредственное осуществление всех заданий, возлагаемых на железнодорожную милицию, ее снабжение обмундированием, вооружением, снаряжением и другими видами положенного довольствия, а также непосредственная борьба с различными преступными деяниями и политический надзор в пределах участков, сосредотачивалось в участковом управлении, во главе которого стоял начальник. Ведению участкового управления принадлежало: охрана железнодорожного полотна, входящего в участок; наблюдение за выполнением приказов и распоряжений отдела железнодорожной милиции линейных и районных управлений, а также постановлений НКПС и других полномочных учреждений; установление разряда станций и возбуждение ходатайств о переводе в другой разряд; разбивка, составляемая из милиционеров участка на роты, взводы, отделения, звенья и распределения их по станциям; связь по делам участка с подлежащими учреждениями; объединение деятельности участковой милиции; представление по окончании стихийных бедствий, снежных заносов и т.п. отчетов о действиях железнодорожной милиции районному управлению; для исполнения возложенных задач участковое управление имело подотделы: административно-строевой, в ведении которого находилось участковое отделение и станции со всем личным и командным составом и на обязанности которого лежала постановка охраны участков, издание соответствующих распоряжений направляющих деятельность отдельных сотрудников милиции; подотдел снабжения, в ведении которого находится хозяйственная часть участкового управления и на обязанности

¹ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф-2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

² Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф-2311. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 об.

³ Государственный архив Донецкой Народной Республики Ф-2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 91 об.

которого лежит получение и распределение предметов обмундирования, вооружения, снаряжения, а также удовлетворение всеми видами положенного довольствия сотрудников и служащих; уголовно-розыскной подотдел, в ведении которого находится уголовный розыск в пределах участка и на обязанности которого лежит прием заявлений, составление протоколов по делам уголовного характера и непосредственная борьба с систематическими кражами, бандитизмом, спекуляцией и другими преступными деяниями; политический отдел, в ведении которого находится надзор за политическим состоянием участка и на обязанности которого лежит наблюдение за степенью выполнения всех распоряжений центральной рабоче-крестьянской власти, надзор за деятельностью должностных лиц железнодорожного транспорта и за политическим настроением масс.

Заведывание участком железнодорожной милиции осуществлял его начальник¹.

В каждый участок входило две и свыше станции, отдельные станции, входившие в состав участка, делились на шесть разрядов².

5 июня 1921 г. для установления охраны порядка на железнодорожных и водных путях Постановлением СНК УССР «О железнодорожной и водной милиции» в УССР была учреждена железнодорожная и водная милиция. НКВД поручалась разработка положения о железнодорожной и водной милиции, кроме того инструкции о разграничении функций между ними, и войсками обороны и охраны путей сообщения ВЧК на Украине. Согласно постановлению железнодорожная и водная милиция находились в системе НКВД при Главном управлении республики, и их материальное обеспечение осуществлялось вместе с общей (уездно-городской) милицией [6, с. 232–233]. Данным постановлением были закреплены новые принципы организации работы железнодорожной и водной милиции.

Согласно декрету ВУЦИК от 5 октября 1921 г. железнодорожная и водная милиция в военностроевом отношении подчинялась Военному командованию Украины и Крыма, а руководство оперативной и специальной службой осуществляло НКВД УССР [2, с. 69].

В связи с расширением деятельности милиции на основании постановления Совнаркома УССР от 10 января 1922 г. об образовании железнодорожной охраны грузов и передачи ей от милиции функций охраны часть милиции была выделена в Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) для формирования института сторожей³.

В Украинской ССР после создания Государственного Политического Управления (ГПУ), которое получило все функции железнодорожной милиции, существование подобного вида милиции утратило смысл.

Вследствие данной реорганизации советской правоохранительной системы железнодорожная милиция была окончательно ликвидирована в марте 1922 г. [7, с. 153]. Согласно положению о транспортных отделах (ТО) ГПУ, объявленном приказом от 13 марта 1922 г., одной из основных задач ТО ГПУ выступала охрана железных дорог и водных путей сообщений, которая осуществлялась при помощи войск ГПУ [8, с. 92, 95, 100].

Заключение

Таким образом, особенности становление железнодорожной милиции на территории Украинской ССР в период формирования советской государственности было обусловлено внешними и внутренними факторами, среди которых следует выделить такие, как внешнеполитическая напряженность, внутренние вооружённые противостояния, социальное напряжение, рост криминогенной обстановки и рост преступности на транспортных коммуникациях и т.п. Все это требовало от советского руководства уделить повышенное внимание обеспечению безопасности на транспорте. Железнодорожная милиция Украинской ССР строилась на общих базовых принципах и организационно-правовых основах, принципах, утвержденных и апробированных РСФСР. Структура железнодорожной милиции формировалась исходя из линейно модели управления железнодорожным транспортом. На каждой железной дороге создавалось линейное управление железнодорожной милиции, которому были подчинены районные и участковые управления железнодорожной милиции.

¹ Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф-2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

² Там же. Л. 91.

³ Сборник приказов Главного начальника Рабоче-Крестьянской Милиции Украинской Социалистической Советской Республики. 1922. № 2.

Список источников

1. Жигалов П. Н. Деятельность железнодорожной милиции в первые годы советской власти // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 87–90.
2. Шевченко А. Є. Організаційно-правові аспекти становлення та адміністративної діяльності спеціальних підрозділів НКВС України на транспорті у кінці 20-х – середині 40-х рр. XX ст. Монографія. Київ: Національна академія наук України, інститут історії України, 2005. 472 с.
3. Ерин Д. А. Организация и деятельность советской милиции по обеспечению экономической безопасности РСФСР в период 1918 – 1922 гг. (на примере промышленной, водной, железнодорожной милиции) // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 3. С. 32–41.
4. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958.
5. История милиции Украинской ССР в документах и материалах: Том 1 1917-1937 гг. / Под ред. доктора юридических наук, профессора П. П. Михайленко. Киев, 1969. 884 с.
6. Рогожин А. И. Рабоче-крестьянская советская милиция УССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Харьков, 1964. 32 с.
7. Бандурка О. М. Становлення та розвиток міліції України (1921-1930 роки): історико-правове дослідження : [монографія] / О. М. Бандурка, В. А. Греченко, О. Н. Ярмиш. Харків, 2015. 498 с.
8. Ерин Д. А. К вопросу об организационном и правовом регулировании и деятельности советской милиции, войск ВЧК-ВОХР-ВНУС и иных воинских формирований по обеспечению безопасности на транспорте РСФСР в период 1918-1922 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 2. С. 91–103.

References

1. Zhigalov P. N. The activity of the railway police in the early years of Soviet power. *Road safety*. 2021;(3):87–90. (In Russ.).
2. Shevchenko A. Y. *Organizational and legal aspects of the formation of the administrative competence of the special Forces of the NKVD of Ukraine on transport in the capital of the 20th – middle 40-x pp. XX cent.* Monograph. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of History of Ukraine, 2005. 472 p. (In Ukrain.).
3. Yerin D. A. Organization and activities of the Soviet militia to ensure the economic security of the RSFSR in the period 1918 – 1922. (on the example of industrial, water, railway police). *Police and investigative activities*. 2018;(3):32–41. (In Russ.).
4. *From the history of the All-Russian Extraordinary Commission of 1917–1921: collection of documents*. Moscow: Gospolitizdat; 1958. (In Russ.).
5. *The history of the militia of the Ukrainian SSR in documents and materials: Volume 1, 1917–1937*. Edited by Doctor of Law, Professor P.P. Mikhailenko. Kiev; 1969. 884 p. (In Russ.).
6. Rogozhin A. I. *The Workers' and Peasants' Soviet militia of the Ukrainian SSR during the period of foreign military intervention and the civil war*. Kharkov; 1964. 32 p. (In Russ.).
7. Bandurka O. M., Grechenko V. A., Yarmysh O. N. *Formation and development of the militia of Ukraine (1921–1930): historical and legal research : monograph*. Kharkiv; 2015. 498 p. (In Ukrain.).
8. Yerin D. A. On the issue of organizational and legal regulation and activities of the Soviet militia, the Cheka-VOHR-VNUS troops and other military formations to ensure transport safety of the RSFSR in the period 1918–1922. *Historical and legal problems: a new perspective*. 2018;(2):91–103. (In Russ.).

Информация об авторе

В. К. Грошечая – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России.

Information about the author

V. K. Groshevaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 21.09.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Биополитика и формирование правового механизма регулирования отношений в сфере генной терапии и процедуры редактирования генома человека: социально-этические и теоретико-правовые проблемы

**Дмитрий Александрович Леусенко¹,
Андрей Викторович Иванченко²**

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ld08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1917-900X>

²Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия, admin@blek-medical.ru

Аннотация. В статье исследуются социально-этические и юридико-правовые векторы формирования средств правового регулирования, возникающих в связи с использованием препаратов генной терапии и процедурой экспериментального редактирования генома человека. Один из наиболее важных факторов развития правового механизма регулирования в сфере генетических технологий связан не только с необходимостью защиты конституционных прав человека на жизнь, здоровье, безопасность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, но и с наличием потенциальных угроз для общества в целом. Большое внимание в статье уделяется взаимосвязи между содержанием социально-этических проблем и структурой постепенно формирующейся в РФ, США и в европейских странах правовой парадигмы в области биополитики. Экспликация подобной взаимосвязи, определение векторов развития этой парадигмы требует рассмотрения как способа генной модификации ДНК, так и средств генной терапии, а также возникающих после использования генных технологий социальных и этических проблем. Действие технологии CRISPR основано на использовании генетических механизмов, ее применение может привести к необратимым последствиям, исчезновению видов флоры и фауны. Особенности формирования правового механизма регулирования отношений в сфере генетических технологий обусловлены тем, что эти проблемы не осознаны. Становление правовых отношений возникает из уже сложившихся общественных отношений. В силу специфики объекта регулирования правовых отношений необходима процедура экспертного и общественного обсуждения. Однако она затруднена в условиях существующей экономической модели, деятельности коммерческих организаций и лоббирования их интересов.

Ключевые слова: биополитика, средства правового регулирования, правовой механизм, генетические технологии, генная терапия, редактирование генома человека, технология CRISPR, социальная среда, зародышевая линия, родовая человеческая сущность

Для цитирования: Леусенко Д. А., Иванченко А. В. Биополитика и формирование правового механизма регулирования отношений в сфере генной терапии и процедуры редактирования генома человека: социально-этические и теоретико-правовые проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 53–61. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-53-61>. EDN TNTMGL

Biopolitics and the formation of a legal mechanism for regulating relations in the field of gene therapy and human genome editing procedures: socio-ethical and theoretical legal problems

Dmitriy A. Leusenko¹, Andrey V. Ivanchenko²

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ld08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1917-900X>

²Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia, admin@blek-medical.ru

Abstract. The article examines the socio-ethical and legal vectors of the formation of legal regulation tools arising in connection with the use of gene therapy drugs and the procedure of experimental editing of the human genome. One of the most important factors in the development of the legal mechanism of regulation in the field of genetic technologies is associated not only with the need to protect the constitutional human rights to life, health, safety, privacy, personal and family secrets, but also with the presence of potential threats to society as a whole. Much attention is paid in the article to the relationship between the content of socio-ethical problems and the structure of the legal paradigm in the field of biopolitics, which is gradually forming in the Russian Federation, the USA and European countries. The explication of such a relationship, the definition of vectors for the development of this paradigm requires consideration of both the method of genetic modification of DNA and the means of gene therapy, as well as social and ethical problems arising after the use of gene technologies. The effect of CRISPR technology is based on the use of genetic mechanisms, its application can lead to irreversible consequences, the extinction of species of flora and fauna. The peculiarities of the formation of a legal mechanism for regulating relations in the field of genetic technologies are due to the fact that these problems are not realized. The formation of legal relations arises from already established social relations. Due to the specifics of the object of regulation of legal relations, a procedure of expert and public discussion is necessary. However, it is difficult in the context of the existing economic model, the activities of commercial organizations and lobbying for their interests.

Keywords: biopolitics, means of legal regulation, legal mechanism, genetic technologies, gene therapy, editing of the human genome, CRISPR technology, social environment, germ line, generic human essence

For citation: Leusenko D. A., Ivanchenko A. V. Biopolitics and the formation of a legal mechanism for regulating relations in the field of gene therapy and human genome editing procedures: socio-ethical and theoretical legal problems. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):53–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-53-61>. EDN TNTMGL

Введение

Целью исследования является изучение оснований для развития средств правового регулирования в сфере применения генной терапии и экспериментального редактирования генома человека. Последние десятилетия ознаменовались активным применением в медицине средств генной терапии и новейших достижений в области редактирования генома человека. Вместе с тем, внедрение этих достижений обуславливает необходимость разрешения сложных социальных и биоэтических проблем. Развитие правового механизма регулирования общественных отношений в данной сфере требует привлечения представителей экспертного сообщества в области биоэтики, общественной экспертизы перед формированием правовых средств регулирования и реализацией процедуры законодательного процесса.

Генная инженерия человека предусматривает секвенирование генома человека, идентификацию всех генов, генотерапию, генодиагностику, регенеративную медицину, клеточную инженерию

и геномное редактирование. Генная терапия представляет собой коррекцию заболевания путем введения в клетку-мишень генетических конструкций с целью лечебного воздействия. Генетические манипуляции с клетками человека нацелены на получение экспрессии гена, приближенной к нормальным физиологическим значениям. Генная терапия корректирует соматические, а не зародышевые клетки, чтобы избежать передачи генетически модифицированной ДНК следующим поколениям. Методы генной терапии направлены на генетический аппарат человека и, как уже отмечалось, делают необходимым рассмотрение проблемы о допустимости такого вмешательства и осуществление оценки генетического риска [1].

Теоретические подходы к изучению биополитики.

К определению термина «биополитика»

В современном дискурсе социальных наук утвердилась точка зрения о том, что такие направления деятельности современного государства как социальная медицина, практики общественной гигиены, социальное страхование, обеспечение в случаях старости и получения увечий, контроль рождаемости, управление городской средой с надзором за загрязнением окружающей среды и распространением болезней являются средством установления контроля за биологической составляющей человека, поскольку внедрение контроля за вышеперечисленными сферами приводит к установлению контроля над человеческим телом. Автором такой точки зрения считается М. Фуко.

Тем не менее, термин «биополитика» начал использоваться еще ранее. Согласно Т. Lemke, первым политологом, использовавшим термин «биополитика» в 1920-х годах, был шведский ученый Рудольф Челлен из Университета Уппсалы [2, р. 423]. Однако наиболее интересным представляется не установление первенства в формулировке термина, а рассмотрение вопроса о том, на основании каких точек зрения развивался теоретический дискурс по поводу основ биополитики. Например, Р. Челлен довольно символически подходил к пониманию биополитики, считая государство «формой жизни», предшествующей отдельным людям и их выбору.

Несмотря на некоторую наивность подобной точки зрения, ее появление было связано с закономерностями развития науки, когда первоначальное изучение проблемы сопровождается необходимым уровнем абстракции в исследовательской позиции в сочетании с определением вектора исследования. В данном случае речь шла о том, что государство может в своей деятельности осуществлять выбор за индивида. Таким образом, существование биополитики связывалось с реализацией политики государства как субъекта политического процесса, представляющего интересы всего общества.

В конце 30-х гг. XX в. термин «биополитика» использовался канадским биологом Морли Робертсом, выпустившим книгу с одноименным названием. В его работе проводилась аналогия между биологическими явлениями и политическим поведением человека. Автор утверждал, что правильная модель для государств мира была бы подобна свободной ассоциации колоний клеток и простейших. Однако еще ранее, в 1934 г. Ханс Райтер, глава департамента здравоохранения гитлеровской Германии использовал термин «биополитика» в речи, посвященной нацистской концепции народа и государства и основанной на биологических принципах, а также прибегал к нему при описании программы по улучшению качества генетического материала немцев. Повсеместно термин «биополитика» использовался и членами нацистской партии для описания одного из ведущих направлений государственной политики нацистской Германии.

Новый подход к биополитике сформулировал профессор Университета Индианы (г. Блумингтон) Линтон Колдуэлл в 1964 г. Согласно его точки зрения биологическая информация имеет большое значение для понимания политических явлений и государственной политики. Подобная позиция привела к формированию междисциплинарного подхода (эволюционная биология, этология, политология) и созданию Ассоциации политики и наук о жизни (APLS). Этот подход основывался на том, что окружающая среда и культура взаимодействуют с поведенческим репертуаром индивида. Как поясняет Роджер Мастерс в книге «Природа политики», поведение человека является продуктом интеграции в мозге и центральной нервной системе каждого человека филогенетически отобранной информации, передаваемой генами, исторически отобранной информации, передаваемой языковыми и культурными символами, и индивидуально усвоенной информации, приобретенной в течение жизненного цикла [3, р. 135]. В результате «отдельные люди и общества могут развивать

и развивают новые модели поведения, точно так же, как каждый биологический вид, включая наш собственный, развивает новые физические и поведенческие черты....» [4, р. 4].

Кроме того, к 70-м годам XX в. были выработаны основные направления изучения биополитики: 1) исследования, концептуализирующие биологически ориентированный подход к политической науке; 2) этологический и эволюционный анализ политического поведения; 3) физиологические аспекты политического поведения; 4) государственная политика в свете достижений биологии. В силу того, что контакты между американской политологической ассоциацией APLS и европейскими учеными не были налажены, в Европе оформились свои исследовательские коллаборации. Отличался и их подход к содержанию биополитики. Если американские ученые рассматривали биополитику как результат человеческого поведения и даже родовой человеческой сущности, европейские исследователи, напротив, ориентировались на анализ здоровья человека, глобальные экологические проблемы и изучение влияния биотехнологий на репродукцию человека в контексте биополитики. Иными словами, делался акцент на влиянии экологической среды на человека, а не на продуцирование человеком пространства биополитического. Европейцы рассматривали биополитику как научную дисциплину, изучающую человека как объект наук о жизни.

Оба этих подхода объединил Мишель Фуко, создавший своеобразную матрицу для понимания содержания биополитики, а именно: он изучал «отношения между истиной, властью и самим собой», в основе его теоретической позиции было исследование процессов взаимодействия между властью, знанием и человеческим «Я», что предусматривало важность этических норм в рассмотрении вопроса. При этом он использовал термины «биовласть», «биополитика» для обозначения социальной и политической власти над жизнью самой по себе. Биополитика определяет стратегии власти, которые имманентны современному обществу. При этом политическая власть стала позитивной (т.е., конституирующей) силой в обществе.

Согласно М. Фуко, досовременная власть была в основном юридической, негативной и запрещающей, с упором на государство и суверенитет, насилие и право. Но в современности появилась новая сила, знание, которая является позитивной и обобщающей. Биовласть действует в двух направлениях: она стремится к власти над человеческим телом и человеком как таковым. Биовласть, направленная на тело, Фуко называет «анатомо-политикой». Эта анатомо-политика – «сосредоточена на теле как машине: его дисциплинировании, оптимизации его возможностей, истощении его сил ... его интеграции в системы эффективного и экономичного контроля ...» [4, р. 25]. Биополитика направлена на вид, направлена на изменение демографии популяций с точки зрения «размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, ожидаемой продолжительности жизни и иными условиями, которые могут привести к их изменению» [4, р. 25]. Таким образом, биополитика регулирует популяцию.

Анализируя идеи М. Фуко, L.T. Liesen, M.B. Walsh, отмечают, что в рамках биополитики государство стремится управлять отношениями матери и ребенка как на уровне организма, так и на уровне вида. Многочисленные силы направляют и принуждают к определенному действию или убеждению родительские отношения. Даже то, чем и как ребенка кормят становится продуктом нескольких мощных общественных дискурсов. Как и чем ребенок питается, становится предметом политических и экономических расчетов. Кормят ли ребенка грудью или из бутылочки, по расписанию или по требованию, все это становится предметом общественного обсуждения и принуждения, в котором участвуют семьи, школы, больницы, рабочие места и правительство. Таким образом регулируется и численность населения. Измеряются и рассчитываются демографические данные, связанные с тем, как и когда кормят ребенка, корректируется социальная среда для содействия желаемому результату. «То, что Фуко назвал бы "настоящим дискурсивным взрывом" вокруг отношений матери и ребенка и вопроса о том, как и когда кормят ребенка» [4, р. 27], подводят итог авторы, совершается на наших глазах.

Спорные достижения генных технологий и коммерциализация результатов научных исследований

Авторы приводят данный пример, памятуя о том, какая кампания развернулась по поводу молочных смесей в Европе и какой скандал, связанный с фирмой «Нестле» разгорелся уже позднее. Статистика детской смертности в связи с использованием молочных смесей компании в странах Африки была ужасающей, поскольку потребители зачастую не могли себе позволить использовать чистую воду [5, р. 3].

Если иметь в виду подобные коммерческие «усилия» в области детского здоровья и средств контрацепции, то можно предположить, чем могут обернуться открытия в области редактирования генома человека. Достижения в области генной медицины и генной инженерии в целом будут способствовать организации невиданного ранее могущественного контроля над обществом, более абсолютного, чем тоталитарное государство. Такой контроль может пронизывать социальные, профессиональные структуры, стать основой для нового, уже биотехнологического неравенства между людьми.

Генетическая терапия известна на протяжении длительного времени. Еще в 1962 г. польско-американский генетик, профессор онкологии Лаборатории исследований рака Макардла Медицинской школы Университета Висконсин-Мэдисон и первый редактор журнала по генетике и молекулярной биологии «Gene» Вацлав Шибальский¹ использовал метод исправления генетического дефекта путём доставки чужеродной ДНК в клетки млекопитающих [6–7]. Другие исследователи рассматривают начало эры генной терапии с обнаружением С. Коэном и Г. Бойером в 1972 г. явления прямого переноса фрагментов ДНК от одной бактерии кишечной палочки к другой [8, с. 64]. В 1976 г. У. Андерсон предложил использовать вирусы в качестве носителей ДНК (векторов). Тем не менее, основы правового регулирования данной сферы еще только формируются, и тому есть много причин. Поэтому мы можем говорить только о формирующихся направлениях в развитии правового регулирования сферы биотехнологий в рамках биополитики государства и ведущих экономических субъектов.

Во-первых, это связано с высокой степенью конкуренции между коммерческими организациями в сфере генной инженерии. Дело в том, что в результате открытия технологии генетического привода (позволяющей встраивать конкретные гены в последующие поколения животных, насекомых, растений) и технологии CRISPR (от англ. clustered regularly interspaced short palindromic repeats – короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами) оказалось возможным сделать процесс генетических изменений не просто массовым, а осуществлять их на основе общей логики, сродни работе компьютерной программы, что, безусловно, усиливало как конкуренцию, так и степень закрытости информации. Компании, используя генетические векторы (молекулы ДНК, способные к самостоятельной репликации, предназначенные для переноса чужеродной ДНК в клетку реципиента), вследствие их исключительной важности для всей технологии, скрывали и скрывают «рабочие», действующие элементы генетической модификации даже в случае оформления патентов. В результате достаточно сложно проследить последствия применения технологии в целом, что расширяет круг возникающих социально-этических проблем.

Во-вторых, этические проблемы невиданного ранее масштаба, затрагивающие сущностные основы человечества, возникают в результате взаимной интеграции этих двух технологий. На основе технологии CRISPR стало возможным очень точно разрезать (с помощью вирусов) ДНК и изменять его (включая и ДНК человека). Поэтому технология генетического привода стала возможной. Но содержание этической проблемы заключается в том, что, с одной стороны, могут исчезнуть целые виды живого (а это сулит колоссальные проблемы экологического порядка, когда один вид будет заменяться другим), а с другой, подобные технологии стали доступны любому непрофессионалу. Отсутствуют возможные пороги их использования, такие как наличие профессионального образования или лаборатории, оснащенной сложным оборудованием.

И ранее было возможно редактировать совокупность наследственного материала, заключённого в клетки организма, но это требовало сборки так называемых кастомных белков. Иными словами, для каждой операции нужно было собирать новый белок. Процедура занимала несколько месяцев и стоила две, три тысячи евро. Составляющие CRISPR обходятся значительно дешевле, около 10-20 евро. Так, один из экспертов изготовил устойчивую к антибиотикам бактерию в домашних условиях. Он заказал CRISPR у специализированной компании (65 долларов с учетом доставки), «указал

¹ После оккупации гитлеровцами Львова Вацлав Шибальский работал кормильцем вшей. Клетки с вшами, переносящими тиф, прикрепляли к бедру человека. Во время Второй мировой войны единственным способом получить жизнеспособную вакцину от тифа было кормление вшей человеческой кровью. Несмотря на то, что эта профессия была сопряжена со значительным риском заражения, «кормильцам вшей» выдавали дополнительные пайки, их не отправляли в концентрационные лагеря, и им разрешалось передвигаться по оккупированному городу.

точную ДНК-последовательность из 20 букв, получил на почте небольшую пробирку с несколькими каплями жидкости, добавил жидкость в другую пробирку с клетками организма и ДНК, которую нужно в него внедрить» [9]. Затем только нужно было нагреть состав. CRISPR сам находит нужное место, разрезает и новая ДНК встает на место.

Эффективность подобной технологии сулит множество проблем. Например, с ее помощью возможно навсегда избавиться от малярийных комаров¹, от укусов которых ежегодно умирает около полумиллиона человек в Африке. К этому и стремился изобретатель CRISPR, научный сотрудник Гарвардского института Висса по биоинженерии Кевин Эсвелт. Он также хотел вывести мышей, устойчивых к бактерии, вызывающей болезнь Лайма. Иными словами, человечество может получить положительный эффект от внедрения генетических технологий, однако остается опасность того, какие последствия будут иметь изменения в генетической структуре. Еще раз повторим, у CRISPR много общего с компьютерными программами. По сути, она состоит из двух частей. Первая – это фермент, разрезающий гены, а во второй, в спейсере (от англ. «разделитель»²) зашифрована информация о том, какой фрагмент нужно вырезать. В результате изменения могут нарастать как снежный ком не только по социальным (коммерческим) или медицинским причинам, а по причинам биологическим. Результатом использования CRISPR является копирование необходимого участка ДНК с одной хромосомы на другую. То есть, элемент А копируется и вставляется в гомологичную хромосому при наличии элемента В, а элемент В – в присутствии элемента С. Сам элемент С распространяется в популяции через обычное наследование, передаваясь только половине потомства. Например, спаривание генетически модифицированных насекомых с дикими комарами приведет к тому, что все потомство будет нести в себе элементы А и В, но только половина – элемент С. В результате, по законам наследования, А и В сначала быстро распространятся в популяции, а через некоторое количество поколений практически исчезнет элемент С, за ним элемент В и, наконец, А [10]. Достаточно сказать, что изобретатель CRISPR, осознав, что малейшее изменение может привести к эффекту домино в масштабах всей человеческой цивилизации, сознательно прекратил дальнейшие исследования. Более того, в порядке личной инициативы он постарался наладить научную коммуникацию с другими специалистами по проблеме с одной только целью: законсервировать на время все возможные исследования в рамках технологии CRISPR³.

¹ Правда, пока ученые предупредили о распространении в ЕС комаров с малярией и лихорадкой Денге, что объясняется изменением климата. См.: Коммерсант, 25.04.2024. Учитывая, что существует и военное применение генетических технологий (о котором пишет отнюдь не конспиролог, известный научный обозреватель Роуан Якобсон, работавший для таких изданий, как The New York Times, Newsweek, Harper's Magazine, Scientific American и многих других), то такое неожиданное распространение комаров в современную эпоху (ранее российские ученые доказали, что десятки миллионов лет назад малярийный комар из Африки оказался в Сибири, а затем и в Европе, преодолев Берингов пролив, а тогда Берингов мост, связывавший Америку с Евразией), оставляет больше вопросов, чем ответов. По крайней мере, подобные неблагоприятные последствия от укусов комаров для жителей Европы могут стать причиной расширения генетических исследований фармкомпаний.

² Гениальное открытие, сделанное К. Эсвелтом, основывается на «гениальности» самой природы: «разделитель», то есть, участки некодирующей ДНК расположены между тандемно повторяющимися генами, их функция заключается в обеспечении высокого уровня точности транскрипции, в связанных генах. Сходство с компьютерными программами объясняется тем, что эти участки расположены на одном расстоянии, нужно только пометить, где нужно производить разрез. В примере с генетической модификацией, сделанной в домашних условиях, за это отвечала генетическая последовательность из 20 букв.

³ В 2017 г. он обратился к коллегам с открытым письмом: «Пишу вам, поскольку на следующей неделе ожидается публикация нескольких интересных статей касательно генетического привода, сохранения видов и политики в отношении научных открытий... Спешу сообщить, что мое предложение 2014 г. применять технологию генетического привода для контроля паразитарных видов было огромной ошибкой. С моей стороны было крайне неосмотрительно даже предложить такой вариант. ... Математическое моделирование показало, что генетический привод несет в себе гораздо большие риски, чем я предполагал. Даже самая совершенная математическая модель не сможет просчитать самый непредсказуемый фактор на свет – человеческую природу» [9].

Применительно к генетическому аппарату человека, когда модифицированная ДНК встретится со своей парой, новые инструкции приведут к созданию цепочки CRISPR, которая применится к новой ДНК, гарантируя, что обе цепочки в результирующей паре будут иметь желаемые изменения. Таким образом, даже если в ДНК родителя (к которой не применялась CRISPR) содержится ген карего цвета глаз, он будет заменен на ген голубого цвета¹.

Пугающая масштабность проблем, возникающих в связи с применением генетических изменений, и привела к тому, что сегодня в большинстве стран еще только формируются основные векторы развития правовой базы регулирования данной сферы. В настоящее время регулирование осуществляется на основе выводов представителей экспертных сообществ и ограничительной политики, проводимой большинством стран на государственном уровне при участии представителей транснациональных компаний. Так, например, в США контроль за финансированием исследований осуществляется Национальным институтом здравоохранения, который запрещает федеральное финансирование процедуры редактирования зародышевой линии человека. Частное финансирование разрешено, но ежегодно, начиная с декабря 2015 г. Конгресс США ежегодно использует поправку к законопроекту о финансировании Управления по контролю за продуктами и лекарствами (FDA). Она запрещает рассмотрение любых заявок на исследования, связанные с введением генно-модифицированных эмбрионов в организм человека, однако если генетический материал не будет пересаживаться в матку, или если результаты исследований в дальнейшем будут уничтожены, то такие эксперименты возможны. Все остальные изменения, модификация сельскохозяйственных культур, воздействие на генетический аппарат млекопитающих (например, были выведены коровы, окрас которых позволяет их организмам меньше нагреваться на солнце) идут полным ходом и получили промышленный размах. Это связано с необходимостью обеспечения питанием населения планеты.

В Европейском Союзе действует Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164), принятая Советом Европы в апреле 1997 г. в Овьедо. Статья 15 данного документа провозглашает принцип свободы научных исследований при условии соблюдения гарантий прав человека. Для европейского законодательства в вопросе генетических технологий характерно превалирование интересов и блага отдельного человека над интересами общества или науки (ст. 2 Конвенции). Важно отметить, что в документе конкретизированы условия, при которых возможны исследования на людях (ст. 16 Конвенции), а именно такое вмешательство возможно, а) если не существует альтернативных методов исследования, сопоставимых по своей эффективности; б) риск, которому может быть подвергнут испытуемый, не превышает потенциальной выгоды от проведения данного исследования; в) проект предлагаемого исследования был утвержден компетентным органом после проведения независимой экспертизы научной обоснованности проведения данного исследования, включая важность его цели, и многостороннего рассмотрения его приемлемости с этической точки зрения; г) лицо, выступающее в качестве испытуемого, проинформировано об имеющихся у него правах и гарантиях, предусмотренных законом и д) получено явно выраженное, конкретное письменное согласие. Следует согласиться с С. В. Косилкиным в том, что подобные положения делают документ весьма противоречивым [10, с. 37]. Более того, вышеизложенное не позволяет реализовать принцип приоритетности интересов отдельного человека. С одной стороны, приходится констатировать, что данный принцип только провозглашается, но не реализуется в европейском праве, а с другой, современное право как система норм пока не в состоянии на должном уровне регулировать сложные отношения, возникающие в связи с реализацией результатов научных исследований в сфере генетических технологий. Данная конвенция не была ратифицирована Италией, Люксембургом, Нидерландами, Польшей, Швецией. Российская Федерация, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия в конвенции не участвуют.

Российская Федерация в сфере генетических технологий руководствуется рекомендациями во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., Международной декларации ЮНЕСКО о генетических данных человека 2003 г., Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г. Национальное законодательство, как правило, ориентируется

¹ Еникеев А. Геноцид во благо: уничтожение всего живого стало возможным на генном уровне [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2017. 21 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/21/drive/?ysclid=m2ltppccrd4540174984>

на законы, связанные с регулированием геномных исследований человека, либо регулирует работу биобанков. Налицо замедлением темпов выработки соответствующего законодательства. И в РФ, и за рубежом основные правовые акты были приняты на рубеже 2000-х гг. Пока речь идет об администрировании данной области со стороны государства и коммерческих организаций.

Выводы

Развитие средств правового регулирования генетических технологий заметным образом запаздывает. Применительно к реализации продуктов научной деятельности, а также быстрым изменениям в социальной сфере этот вывод приобрел характер аксиомы. Право развивается эволюционно и для того, чтобы сформировались соответствующие базовые средства права (нормы права, субъективные права и юридические обязанности, акты реализации права, правоприменительные акты) необходимо время. Очевидно, что изменения должны коснуться и правовой культуры, правового сознания. Однако в современных условиях и право как система правовых средств и юридических конструкций, и носители правового сознания находятся в качественно иной ситуации. Человек является продуцентом социальной реальности, однако он постоянно воспроизводит в себе человека, реагируя на окружающую природную и социальную среду, постоянно подтверждает человеческую сущность, так воспроизводит родовую человеческую сущность.

Хорошо известно, что в тоталитарном государстве человечность подвергается серьезным испытаниям, поскольку оно стремится ликвидировать человечность всеми возможными способами. Являясь издревле конструкцией, призванной организовать жизнь общества, создать его правопорядок, такое государство превращается в свое отрицание, начинает уничтожать общество.

Внесение изменений в генетический аппарат человека, позволяющее избавиться от многих и многих болезней, спасти миллионы жизней, тем не менее, в силу простоты и эффективности новых генетических технологий может запустить необратимый процесс изменений, когда последствия нельзя не только предотвратить, но даже невозможно представить, какими они будут, какие сферы изменятся благодаря вмешательству в генетический код. Подобные изменения уже идут, они затронули всю совокупность флоры и фауны, тем самым вновь, но куда в большем масштабе, поставив вопросы о смысле человеческого существования, о главных задачах человечества. Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изменить и теоретические подходы к праву, воспринять его интегративную данность, понять, что без нового синтеза социальных, этических норм и норм права невозможно дальнейшее существование. Де-факто право не может являться средством правового регулирования в сфере генетической инженерии без соблюдения норм этики, без работы этических комитетов всех уровней.

Список источников

1. Генная инженерия. Составитель: проф. М.Р. Шарипова [Электронный ресурс]. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_390463524/SharipovaMR_Gennaya_inzheneriya_Lekciya10.pdf
2. Lemke T. From State Biology to the Government of Life: Historical Dimensions and Contemporary Perspectives of 'Biopolitics' // Journal of Classical Sociology. 2010. № 10. P. 421–438.
3. Masters R. D. The Nature of Politics. New Haven, CT: Yale University Press, 1989. 298 p.
4. Liesen L. T., Walsh M. B. The Evolution of the Meaning of "Biopolitics" // APSA 2011 Annual Meeting Paper, Aug 2011.
5. Wijesinghe P. Human Rights Violations by Multinational Corporations: Nestle as the Culprit // SSRN Electronic Journal, 2018, January. 11 p.
6. Szybalska E. H., Szybalski W. Genetics of human cell line. IV. DNA-mediated heritable transformation of a biochemical trait // Proc. Natl. Acad. Sci USA. 1962. Vol. 48: P. 2026–2034.
7. Goswami R., Subramanian G., Silayeva L. et al. Gene therapy leaves a vicious cycle // Front. Oncol. 2019. Vol. 9.
8. Безбородова О. А., Немцова Е. Р., Якубовская Р. И. Генная терапия – новое направление в медицине // Онкология. 2016. № 2. С. 64–72.
9. Якобсен Р. Ширшова Л. Генетический привод: технология, которую боится ее создатель [Электронный ресурс] // Электронный журнал «НОЖ». URL: <https://knife.media/gene-drive/?ysclid=m2ks17qav8674865574>

10. Косилкин С. В. Принципы международно-правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации // *Lex Genetica*. 2023. № 2. С. 34–52.

References

1. *Genetic engineering*. Compiled by Prof. M.R. Sharipova [Electronic resource]. Available from: https://kpfu.ru/staff_files/F_390463524/SharipovaMR_Gennaya_inzheneriya_Lekciya10.pdf (In Russ.).
2. Lemke T. From State Biology to the Government of Life: Historical Dimensions and Contemporary Perspectives of 'Biopolitics'. *Journal of Classical Sociology*. 2010;(10):421–438.
3. Masters R. D. *The Nature of Politics*. New Haven, CT: Yale University Press, 1989. 298 p.
4. Liesen L. T., Walsh M. B. The Evolution of the Meaning of "Biopolitics". *APSA 2011 Annual Meeting Paper*, Aug 2011.
5. Wijesinghe P. Human Rights Violations by Multinational Corporations: Nestle as the Culprit. *SSRN Electronic Journal*. 2018, January. 11 p.
6. Szybalska E. H., Szybalski W. Genetics of human cell line. IV. DNA-mediated heritable transformation of a biochemical trait // *Proc. Natl. Acad. Sci USA*. 1962. Vol. 48: P. 2026—2034
7. Goswami R., Subramanian G., Silayeva L. et al. Gene therapy leaves a vicious cycle. *Front. Oncol*. 2019;(9).
8. Bezborodova O. A., Nemtsova E. R., Yakubovskaya R. I. Gene therapy – a new direction in medicine. *Oncology*. 2016;(2):64–72. (In Russ.).
9. Jacobsen R., Shirshova L. Genetic drive: a technology that its creator is afraid of [Electronic resource]. *The KNIFE electronic magazine*. Available from: <https://knife.media/gene-drive/?ysclid=m2ks17qav8674865574>. (In Russ.).
10. Косилкин С. В. Принципы международного правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации. *Lex Genetica*, 2023;(2):34–52. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Леусенко – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

А. В. Иванченко – старший преподаватель кафедры философии с курсом биоэтики и духовных основ медицинской деятельности РостГМУ.

Information about the authors

D. A. Leusenko – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

A. V. Ivanchenko – Senior lecturer of the Department of Philosophy with a course on bioethics and spiritual foundations of medical activity, Rostov State Medical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 62–70
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(4):62–70

Проблемы конституционного, административного и международного права

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-62-70>

EDN QTOUZE

Осмысление проблемных вопросов проводимой на глобальном уровне реформы международного налогообложения цифровых компаний

Лариса Ивановна Волова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, volova-li@yandex.ru

Аннотация. Интерес автора к теме статьи вызван тем, что в условиях новой геополитической реальности ускоряется процесс трансформации международного налогового правопорядка и в его рамках правил налогообложения прибыли иностранных цифровых компаний. В статье автором анализируются и осмысливаются проблемные вопросы проводимой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на глобальном уровне реформы международного налогообложения.

Автор дает оценку разработанного ОЭСР и претворяемого ею в жизнь Международного подхода к налогообложению прибыли цифровых компаний. В статье также проводится анализ автором нового подхода, предложенного ОЭСР к порядку распределения глобальной прибыли, полученной цифровыми компаниями от поставки цифровой продукции на рынки иностранных юрисдикций для пользователей этой продукции. Кроме того, автором выявляются правовые основания и целесообразность введения некоторыми государствами налога на цифровые услуги.

Для достижения цели устойчивого развития экономики государств приобретает растущее значение эффективное решение проблемы международного налогообложения прибыли цифровых компаний. Перед мировым сообществом государств и их налоговыми администрациями стоит стратегическая задача: добиться положения, при котором международная налоговая система будет отражать все тенденции развития цифровой экономики. Для достижения этой цели необходимо прийти к согласованности действий государств на региональном и глобальном уровне.

В связи со значительным увеличением объемов деятельности иностранных цифровых компаний, в цифровом бизнесе возросла потребность в разработке и реализации единого международного подхода к налогообложению доходов цифровых компаний и в первую очередь – транснациональных корпораций (ТНК), полученных от поставки ими цифровых услуг (продукции) на рынки сбыта иностранных юрисдикций.

В условиях активного развития цифровой экономики перед учеными и практиками встал вопрос, требующий четкого ответа, – по каким признакам и в какой мере порядок налогообложения доходов компаний в рамках цифровой экономики отличается от порядка налогообложения доходов компаний в сфере традиционной экономики.

При расширении масштабов цифровых бизнес-проектов растет число крупнейших цифровых компаний (так называемых гигантов), выделяются новые цифровые объекты, увеличивается количество и расширяется география потребления пользователями цифровой продукции, растет число заключаемых ими пользовательских контрактов с использованием данных цифровых компаний.

Ключевые слова: реформа международного налогообложения, налогообложение цифровых услуг, глобальная прибыль, глобальный корпоративный налог, «двухкомпонентный» подход ОЭСР, инициатива ОЭСР под названием «Унифицированный подход», создание пользователями стоимости цифровых услуг, налог на цифровые услуги

Для цитирования: Волова Л. И. Осмысление проблемных вопросов проводимой на глобальном уровне реформы международного налогообложения цифровых компаний // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 62–70. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-62-70>. EDN QTOUZE

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

Understanding the problematic issues of the global reform of international taxation of digital companies

Larisa I. Volova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, volova-li@yandex.ru

Abstract. The author's interest in the topic of the article is caused by the fact that in the context of a new geopolitical reality, the process of transformation of the international tax order and, within its framework, the rules for taxation of profits of foreign digital companies is accelerating. In the article, the author analyzes and comprehends the problematic issues of the reform of international taxation carried out by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) at the global level. The author gives an assessment of the International Approach to taxation of profits of digital companies developed by the OECD and implemented by it. The article also analyzes the author of a new approach proposed by the OECD to the distribution of global profits received by digital companies from the supply of digital products in the market of foreign jurisdictions for users of these products. In addition, the author identifies the legal grounds and expediency of introducing a tax on digital services by some states.

In order to achieve the goal of sustainable economic development of states, an effective solution to the problem of international taxation of profits of digital companies is becoming increasingly important. The global community of states and their tax administrations face a strategic task: to achieve a situation in which the international tax system will reflect all trends in the development of the digital economy. To achieve this goal, it is necessary to achieve coherence between the actions of States at the regional and global levels.

Due to the significant increase in the volume of activities of foreign digital companies, the digital business has increased the need to develop and implement a unified international approach to taxation of income of digital companies and primarily Multinational companies (TNCs) received from the supply or digital services (products) to the markets of foreign jurisdictions.

In the context of the active development of the digital economy, scientists and practitioners faced a question that requires a clear answer – on what grounds and to what extent the procedure for taxation of corporate income within the digital economy differs from the procedure for taxation of corporate income in the traditional economy.

With the expansion of the scale of digital business projects, the number of the largest digital companies (the so-called giants) is growing, new digital facilities are being allocated, the number and geography of users' consumption of digital products is increasing, and the number of user contracts they conclude using digital company data is growing.

Keywords: international tax reform, taxation of digital services, global profit, global corporate tax, the "two-component" approach of the OECD, the OECD initiative called the "Unified Approach", the creation by users of the value of digital services, the tax on digital services

For citation: Volova L. I. Understanding the problematic issues of the global reform of international taxation of digital companies. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):62–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-62-70>. EDN QTOUZE

Введение

В современный период транснациональные корпорации стали все более активно проявлять стремление к монополизации сферы цифрового бизнеса, что, безусловно, вступает в противоречие с интересами государств и юрисдикций рынков сбыта цифровой продукции.

Продвижению ТНК политики монополизации деятельности в сфере цифровых бизнес-проектов способствовал тот факт, что они обладают разветвленной в организационном плане структурой, что дает им возможность размещать свои офисы во многих налоговых юрисдикциях, а также регулярно перемещать свои ресурсы из одной структуры в другую, что дает им значительные преимущества в цифровом бизнесе. В связи с деятельностью некоторых крупнейших ТНК, возникают новые вызовы для налоговых администраций, поскольку схемы уклонения их от уплаты налогов и приобретения необоснованных налоговых выгод стали еще более изощренными и трудно раскрываемыми.

Значительное увеличение количества пользователей цифровыми услугами в различных юрисдикциях привело к ситуации, когда иностранным компаниям стало больше не обязательным и не нужным создавать постоянное представительство (действующий офис) на территории государства рынка сбыта цифровой продукции, т.е. отпала необходимость иметь свое фактическое присутствие, а также сохранять экономическую связь с государством реализации цифровых бизнес-моделей. Такая новация была в интересах иностранных компаний, так как в этом случае им стало не нужно приобретать помещений, оплачивать работу персонала, покупать и содержать дорогостоящее оборудование на территориях иностранных государств для обслуживания пользователей цифровой продукции.

Действовавшая в условиях традиционной экономики система международного налогообложения компаний оказалась не в полной мере приемлемой к новым условиям функционирования в цифровом бизнесе, кроме того, это создало возможность некоторым компаниям не уплачивать в полном объеме налоги от своих доходов в иностранных государствах. При этом для тех зарубежных компаний, которые создают свои постоянные представительства в странах поставки цифровой продукции в настоящее время есть возможность воспользоваться модифицированными правилами налогообложения прибыли постоянных представительств компаний, используя новый международный подход, предложенный ОЭСР.

При отсутствии постоянного представительства компании в той или иной юрисдикции особенно важно применение налогового правила о налогообложении доходов цифровых компаний в юрисдикциях сбыта ими цифровых услуг (продукции).

Рост цифровой экономики послужил основанием к пересмотру ранее действовавших подходов к порядку налогообложения прибыли цифровых компаний как в доктрине международного налогового права, так и в законодательстве государств [1, с. 41–42].

Начало работы ОЭСР

по проведению реформы международного налогообложения

Оценив отрицательные последствия мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., государства осознали необходимость проведения реформы и разработки Плана реформы международного налогообложения.

Разработка конкретных мер в контексте этого Плана планомерно, хотя и сложно, осуществляется в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Созданными ею Рабочей группой и Инклюзивной группой был разработан и одобрен делегациями государств-участников и 15 октября 2015 г. окончательно принят правовой акт под названием «План по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения», включающий в себя комплекс важных действий по совершенствованию международного налогообложения (План BEPS)¹. Он содержит 15 конкретных действий по сотрудничеству государств по достижению указанных в Плане целей.

В соответствии с темой статьи, нас интересует четвертое действие, касающееся установления правил по регулированию налогообложения цифровых компаний, поставляющих цифровые услуги

¹ План действий ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения от 15 октября 2015 года. OECD. Base Erosion and profit shifting. URL: <https://www.oecd.org/tax/BEPS> (accessed date 5.07.2024)

(продукты) на рынки иностранных юрисдикций. В соответствии с этим действием, сотрудничество по налогам должны осуществлять иностранные компании-поставщики цифровых услуг (продукции) в иностранные юрисдикции и налоговые администрации государств рынков сбыта таких услуг (продукции) пользователям этой юрисдикции. Реализация рассматриваемого действия Плана BEPS должна вывести международное сотрудничество государств в сфере налогообложения на новый, более высокий уровень.

План BEPS сыграл важную роль в осуществлении международного проекта по противодействию обхода компаниями налоговых правил в собственных интересах. Как было отмечено, именно в рамках данного проекта началась и хотя и с трудностями, но продолжается реформа международного налогообложения.

В ее реализацию важный вклад вносят указанные выше: Рабочая группа ОЭСР и Инклюзивная группа ОЭСР. Рабочая группа ОЭСР выполняет конкретные действия административного и организационного характера по проведению реформы международного налогообложения. Весьма представительная по составу и наделенная широкими полномочиями Инклюзивная группа разрабатывает проекты международных налоговых соглашений и на их основе предлагает рекомендации по имплементации их положений в национальные налоговые акты.

Проведенный нами анализ позволил сделать вывод о том, что наиболее действенными мерами ОЭСР для решения проблемы налогообложения цифровых компаний в условиях цифровой экономики являются: введенный ею «Глобальный порядок взимания корпоративного налога» и предложенный механизм его распределения «сверхнормальной» прибыли компаний между юрисдикциями в соответствии с инициативой ОЭСР под названием «Унифицированный подход» по налогообложению «сверхнормальной» прибыли.

Рабочая группа ОЭСР по проведению реформы международного налогообложения, основываясь на результатах проведенного анализа, и подтвержденными фактами прогноза реальных выгод для бюджетов государств, участвующих в цифровом бизнесе, пришла к выводу о целесообразности взимания «Глобального корпоративного налога» и с прибыли Многонациональных предприятий (МНП) в размере не менее 15 % от прибыли.

Рабочая группа впервые на публичном уровне объявила об этой инициативе ОЭСР в июле 2021 г. на специально организованной представительной встрече группы с делегациями 130 государств и юрисдикций. На этой встрече представитель Рабочей группы доложил об одобрении членами группы Плана реформы международного налогообложения, целью которого является достижение справедливости порядка международного налогообложения и снижение рисков недополучения бюджетами государств налогов.

План налоговой реформы ОЭСР

Необходимо выделить, что План налоговой реформы, разработанный ОЭСР, предусматривает реализацию принципа обложения налогом многонациональных предприятий по месту извлечения дохода, который призван заменить применявшийся в течение долгого времени принцип обложения налогом доходов многонациональных предприятий по месту ведения предпринимательской деятельности или по месту нахождения постоянного представительства компании.

Двухкомпонентный проект ОЭСР по налогообложению прибыли многонациональных предприятий по поставке цифровых услуг

Разработанный ОЭСР План Реформы международного налогообложения является двухкомпонентным, включающим в себя два основополагающих компонента, из которых особое значение имеет первый компонент. В соответствии с ним для многонациональных предприятий (МНП), имеющих глобальный оборот продукции свыше 20 млрд евро и рентабельность свыше 10 %, будет определяться размер прибыли, относимый к юрисдикции, в которой такое предприятие генерирует доход в размере более 1 млн евро. Часть этой прибыли, а именно 25 % от ее суммы, будет облагаться налогом в юрисдикции места поставки многонациональным предприятием цифровой продукции.

Второй компонент Двухкомпонентного подхода ОЭСР к реформе международного налогообложения содержит налоговые правила, действие которых распространяется на значительно большее количество многонациональных предприятий, чем налоговые правила, закрепляемые в первом компоненте, поскольку они охватывают своим действием только многонациональные предприятия

с пороговым показателем ежегодного дохода, от налогооблагаемых услуг превышающим 750 млн евро мирового дохода.

Положительным является то, что разработчики проекта установили минимальную ставку «Глобального корпоративного налога» в размере 15 % от прибыли многонационального предприятия.

По мнению многих специалистов, взимание этого налога в таком размере является рациональным и справедливым [1, с. 39–41].

Рабочая группа ОЭСР, проведя анализ многочисленных предложений государств и мнений ученых по совершенствованию механизма международного налогообложения прибыли цифровых компаний, разработала новое налоговое правило, предусматривающее дифференциацию ставки «Глобального корпоративного налога» в зависимости от финансовых показателей.

Двухкомпонентный подход ОЭСР

к реформе международного налогообложения

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что первый компонент Двухкомпонентного проекта ОЭСР к реформе международного налогообложения направлен на адаптацию порядка взимания подоходного налога с многонациональных предприятий к новым условиям генерирования ими глобальной прибыли, ее распределении между юрисдикциями и обложении налогом. А второй компонент Двухкомпонентного проекта ОЭСР определяет минимальную мировую ставку «Глобального корпоративного налога» в размере не менее 15 % от прибыли многонациональных предприятий.

Первый компонент предусматривает также последующую отмену государствами введенных ими ранее цифровых налогов. В Двухкомпонентном проекте ОЭСР установлено, кроме того, условие для государств не вводить в своих странах новых цифровых налогов или иных односторонних мер с 08.10.2021 г. до конца 2023 г.

Реализация Двухкомпонентного проекта ОЭСР позволит обеспечить изъятие части прибыли, генерируемой многонациональными предприятиями по месту сбыта цифровых услуг в пользу государств-места потребления пользователями этих услуг.

Необходимо пояснить, что дифференциация размера «Глобального корпоративного налога» означает следующее: если прибыль многонационального предприятия облагается в одной из юрисдикций по ставке ниже установленного предела, т.е. ниже 15 % от прибыли предприятия, то налоговые органы юрисдикции места нахождения головной компании многонационального предприятия вправе ввести так называемый «дополнительный налог» в размере суммы разницы между фактической ставкой налога и минимальной ставкой налога.

Введение ОЭСР этого налогового правила преследует цель устранить налоговую конкуренцию между юрисдикциями в цифровом бизнесе. Более того, применение такого правила уменьшает возможность для компаний осуществлять бизнес-проекты в юрисдикциях с низкими ставками налогов.

Согласование Двухкомпонентного проекта ОЭСР

с целью его принятия и последующей реализации

На сегодняшний день Двухкомпонентный проект ОЭСР находится в стадии согласования между членами Рабочей группы ОЭСР и делегациями государств, дальше должно последовать достижение соглашения между всеми участниками дискуссии по принятию данного проекта и его последующей реализации.

Отсутствие единства позиций среди членов ОЭСР и делегаций государств по некоторым налоговым правилам, содержащимся в рассматриваемом проекте ОЭСР, касающимся налогообложения прибыли цифровых компаний стало причиной принятия решения о том, чтобы отложить принятие и введение в действие данного документа до конца 2024 года, и пока этого не произошло. Ввиду сложившейся ситуации, специалисты ожидают, что, кроме тех государств, которые уже приняли законы о цифровых услугах, еще некоторые государства все же введут либо односторонние, либо многосторонние налоговые меры для защиты своей налоговой базы и налоговых доходов, генерируемых от оказания иностранными компаниями цифровых услуг пользователям на территориях своих стран.

Следует учитывать, к тому же, что в определенных регионах земного шара, например, в Европе, положительно относятся к введению цифровых налогов.

Есть основание полагать, что промедление с достижением согласия между членами ОЭСР и делегациями государств по вопросу принятия первого компонента Двухкомпонентного проекта ОЭСР может привести к увеличению количества вводимых государствами цифровых налогов.

Плательщиками цифровых налогов являются компании, подпадающие под действие правил Двухкомпонентного подхода проекта ОЭСР. К ним относятся национальные и иностранные компании, у которых ежегодные доходы от поставки цифровых услуг превышают 750 млн евро глобального дохода.

Согласно разработанным ОЭСР новым налоговым правилам, государства будут получать только долю глобальной прибыли многонациональных предприятий (ТНК) и только при условии, если такие многонациональные предприятия сгенерировали доход не менее 1 млн. евро на территории государства- места сбыта цифровых услуг.

Предлагаемые ОЭСР новые правила получения и распределения между юрисдикциями глобальной прибыли многонациональных предприятий (ТНК) широко обсуждаются в научной литературе [1, с. 37–49, с. 336–354; 4, с. 335–354; 6, с. 58–66; 8, с. 37–40].

Несмотря на то, что еще окончательно не решен вопрос о принятии Двухкомпонентного проекта ОЭСР по налогообложению прибыли цифровых компаний¹, и существуют различия в подходах ОЭСР и ООН к решению данного вопроса, ряд государств в одностороннем порядке уже приняли законы о цифровом налоге.

Принятие государствами в одностороннем порядке законов о цифровом налоге

В связи с этим возникла несогласованность введенных и вводимых некоторыми государствами налоговых правил, что вполне может привести к увеличению налогового бремени, возложенного на цифровые компании и тем самым осложнить их положение. В связи с этим возрастает необходимость правового обеспечения соблюдения налоговых прав и интересов государств и компаний, участвующих в цифровом бизнесе, а это возможно реализовать только при принятии единого Международного подхода, предложенного ОЭСР к налогообложению прибыли цифровых компаний, полученной ими от поставки цифровой продукции на рынки иностранных юрисдикций.

Требуется также поднять качество администрирования налоговыми органами порядка соблюдения налоговых правил налогоплательщиками. При распределении прибыли иностранных цифровых компаний между юрисдикциями за основу берется концепция создания стоимости продукции, а она создается пользователями цифровых услуг государств- места сбыта этих услуг, при этом учитывается вся поступающая прибыль, вплоть до платежей конечного пользователя.

По нашему мнению, есть все основания ожидать положительных результатов от использования государствами на глобальном уровне Международного подхода ОЭСР к налогообложению прибыли цифровых компаний.

Не учитывая этот положительный прогноз, некоторые государства, такие как Австрия, Франция, Израиль поспешили в одностороннем порядке ввести в своих странах цифровой налог, объясняя это тем, что они очень заинтересованы в поступлении дополнительных платежей в свои бюджеты. При этом они не учитывали, что взыскание цифрового налога может отрицательно отразиться на деятельности национальных цифровых компаний и не способствовать расширению пределов использования ими цифровых технологий при реализации бизнес-проектов.

Кроме того, введение каким-либо государством цифровых налогов может вызвать применение ответных мер со стороны других государств, таких как, например, установление тарифов, а это может нанести серьезный ущерб цифровому бизнесу национальных цифровых компаний. Введение государствами обременительных правил налогообложения прибыли компаний в сфере цифрового бизнеса может привести к прекращению поставок иностранными компаниями цифровых продуктов потребителям на территории таких стран. В итоге это может негативно отразиться на процессе устойчивого развития экономики этих государств.

Практике известны три вида односторонних мер государств, используемых ими при налогообложении прибыли компаний в цифровом бизнесе: 1) взимание цифрового налога; 2) взимание налога на добавленную стоимость; 3) взимание налога с электронных услуг. Необходимо учитывать, что реализация второй и третьей по списку односторонних мер может привести к двойному налогообложению цифровой продукции, а это осложнит положение налогоплательщиков.

¹ Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy 8 October 2021. Available at; URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (accessed: 20.08.2024)

В отличие от перечисленных двух последних односторонних мер государств, указанный под номером один налог на цифровые услуги был разработан таким образом, чтобы не создавать угрозу двойного налогообложения цифровой продукции.

Учитывая особенность «цифрового налога», эту разновидность односторонних мер государств некоторые ученые называют «Концепцией цифровых факторов» [4, с. 351].

Беря во внимание возможные риски для налогоплательщиков, государства, которые уже ввели цифровой налог, установили достаточно низкие ставки его уплаты: от 3 % до 6,5 % от прибыли компании-поставщика цифровых услуг потребителям иностранных юрисдикций.

Государства, взыскивающие цифровой налог, под воздействием ОЭСР вынуждены были сделать заявление, что берут на себя обязательство не вводить подобных налогов в будущем и отменить цифровой налог после вступления в силу положений Двухкомпонентного проекта ОЭСР по налогообложению прибыли цифровых компаний.

Основания для критики учеными цифровых налогов

Следует особо отметить, что введение государствами цифровых налогов рассматриваются ОЭСР в качестве временной меры, так как это не лучший, как показано выше, вариант решения проблемы налогообложения прибыли цифровых компаний.

В научных трудах цифровые налоги справедливо подвергаются критике (П. Барнес, В. Цуй)

По мнению П. Барнеса, применение налога на цифровые услуги создает хаос и много нелепости, тем более, что этот налоговый инструмент в полной мере не проработан и не ясно, как будет осуществляться его администрирование налоговыми органами.

В. Цуй считает, что цифровой налог нацелен только на самых крупных поставщиков цифровых услуг, а они, как правило, являются резидентами иностранных юрисдикций.

Ученые в качестве недостатков цифровых налогов выделяют следующие: 1) они занижают суммы налогообложения цифровой продукции; 2) они по существу выполняют роль тарифа и при их применении ввозимая цифровая продукция может облагаться сборами несколько раз; 3) применение цифровых налогов может привести к определённым административным трудностям для иностранных компаний- поставщиков цифровой продукции [4, с. 336–339; 10, с. 15–17].

Заключение

Тем не менее, можно сделать вывод, что цифровые налоги будут вводиться государствами и дальше, объясняют они это тем, что взимание цифрового налога положительно воздействует на развитие цифровой экономики.

Сторонникам введения цифрового налога необходимо оценить среднесрочные и особенно долгосрочные последствия его действия, определить его влияние на развитие экономических процессов в стране.

Для увеличения сумм платежей, поступающих в бюджеты государств от поставки цифровой продукции, необходимо расширять географию присутствия и участия пользователей в потреблении цифровой продукции.

Особый интерес у налогоплательщиков вызвал документ ОЭСР под названием «Унифицированный подход по налогообложению «сверхнормальной» прибыли» ТНК» предусматривающий выделение «нормальной» прибыли и «сверхнормальной» прибыли цифровых компаний. Согласно ему «нормальная» прибыль ТНК облагается налогом в обычном порядке, т.е. по ставке 15 % от прибыли компании. В отличие от этого для «сверхнормальной» прибыли, т.е. суммы прибыли, превышающей установленный порог прибыли, в 750 млн евро определен особый порядок обложения налогом.

Государства в целом положительно оценили вышеуказанную инициативу ОЭСР, поскольку ее реализация способна уменьшать количество случаев увода цифровыми компаниями налогооблагаемой базы в регионы с низким уровнем налогов.

Важность рассматриваемой инициативы ОЭСР состоит также и в том, что ее реализация напрямую связана с налоговым планированием и способствует усилению противодействия так называемому «агрессивному налоговому планированию». Для осуществления эффективного налогового планирования государствам рекомендуется заранее прогнозировать результаты реструктурирования налоговой базы цифровых компаний, и в первую очередь ТНК, и просчитывать суммы поступлений налоговых доходов в свои бюджеты.

Выводы

В интересах государств – принять предложения и инициативы ОЭСР, содержащие новые налоговые правила в свое национальное законодательство.

Анализ Международного подхода ОЭСР к налогообложению прибыли цифровых компаний убеждает в том, что его реализация будет способствовать повышению эффективности механизма налогообложения глобальной прибыли крупнейших цифровых компаний (гигантов) и улучшению порядка ее распределения между юрисдикцией компании-поставщика цифровой продукции и юрисдикцией места потребления этой продукции пользователями. Возрастание мобильности цифровых компаний и расширение пределов их деятельности приводит к увеличению сумм глобальной прибыли, подлежащей распределению между юрисдикциями.

Важное значение для практики имеет принятие налогового правила о налогообложении прибыли цифровых компаний по месту создания стоимости цифровой продукции. Согласно этому правилу, возникновение налоговых обязательств у цифровых компаний происходит в юрисдикции, в которой пользователи цифровой продукции создают ее стоимость путем своего участия в потреблении продукции с использованием предлагаемых цифровыми платформами данных и заключаемых пользовательских контрактов.

По мере появления все новых и новых видов цифровых услуг усиливается тенденция трансформации правил налогообложения прибыли цифровых компаний.

Поэтому вполне оправданно предоставлять более широкий спектр налоговых прав именно тем юрисдикциям, в которых пользователи цифровых компаний создают стоимость цифровой продукции. Исходя из того, что пока нет консенсуса по принятию Двухкомпонентного проекта ОЭСР по налогообложению прибыли цифровых компаний, государства вводят в качестве временной меры и нового инструмента налоговой политики – налог на цифровые услуги для защиты от имеющих налоговые преимущества крупнейших цифровых компаний.

Список источников

1. Лифшиц И. М. Трансграничное налогообложение: «Золушка международного права, которая мечтает стать королевой» // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. № 1. С. 37–39.
2. Шпырко П. С. Международные налоговые соглашения: анализ принципов и механизмов противодействия уклонению от платы налогов // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 40–43.
3. Лифшиц И. М. Крипта, климат, налоги и прочее- о современных подходах к проблемам международного финансового правопорядка // Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка: коллективная монография кафедры международного права ВАВТ МЭР РФ / Под ред. В.М. Шумилова. М.: ВАВТ, 2024. С. 50–56.
4. Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 334–356.
5. Пономарева К. А., Зарипов В. М. Перспективы налогообложения глобальной прибыли цифровых компаний // Налоговед. 2020. № 4. С. 59–66.
6. Лукашов А. И. Отдельные направления повышения эффективности государственного управления в условиях цифровизации // Финансовый журнал. 2021. № 3. С. 67–75.
7. Кудряшова Е. В. Цифровые налоги или новая архитектура международного налогообложения? // Налоги. 2021. № 4. С. 37–40.
8. Lowry S. Digital Services Taxes (DSTs): Policy and Economic Analysis. Congressional Research Service Report, R45532. February 25, 2019
9. Краснобаева А. М. Зарубежный опыт введения цифрового налога: тенденции и закономерности // Аудит и финансовый анализ. 2020. № 3. С. 14–17.

References

1. Lifshits I. M. Cross-border taxation: "The Cinderella of International Law who dreams of becoming a queen". *HSE Journal of International Law*. 2023;(1):37–39. (In Russ.).
2. Shpyrko P. S. International tax agreements: an analysis of the principles and mechanisms of counter-ing tax evasion. *Agrarian and land law*. 2023; 8(224):40–43. (In Russ.).

3. Lifshits I. M. Crypta, climate, taxes and others - on modern approaches to the problems of international financial law and order. In: *International legal problems of modern international economic order: a collective monograph of the Department of International Law of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation*. V.M. Shumilov (ed.). Moscow: VAVT; 2024:50–56. (In Russ.).
4. Ponomareva K. A. Comparative analysis of the experience of introducing a tax on digital services in foreign countries. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(4):334–356. (In Russ.).
5. Ponomareva K. A., Zaripov V. M. Prospects for taxation of global profits of digital companies. *Nalogoved*. 2020;(4). (In Russ.).
6. Lukashov A. I. Selected directions for improving the efficiency of public administration in the context of digitalization. *Financial Journal*. 2021;(3):67–75. (In Russ.).
7. Kudryashova E. V. Digital taxes or a new architecture of international taxation? *Taxes (Journal)*. 2021;(4):37–40. (In Russ.).
8. Lowry S. Digital Services Taxes (DSTs): Policy and Economic Analysis. *Congressional Research Service Report*, R45532. February 25, 2019.
9. Krasnobaeva A. M. Foreign experience of introducing a digital tax: trends and patterns. *Audit and financial analysis*. 2020;(3):14–17. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. И. Волова – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права ЮФУ.

Information about the author

L. I. Volova – Dr. Sci. (Law), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor at the Department of International Law of the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

О должной кодификации законодательства о публичной службе российского казачества

Леонид Владимирович Акопов¹, Анастасий Николаевич Ворошилов²,
Игорь Александрович Сизько³

^{1,3}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Краснодар, Россия

Автор, ответственный за переписку: Леонид Владимирович Акопов, norin.gospravo@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Аннотация. Многолетние споры о доктрине и практической реализации идей о необходимости систематизации и гармонизации российского законодательства о государственной и муниципальной службе, включая законодательство о службе казачества, ряд официально утвержденных и до конца нереализованных программ реформирования отношений, связанных с публичной службой, так и не привели к прогнозируемым желанным результатам в этой важной социально-правовой сфере.

В настоящей статье авторы обосновывают насущную необходимость приведения действующего российского законодательства о государственной службе казачества в должное соответствие с духом и буквой поправок, внесенных в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации, и легализовавших новый правовой институт «единая система органов публичной власти». Авторы полагают, что оптимизация и гармонизация федерального законодательства о государственной и муниципальной службе российского казачества необходима и возможна посредством разработки и принятия Кодекса публичной службы казачества, который вобрал бы в себя весь массив нормативно-правовых актов, регулирующих и регламентирующих все вопросы прохождения публичных видов службы реестровыми казаками. Также презюмируется юридическая легитимация системы публичной службы и, в частности, публичной службы российского казачества в современных условиях функционирования государственной и муниципальной службы в купе со службой казачества в иных органах публичной власти. В статье сформулированы предложения и рекомендации по кодификации действующей нормативной правовой базы публичной службы реестрового казачества. Кроме того подвергнуты конструктивному критическому анализу отдельные публикации на данную тему.

Ключевые слова: публичная служба казачества, органы публичной власти, Глава государства, конституционные поправки, указы Президента России о казачестве, государственная служба, муниципальная служба, Закон о казачестве, реестровые казачьи общества, особенности казачьей службы, кодификация законодательства о казачестве, виды публичной службы, правовое регулирование службы казачества, юридический статус казаков на публичной службе, правительственные акты

Для цитирования: Акопов Л. В., Ворошилов А. Н., Сизько И. А. О должной кодификации законодательства о публичной службе российского казачества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-71-76>. EDN WKSMIO

On the proper codification of legislation on the public service of the Russian Cossacks

Leonid V. Akopov¹, Anastasiy N. Voroshilov², Igor A. Sizko³

^{1,3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²Krasnodar, Russia

Corresponding author: Leonid V. Akopov, norin.gospravo@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Abstract. Long-term disputes over the doctrine and practical implementation of ideas on the need to systematize and harmonize Russian legislation on state and municipal service, including legislation on the service of the Cossacks, a number of officially approved and completely unrealized programs for reforming relations related to public service, have not led to the predicted desired results in this important socio-legal area. In this article, the authors substantiate the urgent need to bring the current Russian legislation on the civil service of the Cossacks in due accordance with the spirit and letter of the amendments introduced in 2020 to the Constitution of the Russian Federation and legalized the new legal institution "unified system of public authorities".

The authors believe that the optimization and harmonization of federal legislation on the state and municipal service of the Russian Cossacks is necessary and possible through the development and adoption of the Code of Public Service of the Cossacks, which would incorporate the entire array of normative legal acts regulating and regulating all issues of public service by registered Cossacks. The legal legitimization of the public service system and, in particular, the public service of the Russian Cossacks in modern conditions of functioning of the state and municipal service, together with the service of the Cossacks in other public authorities, is also presumed. The article formulates proposals and recommendations for the codification of the current regulatory legal framework of the public service of the registered Cossacks. In addition, individual publications on this topic have been subjected to constructive critical analysis.

Keywords: public service of the Cossacks, public authorities, Head of State, constitutional amendments, decrees of the President of Russia on the Cossacks, civil service, municipal service, Law on the Cossacks, registered Cossack societies, features of the Cossack service, codification of legislation on the Cossacks, types of public service, legal regulation of the service of the Cossacks, the legal status of Cossacks in public service, government acts

For citation: Akopov L. V., Voroshilov A. N., Sizko I. A. On the proper codification of legislation on the public service of the Russian Cossacks. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):71–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-71-76>. EDN WKSMIO

Введение

В 2025 г. исполнится двадцать лет со дня принятия Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (далее- Закон о службе казачества), после введения в действие которого было принято и обнародовано множество нормативных правовых актов, относящихся к этой важной области регулирования казачьей службы. На наш взгляд, накопленный опыт регламентации и реализации на практике служебно-правовых отношений в деятельности реестровых казачьих сообществ позволяет поставить в повестку сегодняшнего периода насущную задачу должной кодификации вышеназванного закона и подзаконных нормативных актов, имеющих отношение к публичной службе казачества в Российской Федерации. В указанном контексте мы опираемся на такие характеристики ключевого вида систематизации законодательства, которые были точно сформулированы Р. З. Лифшицем, а именно: «Кодификация означает содержательную систематизацию. При кодификации акты подвергаются существенным изменениям, они сводятся в единый блок, в котором устраняются противоречия и несогласованность. При необходимости восполняются пробелы в регулировании, устаревшие акты заменяются новыми... Кодификация всегда представляет собой существенный шаг вперед в развитии законодательства» [1, с. 121].

Основное исследование

Будучи убеждены в том, что в основу предстоящей кодификации следует положить Закон о службе казачества, обоснуем необходимые аргументы в пользу архитектуры такой систематизации нормативно-правовой базы публичной службы российского казачества. Прежде всего обратим внимание на то, что в тексте самого Закона о казачестве закреплена наряду с институтом государственной службы российского казачества также возможность привлечения реестрового казачества к муниципальной службе и к выполнению иной служебной деятельности по договорам (соглашениям) с государственными и муниципальными органами публичной власти.

Учитывая обозначенные факторы, уместно ставить вопрос о необходимости разработки и принятия Кодекса публичной службы российского казачества. Данное предложение также вполне обусловлено легализацией в 2020 г. поправками в Конституции Российской Федерации новых дефиниций в сфере государственного строительства и управления. Так, в соответствии с новой редакцией пункта «г» статьи 71 Конституции в ведении Российской Федерации находятся: организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти. Значительно дополнено содержание пункта «т» той же статьи, относящееся к федеральной государственной службе.

Далее, согласно части 2 статьи 80 Конституции Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, в соответствии со статьей 83 Конституции он же формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Кроме того, в части 3 статьи 132 Основного закона закреплена норма о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач и интересов населения, проживающего на соответствующей территории.

Конституционная легитимация единой системы публичной власти закономерно предполагает и легализацию публичной службы в качестве способа функционирования органов, входящих в систему публичной власти. Как известно, Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» в соответствии с Конституцией Российской Федерации и в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определяются основы функционирования и понятие единой системы публичной власти, как-то: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» (часть 1 статьи 2).

Исходя из этих законоположений, службу в органах публичной власти юридически вполне корректно называть публичной службой, включающей в себя государственную службу всех видов и муниципальную службу, в отличие от трудовой (служебной) деятельности в частных (а также общественных) предприятиях, учреждениях и организациях, обладающих статусом юридических лиц. Заметим в этой связи, что предложения об использовании дефиниции «публичная служба» в юридической литературе встречаются и до, и после внесения вышеупомянутых поправок в Основной закон. Однако, не всегда они были достаточно аргументированы и логически выдержаны. Так, например, предлагая определение публичной службы в правовом смысле как совокупности юридических норм, регулирующих статус государственного и муниципального служащего, и определяющих их деятельность, порядок поступления, продвижения по службе и ее прекращения, В. А. Коновалов некорректно утверждает, что «публичная служба является только частью государственного аппарата, одним из способов реализации функций государства и управления обществом» [2, с. 87-88]. Тем самым данный

автор существенно сузил пространство функционирования публичной службы, ограничив диапазон ее действия только органами государственной власти и исключив из нее институт муниципальной службы.

Более точным и обоснованным является вывод Д.А. Черногорова, который пишет: «Государственную и муниципальную службу, а также деятельность лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, объединяет единая конституционно-правовая природа – реализация публичной власти, что позволяет рассматривать указанные виды деятельности в рамках единого понятия – «публичная служба» [3, с. 750]. Он же отмечает, что официальное нормативное закрепление этого понятия позволило бы обеспечить «единое направление развития ее составляющих (государственной и муниципальной службы)», предлагая принять федеральный закон об основах публичной службы в Российской Федерации [3, с. 751–752].

По нашему мнению, кодификация норм законодательства о публичной службе в единой системе органов публичной власти (включая публичную службу казачества) вполне позволит сформировать прочный фундамент для правового признания публичной службы в качестве подотрасли публичного права как такового. В этом контексте мы не можем согласиться с недостаточно систематизированным и аргументированным, на наш взгляд, предложением такого известного автора, как А. А. Гришкoveц, считающего государственную службу одним из базовых институтов административного права, входящим якобы в так называемое «управленческое право» [4, с. 67–68].

Уместно здесь заметить, что в соответствии с утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 августа 2020 г. № 505 Стратегией государственной политики в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. одними из основных направлений реализации задач по совершенствованию механизма привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы, а также по совершенствованию механизма взаимодействия между казачьими обществами и иными казачьими объединениями утверждены: совершенствование правовых основ привлечения российского казачества к несению государственной или иной службы, в том числе разработка правовых механизмов привлечения российского казачества к участию в территориальной обороне (пункт «а» положения 13 Стратегии); обеспечение разработки и принятия федерального закона, регулирующего правовое положение казачьих обществ и иных объединений казаков, а также иные вопросы, касающиеся российского казачества (пункт «а» положения 14 Стратегии).

На основании Федерального закона «О государственной службе российского казачества» российское казачество привлекается к несению государственной и муниципальной службы в соответствии с законодательством Российской Федерации при условии, что казачье общество, члены которого в установленном порядке приняли на себя обязательства по несению государственной или иной службы, внесено в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (статья 5, часть 5.1). Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 октября 2009 г. № 806 утверждено Положение о порядке привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службе и порядке заключения федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами договоров (соглашений) с казачьими обществами, согласно которому члены казачьих обществ могут привлекаться к несению службы в таких формах, как прохождение: государственной гражданской службы, военной службы; федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью; муниципальной службы, а также в форме оказания содействия органам публичной власти в осуществлении установленных для них задач и функций. Содержащиеся в этом акте нормы, по нашему мнению, следует включить в текст нового кодекса. В будущий «Кодекс публичной службы российского казачества» могли бы войти и систематизированные положения из постановления Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 93-П «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ». При этом полезно было бы учесть практику реализации указанного постановления и учесть специфику различных организационно-правовых форм казачьего самоуправления (см., например, [5]).

Считаем нужным здесь выразить несогласие с позицией А.А. Озерова, который, отталкиваясь от неких умозрительно-абстрактных предположений (так называемого «неоинституционализма») в своей докторской диссертации в положении 3, вынесенном на защиту, ничтоже сумняшеся рассуждал

о якобы «экономической невыгодности военной службы для казачества... как актора современных социальных и политических процессов» [6]. В этой связи следует указать на то, что реестровым казачьим обществам на основании подпункта 17 пункта 2 статьи 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации предоставляются в аренду без торгов земельные участки для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Так, например, только реестровым казачьим обществам Кубанского казачьего войска в аренду без торгов было предоставлено уже более 25 тысяч гектар земли.

Мы солидарны с однозначным выводом К.В. Воденко о том, что идеология современного российского казачества интегрирует его традиционные ценности и установку на служение государству и обеспечение его национальной безопасности [7, с. 81]. Это, в частности, подтверждается и многочисленными нормативно-правовыми актами, относящимися к публичной службе казачества во времена Российской империи [8, с. 797–865].

Заключение

Как известно, в состав Всероссийского казачьего общества в настоящий период входят 12 казачьих войск и войсковых казачьих обществ вкпе с двумя окружными казачьими обществами. В ближайшее время ожидается вхождение в него и реестрового Запорожского казачьего войска, объединяющего казаков Запорожской и Херсонской областей. Важную роль в оптимизации и развитии организационных вопросов, а также инициировании разработки Кодекса казачьей службы могла бы сыграть постоянная комиссия по совершенствованию государственной и иной службы российского казачества Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, имеющая право участвовать в подготовке проектов нормативных правовых актов по вопросам развития государственной политики в отношении российского казачества.

В соответствии с утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 4 ноября 2019 г. № 543 Уставом Всероссийского казачьего общества к его важнейшим полномочиям отнесены обеспечение культурного, духовного и нравственного воспитания членов казачьих обществ, сохранение и развитие казачьих традиций и обычаев, организация мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодежи, проведение культурно-массовой и спортивной работы (подпункт 12 пункта 19 раздела III Устава). В этом смысле, разделяя тезис В.Д. Граждана о том, что государственная служба есть не только публично-правовой, но и публично-нравственный институт [9, с. 13], уверены в применимости названных характеристик и к институту публичной службы российского казачества. Собственно говоря, на поступающих на должности государственной и муниципальной службы казаков в полной мере распространяются рекомендации Модельного кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21). Очевидно, и этот документ мог бы называться по-новому, например, «Кодекс этики и служебного поведения граждан, состоящих на публичной службе в органах публичной власти».

Право, мораль и нравственность в их взаимодействии призваны быть важнейшими регуляторами отношений в сфере публичной службы российского казачества, обеспечивая законность и правопорядок в деятельности органов публичной власти всех уровней.

Список источников

1. Лившиц Р. З. Теория права, 2-е изд. М.: Издательство БЕК, 2001, 224 с.
2. Коновалов В. А. Публичная служба в Российской Федерации: к вопросу определения содержания и роли в системе государственного аппарата // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. Том 14. №1. С. 85–88.
3. Черногоров Д. А. Публичная служба и должностное лицо // Административное и муниципальное право. 2014. № 8 (80). С. 749–755. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12398
4. Гришковец А. А. Так называемое служебное право: новейшая дискуссия // Государство и право. 2024. № 5. С. 59–70.

5. Ворошилов А. Н. Современные организационно-правовые формы казачьего самоуправления на Дону. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. 29 с.
6. Озеров А. А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ. Диссертация докт. полит. наук. 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 260 с.
7. Воденко К. В. Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние // Вестник Института социологии ЮРГПУ. 2023. № 3. Том 14. С. 74–87.
8. Памятники права кубанского казачества. Том 15. Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИУ РАНХ и ГС, 2014. 904 с.
9. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба: уч. пос. М.: Изд-во «ЮРКНИГА», 2005. 476 с.

References

1. Livshits R. Z. *Theory of Law*. 2nd ed. Moscow: Bek Publishing House; 2001. 224 p. (In Russ.)
2. Konovalov V. A. Public service in the Russian Federation: on the issue of determining the content and role in the system of the state apparatus. *Bulletin of South Ural State University. The series "Law"*. 2014;14(1):85–88. (In Russ.)
3. Chernogorov D. A. Public service and officials. *Administrative and municipal law*. 2014;8(80):749–755. (In Russ.). DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12398
4. Grishkovets A. A. The so-called service law: a recent discussion. *State and law*. 2024;(5):59–70. (In Russ.).
5. Voroshilov A. N. *Modern organizational and legal forms of Cossack self-government on the Don*. The author's abstract. Dissertation of the candidate of legal sciences. 12.00.02. Rostov-on-Don; 2007. 29 p. (In Russ.).
6. Ozerov A. A. Cossacks in modern Russian society: institutional and political analysis. Doctor of Polit. sciences. 23.00.02. Rostov-on-Don, 2006. 260 p. (In Russ.).
7. Vodenko K. V. The revival and institutionalization of the Cossacks in the south of Russia: stages, features and current state. *Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI). Series Sociology*. 2023;3(14):74–87. (In Russ.).
8. *Monuments of the law of the Kuban Cossacks*. Volume 15. Rostov-on-Don: Editorial and Publishing Center of the South Russian Institute of Management - branch of RANEPa; 2014. 904 p. (In Russ.).
9. Grajdan V. D. *State Civil Service*. Textbook. Moscow: Publishing house "YURKNIGA"; 2005. 476 p.

Информация об авторах

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.
А. Н. Ворошилов – кандидат юридических наук.
И. А. Сизько – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.
A. N. Voroshilov – Cand. Sci. (Law).
I. A. Sizko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Эффективность конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации

Эльвира Владимировна Малиненко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
malinenko-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-4010>

Аннотация. Установление эффективности конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации возможно только при комплексном подходе с учетом теоретических знаний и выводов, полученных в ходе исследований, проводимых в различных науках в различные исторические периоды. Проблема эффективности затрагивает все отрасли права. Эффективность норм права зависит от ряда условий. Важными показателями являются преобразования, происходящие в государстве в различных сферах. С целью повышения эффективности правового регулирования исследуемых актов выявлены особенности норм, изложенных в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Эффективность норм права остается в фокусе внимания ученых не только в различных отраслях права, но и других науках. Такой подход демонстрирует результативность, так как его применение в науке, позволяет наиболее обоснованно выделить конституционно-правовые аспекты эффективности, а в практике предоставить возможность разработать меры, направленные на повышение эффективности конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации.

Выявлена недостаточность эффективности оптимальной модели конституций и уставов, являющихся неотъемлемым постулатом правового государства. Внесены предложения, направленные на повышение эффективности конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации. Предложенный возможный вариант классификации позволил бы оперативнее осуществить эффективное развитие территорий субъектов Российской Федерации в практическом плане, а в конституционно-правовой науке предоставить возможность внедрить инструменты эффективности.

Ключевые слова: эффективность, государство, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, конституционное и уставное регулирование, конституция республики, устав

Для цитирования: Малиненко Э. В. Эффективность конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 77–83. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-77-83>. EDN YUYQJH

The effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation

Elvira V. Malinenko

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
malinenko-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-4010>

Abstract. The establishment of the effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation is possible only with an integrated approach, taking into account theoretical knowledge and conclusions obtained during research conducted in various sciences in different historical periods. The problem of efficiency affects all branches of law. The effectiveness of the rules of law depends on a number of conditions. Important indicators are the transformations taking place in the state in various spheres. In order to increase the effectiveness of legal regulation of the studied acts, the features of the norms set out in the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation are revealed. The effectiveness of legal norms remains in the focus of attention of scientists not only in various branches of law, but also in other sciences. This approach demonstrates effectiveness, since its application in science makes it possible to highlight the constitutional and legal aspects of effectiveness most reasonably, and in practice provide an opportunity to develop measures aimed at improving the effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation. The insufficiency of the effectiveness of the optimal model of constitutions and charters, which are an integral postulate of the rule of law, has been revealed. Proposals have been made aimed at improving the effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation. The proposed possible classification option would make it possible to more effectively implement the effective development of the territories of the subjects of the Russian Federation in practical terms, and in constitutional and legal science it would be possible to introduce efficiency tools.

Keywords: efficiency, state, Russian Federation, subject of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, constitutional and statutory regulation, constitution of the republic, charter

For citation: Malinenko E. V. The effectiveness of constitutional and statutory legal regulation carried out by the subjects of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):77–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-77-83>. EDN YUYQJH

Введение

В различные периоды времени человечество стремилось к совершенству. Искусство управления государством, людьми порождало результаты. Принимаемые законы, характерные для того или иного исторического периода, порой не находили своего отражения в обществе. Они исполнялись недостаточно либо это было сделать затруднительно, а порой и совсем невозможно. Так возникла необходимость не просто принятия актов, а обращения к результатам. Власть и население стали понимать важность и значимость законов и ориентироваться на предполагаемый эффект. Понятие «эффективность» в правовом и научном дискурсе стало особенно популярным в XXI веке. Оно происходит от латинского «способность», что означает выполнение задачи в удовлетворительной или ожидаемой степени. В научной литературе имеются различные точки зрения по исследуемой проблематике. Это связано прежде всего с тем, что в науке конституционного права и смежных науках использование понятия «эффективность» представляется достаточно неоднозначным. В современный период понятие «эффективность» стремительно меняется. Характеризуя происходящие перемены в государстве и обществе, можно отметить отсутствие единого подхода к анализу понятия «эффективность» в российской правовой науке.

Основная часть

Реализация государственной национальной политики ориентируема на главные ценности государства – человека, население и народ в целом. Социальная ценность прослеживается и в высказывании Д. Н. Мешкова. Он видит проблему эффективности воздействия права на отношения личности и государства [1, с. 4]. С большой вероятностью отметим, что не только воздействие права, но и широкий спектр социологии, политологии, экономики углубляют эффективность. Е. П. Рысина отмечает эффективность в контексте современного видения на основе управленческого процесса [2, с. 93]. С автором можно только частично согласиться поскольку реализуемая государственная политика находит свое отражение в формах правоприменения. Одной из таких форм является диалог населения и власти. Рассматривать только сугубо управленческий процесс как элемент государственного и муниципального управления не представляется правильным.

В субъектах Российской Федерации реализуются различные формы участия населения. К таким формам отнесем территориальное общественное самоуправление, выборы, общественные объединения, политические партии. Участие населения в управлении делами государства и общества более значимый фактор, нежели управленческий процесс.

В экологическом праве В. Л. Мищенко рассматривает эффективность гражданско-правовой ответственности [3, с. 206]. Ею выдвигается задача эффективности наряду с достижением социальных целей восстановления нарушенного экологического баланса и предотвращения правонарушений [3, с. 6]. Аналогичные нормы содержатся в уставах Запорожской, Ростовской, Сахалинской, Смоленской, Ульяновской областей, конституциях Республик Башкортостан, Ингушетия, Донецкой Народной Республики. Эффективность экологической политики и как результат меры ответственности за правовые последствия – основополагающее направление развития субъекта Российской Федерации.

В административном праве О. С. Рогачева рассматривает эффективность норм административно-деликтного права в целевом, социальном, экономическом и психологическом аспектах. Она определяет целевой аспект эффективности... как соотношение между целями нормы и наступившими результатами [4, с. 17]. Частично можно согласиться с мнением ученого, но было бы более актуальным рассматривать эффективность конституций и уставов в расширенном формате, обращаясь не только к целевому аспекту, но и к населению как субъекту, оценивающему не только по показателям, но и практическим аспектам.

Таким образом, общественная трансформация порождает множество различных факторов, влияющих на конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации. Происходящие конституционные преобразования предопределяют новый этап развития регионов, создание федеральных территорий. Очевидны шаг в будущее, экономический прогресс, социальные успехи, касающиеся не только отдельных групп, но и населения в целом.

Внесенные поправки в Конституцию Российской Федерации в июле 2020 г. предопределили новые условия для преобразования конституций и уставов субъектов Федерации. Большое внимание уделено социальным основам, нравственно-патриотическому воспитанию населения, противодействию коррупции, молодежной политике, усилению публичной власти. Успешное решение поставленных задач и целей способствует достижению эффективности. Проблема конституционного и уставного правового регулирования неразрывно связана с различными научными сферами.

Применительно к эффективности конституционного и уставного правового регулирования исследуемых актов следует выделить не только юридическую, социальную, экономические сферы, но и сферу государственного управления. В научной литературе имеются и другие точки зрения. Так, например, А. О. Аракелян справедливо отмечает ценностную и потребностную составляющую эффективности. По его мнению, «повышение эффективности в общем случае также не вызывает неизбежного повышения надежности. Первое может произойти от второго, за счет увеличения» [5, с. 83].

Распространение в государственном управлении идеи эффективности позволило Т. В. Коваль выявить несовершенство в части отсутствия показателей и алгоритма эффективности деятельности органов исполнительной власти региона [6]. Однако вывод об эффективности деятельности только органов исполнительной власти субъекта РФ представляется недостаточным.

Эффективность конституционных законов зависит не только от теоретического осмысления взглядов ученых, но и выявления новых направлений в практике, связанной с деятельностью органов публичной власти в субъектах. К таким направлениям относят реализацию норм конституций и уставов субъектов в муниципальных правовых актах. Согласно проведенным исследованиям, население территорий муниципальных образований не всегда знакомо с нормами конституций и уставов

субъектов Российской Федерации. Тем не менее, эффективность исследуемых актов они наблюдают в практическом измерении в муниципальных правовых актах. Например, в уставах Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской области законодательно закреплены нормы, регулирующие институт казачества. Нормы устава Ростовской области отражены в концепции реализации государственной политики и региональной программе «Поддержка казачьих обществ Ростовской области». На территории Ростовской области активно действует некоммерческая организация Войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское». Традиционно проживающим населением являются казаки. При Правительстве Ростовской области создан Совет по делам казачества, в который вошли атаманы округов. В основе деятельности Совета – идея непрерывного казачьего образования на Дону. В муниципальных образованиях созданы городские казачьи общества, например, в Ростове-на-Дону ГКО «Ростовское» Окружного казачьего общества Ростовского округа Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское».

Вышеизложенное позволяет не только определить эффективность правового регулирования конституций и уставов субъектов Российской Федерации, но и отметить повышение уровня патриотического воспитания молодежи, соблюдения традиций, культуры казачьего населения.

Согласно результатам научных наблюдений можно отметить, что идеи эффективности конституционных законов имели предпосылки в различные периоды времени. В социалистический период критике эффективности не подвергались Конституция СССР, республиканские конституции. Это было вызвано застоем в демократии, отсутствием идеологического многообразия, неустойчивостью законодательства и иными факторами, позволяющими отмечать несовершенство критериев эффективности в социалистический период. Проблема эффективности актов практически не звучала, а если и рассматривалась, то только в положительной динамике. Тем не менее, надо отметить отсутствие регионального законодательного массива и, как следствие, порой недостаточную эффективность имеющихся республиканских конституций.

Обобщая теоретический анализ, полученный в ходе выполнения исследования, отметим следующее. К критериям эффективности отнесем политические, социальные и нравственные механизмы правового регулирования, сложившиеся в обществе.

Эффективность норм права зависит не только от установленных критериев, сопутствующих условий и факторов ее осуществления. С 1993 г. субъекты Федерации получили право принимать конституции и уставы субъектов. В течение тридцати лет действия национальной конституции происходили различные изменения. Отражение действительности нашло свое закрепление в поправках, внесенных в исследуемые акты. Однако анализ достижения целей и выполнения поставленных задач, в исследуемых актах не рассматривался, и потому эффективность не определена.

Исследуемые акты находятся в фокусе внимания не только государствоведов, но и управленцев, экономистов, политологов, социологов. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации – неотъемлемые структурно-функциональные элементы ее правовой системы. В государственной практике, по сути, они стали, на одной ступени с государственной Конституцией. Анализируя степень значимости исследуемых актов, автор неоднократно в своих работах рассматривала использование их в различных сферах научного познания как акты патриотизма и нравственности, цифровизации, в условиях информационного пространства, национальной безопасности, улучшения качества жизни и демографической ситуации, условиях пандемии, институционализации гражданского общества [7, с. 86–87], противодействия коррупции, развития правового идеала.

Принятие конституций и уставов органами государственной власти субъектов послужило началом нового этапа конституционного строительства. Их возникновение соответствовало первостепенным задачам государства и общества. В свете обновленных поправок национальной Конституции они предстают приоритетными актами. Однако эффективность конституционного и правового регулирования исследуемых актов в нынешнем формате не всегда удовлетворяет потребностям населения. Проблема соответствия исследуемых актов Федеральной конституции не является единственной. Проблема – значительно обширнее. Правовая природа, юридическая значимость и правоприменение указанных актов предполагают повышение качества жизнедеятельности населения. Несмотря на то, что в Российской Федерации выполняется социальный заказ на борьбу с бедностью, социальные проблемы в ее субъектах не решены в полной мере.

Многие права граждан, указанные в федеральной Конституции, закреплены в исследуемых актах, но не реализованы, в полном объеме. В современный период, клиентоориентированность, по-разному интерпретируется в субъектах и, это, особенно стало очевидно в условиях пандемии.

Например, дополнительные гарантии в части реализации социальных прав гражданина на медицинское обслуживание в различной степени реализуются в субъектах Федерации. В отдельных субъектах наблюдаются недостаток узких квалифицированных специалистов, отсутствие медицинского оборудования, территориальная удаленность населения от медицинских учреждений. Такие проблемы являются на отдельных территориях основополагающими.

Заключение

По результатам исследования предлагаются следующие выводы.

Во-первых, эффективность можно классифицировать следующим образом:

а) экономическая. В экономике наблюдается оценка социально-экономической деятельности организаций здравоохранения в современных условиях реформирования отрасли. По мнению А. Б. Кочкарова, экономическая эффективность связывает объемы медицинских услуг с затратами [8]. Указанные факторы влияют на эффективность правового регулирования конституций и уставов субъектов РФ. К таким актам можно отнести уставы городов Москвы, Санкт-Петербурга, конституции Республики Адыгея, Чеченской Республики;

б) социальная. Заслуживают внимания конституции Донецкой, Луганской народных республик, уставы Белгородской, Орловской, Курской областей;

в) экологическая. Отметим эффективность правового регулирования конституций Чувашской, Чеченской Республик Алтай, уставов Белгородской, Калужской, Курской, Тамбовской областей, Ненецкого, Чукотского автономного округа;

г) клиентоориентированная. Отнесем конституции Республик Бурятия, уставы Ивановской, Свердловской, Ульяновской областей.

Во-вторых, эффективность можно рассматривать в зависимости от количества в совокупности нормативных правовых актов и снижения (повышения) уровня обращений субъектов, принятых по данному направлению. Согласно информационно-статистическим данным в Администрацию Президента Российской Федерации в ноябре 2023 г. поступило 70074 обращений, наибольшее количество – 80,509 % обращений поступило в форме электронного документа, в том числе из иностранных государств. 99,022 % обращений поступило в форме электронного документа, а количество обращений, поступивших в письменной форме и в устной форме, составило соответственно 15,632 % и 3,859%¹. Таким образом, в рамках анализа обращений можно отметить жителей территорий, в которых решают все вопросы местного значения на местах и которые имеют наименьший процент обращений. Эффективность правового регулирования целиком зависит от процента обращений граждан в публичные органы и уполномоченным должностным лицам.

В-третьих, эффективность в зависимости от достижения целей и поставленных задач. Полагая, что можно отметить в целом эффективность правового регулирования конституций и уставов 89 субъектов Российской Федерации по отдельным направлениям. Однако правовая расплывчатость, иными словами несформулированность целей и задач, предполагает сложность определения эффективности правового регулирования исследуемых актов. Учитывая полномочия и ответственность, возложенные на высшее должностное лицо субъекта, применим коэффициент показателей вверенного региона.

В-четвертых, эффективность в зависимости от оценки деятельности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В основе правовое регулирование статуса высшего должностного лица, избрание как фактор российской государственной цивилизации на региональном уровне, коэффициент выполнения компетенции. О. А. Ибрагимов отмечает необходимость наделения высших должностных лиц новыми субординационными и координационными полномочиями [9]. Однако отсутствуют стандарты, характерные для данных должностных лиц. Такие правовые нормы следует предусмотреть в исследуемых актах. Безусловно, это станет решающим фактором определения эффективности правового регулирования исследуемых актов.

В субъектах Российской Федерации приняты законы, закрепляющие статус высшего должностного лица субъекта, недопустимость превышения полномочий и определяющие виды юридической ответственности. Таким образом, эффективность высшего должностного лица в качестве руководителя высшего исполнительного органа соотносится с деятельностью указанного органа. В целях решения данного вопроса в Российской академии народного хозяйства и государственной

¹ <http://www.letters.kremlin.ru/digests/periodic/300>

службы при Президенте РФ созданы «Школа губернаторов», «Школа мэров». Итогом является усиление кадрового потенциала страны и эффективность их деятельности. Результатом работы школ стало обучение указанных лиц. Полученные теоретические знания, практические навыки с учетом освоенных компетенций и как результат впоследствии профессиональный подход к делу заложен в основе эффективного государственного и муниципального управления. Перед государственными и муниципальными служащими поставлена задача высокоэффективного развития территорий для улучшения качества жизни населения. В связи с этим в отдельных регионах возникла необходимость использования массива инновационных технологий путем внедрения в промышленность и сельское хозяйство.

Иной подход наблюдаем в оценке эффективности высшего законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации. Порядок формирования путем избрания избирателями предопределяет и нормативы оценки населения на основании уровня жизнеобеспеченности. Как следствие, зависимость эффективности от уровня жизни населения субъекта Российской Федерации. Согласно статистическим данным, в рейтинговый балл входят социальные и экономические показатели, отождествляющие качество жизни населения.

В-пятых, эффективность как элемент практикоориентирования. Различные проекты, стратегические сессии, медиаплатформы нацелены на выработку мер, научных идей и практических результатов, направленных на развитие регионов. Итогом является достижение необходимых результатов, решение необходимых целей и задач.

Эффективность конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами РФ, зависит от ряда условий. Важными показателями являются преобразования, происходящие в государстве в различных сферах. Эффективность конституционного и уставного правового регулирования, осуществляемого субъектами РФ, остается в фокусе внимания ученых не только в различных отраслях права, но и других науках. Такой подход демонстрирует результативность, так как его применение в науке позволяет наиболее обоснованно выделить конституционно-правовые аспекты эффективности, а на практике – предоставить возможность разработать меры, направленные на повышение эффективности правового регулирования конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Предлагаемое исследование позволяет сделать вывод о целесообразности определения эффективности конституционного и уставного правового регулирования как компонента цивилизационного развития субъектов Российской Федерации.

В предыдущих исследованиях конституций и уставов субъектов ученые не обращались к анализу эффективности, как следствие, не решены в полной мере проблемы успешного регионального развития. Таких проблем много. По своей сути они различны и свойственны отдельно взятому субъекту Федерации. Выявляя особенности, следует помнить, что не нужно ограничиваться исключительно только одним основополагающим фактором эффективности, а именно: социальным, экономическим, политическим, экологическим либо оценкой деятельности органов публичной власти. Необходимо создание и обеспечение комплексного подхода с учетом интересов государства и населения. Данный комплексный подход сможет обеспечить необходимый результат конституционного и уставного правового регулирования, а предложенная классификация будет способствовать улучшению территориального развития субъектов и позволит выявить практические нерешенные проблемы, снижающие уровень эффективности исследуемых актов. Особое место должно быть уделено интересам населения.

Список источников

1. Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Владимир. юрид. ин-т Федер. исполнения службы наказаний. Владимир, 2007. 167 с.
2. Рысина Е. П. Эффективность российской правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2013. 194 с.
3. Мищенко В. Л. Эффективность гражданско-правовой ответственности в области охраны природы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. М., 1984. 204 с.
4. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2012. 50 с.

5. Аракелян А. О. Развитие сферы жилищно-коммунальных услуг на основе повышения эффективности реализации муниципальной собственности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Кисловод. ин-т экономики и права. Кисловодск, 2010. 178 с.
6. Коваль Т. В. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Иркутск, 2010. 259 с.
7. Малиненко Э. В. Институционализация гражданского общества в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации / В сб.: Институционализация трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее. Сб. докладов международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХ и ГС, 2021. С. 86–87.
8. Кочкаров А. Б. Оценка социально-экономической эффективности деятельности организаций здравоохранения в современных условиях реформирования отрасли: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Кисловод. ин-т экономики и права. Кисловодск, 2010. 165 с.
9. Ибрагимов О. А. Конституционно-правовые проблемы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 41–45.

References

1. Meshkov D. N. *The effectiveness of the impact of law on the relationship between the individual and the state*: dissertation...Candidate of Law Sciences. Vladimir; 2007. 167 p. (In Russ.).
2. Rysina E. P. *Efficiency of the Russian legal system*: dissertation ... Candidate of Law Sciences. Saratov, 2013. 194 p. (In Russ.).
3. Mishchenko V. L. *Effectiveness of civil liability in the field of nature protection*: dissertation ... Candidate of Law. Moscow, 1984. 204 p. (In Russ.).
4. Rogacheva O. S. *The effectiveness of the norms of administrative and tort law*: abstract dissertation ... Doctor of Law. Voronezh; 2012. 50 p. (In Russ.).
5. Arakelyan A. O. *Development of the sphere of housing and communal services on the basis of increasing the efficiency of the implementation of municipal property*: dissertation ... Candidate of Economic Sciences. Kislovodsk; 2010. 178 p. (In Russ.).
6. Koval T. V. *Evaluation of the effectiveness of the executive authorities of the region*: dissertation ... Candidate of Economic Sciences. Irkutsk; 2010. 259 p. (In Russ.).
7. Malinenko E. V. Institutionalization of civil society in constitutions and charters of subjects of the Russian Federation. In: *Institutionalization of the transformation of the socio-political system of Russia: past, present, future. Collection of reports of the international scientific and practical conference*. Rostov-on-Don; 2021: 86–87. (In Russ.).
8. Kochkarov A. B. *Assessment of the socio-economic efficiency of healthcare organizations in modern conditions of industry reform*: dissertation ... Candidate of Economic Sciences. Kislovodsk; 2010. 165 p. (In Russ.).
9. Ibragimov O. A. Constitutional and legal problems of the organization of executive power of the subjects of the Russian Federation in the unified system of public power. *Constitutional and municipal law*. 2022;(12):41–45. (In Russ.).

Информация об авторе

Э. В. Малиненко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

E. V. Malinenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 25.11.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 25.11.2024.

Об обязательствах государств по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний

Муаед Лялюевич Хабачиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия, muaed@rambler.ru

Аннотация. Современная архитектура международной безопасности сталкивается с насущной проблемой регулирования вооруженных конфликтов, в которых набирают вес негосударственные субъекты, такие как частные военные и охранные компании (далее – ЧВОК).

Роль ЧВОК в современных конфликтах порождает серьезные правовые дискурсы, подрывая традиционные нормативные рамки. Операции этих компаний часто выпадают из сферы действия международного права, национальных законодательств государств, в которых они действуют, и стран их происхождения. Это создает пробел в регулировании, позволяя ЧВОК действовать вне правовых ограничений. Такое положение вещей ставит под сомнение эффективность существующих механизмов обеспечения безопасности и защиты гражданских лиц в зонах конфликтов.

Для разработки эффективной национальной законодательной базы в этой области целесообразно изучить международные правовые нормы и зарубежный опыт. Это позволит определить рациональные подходы к регулированию деятельности ЧВОК, в том числе в российском правовом поле. Следует отметить, что необходимость регулирования ЧВОК является не только национальной проблемой, но и актуальным вопросом международного права. В статье анализируется международная нормативная база, касающаяся регулирования деятельности ЧВОК, и предлагаются наиболее перспективные подходы к их регулированию. В рамках проводимого исследования рассматриваются конкретные примеры нормативного регулирования деятельности ЧВОК на национальном уровне в различных странах мира. Анализ этих примеров позволит выявить эффективные механизмы регулирования и положительные практики, которые могут быть адаптированы для разработки российского законодательства в этой области.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании, правовые аспекты регулирования, вооруженные конфликты, международная нормативная база, правовые нормы, национальные законодательства

Для цитирования: Хабачиров М. Л. Об обязательствах государств по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 84–93. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-84-93>. EDN YJJOTD

Original article

On the obligations of states under national regulation of private military and security companies

Muaed L. Khabachirov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia, muaed@rambler.ru

Abstract. The modern architecture of international security is faced with the urgent problem of regulating armed conflicts, in which non-State actors such as private military and security companies (PMSCs) are gaining weight.

The role of PMSCs in modern conflicts generates serious legal discourses, undermining traditional normative frameworks. The operations of these companies often fall outside the scope of international law, the national legislations of the States in which they operate, and their countries of origin. This creates a regulatory gap, allowing PMSCs to operate outside legal restrictions. This state of affairs calls into question the effectiveness of existing mechanisms to ensure the safety and protection of civilians in conflict zones.

In order to develop an effective national legislative framework in this area, it is advisable to study international legal norms and foreign experience. This will make it possible to identify rational approaches to the regulation of PMSCs, including in the Russian legal field. It should be noted that the need to regulate PMSCs is not only a national problem, but also a topical issue of international law. This article analyses the international regulatory framework related to the regulation of PMSCs and suggests the most promising approaches to their regulation.

This article analyzes the international regulatory framework related to the regulation of PMSC activities and suggests the most promising approaches to their regulation. The study examines specific examples of the normative regulation of PMSC activities at the national level in various countries of the world. The analysis of these examples will reveal effective regulatory mechanisms and positive practices that can be adapted for the development of Russian legislation in this area.

Keywords: private military and security companies, legal aspects of regulation, armed conflicts, international regulatory framework, legal norms, national legislation

For citation: Khabachirov M. L. On the obligations of states under national regulation of private military and security companies. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):84–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-84-93>. EDN YJJOTD

Актуальность исследования

В стремительно меняющемся мире, отмеченном нескончаемыми международными конфликтами, возникла острая потребность в альтернативных механизмах реагирования на эти вызовы. В ответ на этот запрос набирают популярность частные военные и охранные компании (далее – ЧВОК). Их услуги востребованы государствами, транснациональными корпорациями и международными организациями¹. В отличие от традиционных наемников, сотрудники ЧВОК представляют собой структурированные организации, которые легально заключают контракты со сторонами-заказчиками. Эта интеграция в глобальную архитектуру безопасности позволила ЧВОК играть роль автономных политических акторов. Однако отсутствие обязательных руководящих принципов,

¹ Так, если в 2008 году ООН оценивала общую стоимость контрактов ЧВОК до 100 млрд. долл. США в год, то в 2021 году этот показатель составил 241,7 млрд. долларов США в год и продолжает расти.

См.: Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействию осуществлению права народов на самоопределение. A/HRC/7/7. С.13. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FHRC%2F7%2F7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения 28.08.2023); Private Military Security Services Market Size worth USD 366.8 Billion by 2028. With stunning 7.2% CAGR, Says Vantage Market Research // GlobeNewswire. URL: <https://www.globenewswire.com/en/news-release/2022/06/22/2466892/0/en/Private-Military-Security-Services-MarketSize-worth-USD-366-8-Billion-by-2028-With-stunning-7-2-CAGR-Says-Vantage-Market-Research.html> (дата обращения 17.01.2024).

регулирующих их деятельность, чревато серьезными последствиями. Вакуум правового регулирования создает лазейки для безответственного поведения и нарушений прав человека, что подрывает международный правопорядок и безопасность.

Регулирование деятельности ЧВОК представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую в себя международные и национальные правовые инструменты, обязательные и рекомендательные нормы.

Многоаспектность феномена ЧВОК обуславливает сложность их правового регулирования. Эти компании рассматриваются как новая форма наемничества, аутсорсинг государственных силовых функций, инструмент крупного бизнеса¹, средство внешнеполитической борьбы², как элемент гибридных войн³. В результате возникает неопределенность в отношении того, какие правовые нормы применяются в конкретных ситуациях. Кроме того, государства, делегируя ЧВОК полномочия на применение силы, обязаны осуществлять над ними особый контроль (гражданский или парламентский). Однако, во многих случаях такие нормы отсутствуют, что приводит к бесконтрольной деятельности ЧВОК в зонах конфликтов.

Многие исследователи, в том числе и автор данной статьи, полагают, что решение этой проблемы заключается в разработке международного правового акта, легализующего статус ЧВОК. В исследовании «Частные военные и охранные компании (ЧВОК): поиск международно-правовых и национальных регуляторов» проанализированы действующие международные правовые нормы, регулирующие деятельность ЧВОК, и обобщены результаты дискуссий на площадках международных межгосударственных и неправительственных организаций.

Настоящая статья является очередным этапом исследований автора в области проблем международной безопасности, формирующегося международного чрезвычайного права (IEL)⁴ и является продолжением существующего научно-практического дискурса по проблематике осмысления правовых проблем, связанных с поиском эффективных регуляторов в сфере деятельности ЧВОК⁵.

Безусловно, большое значение имеют не только анализ доктринальных работ отечественных правоведов, но и зарубежных, а также и специалистов из смежных областей – военных, политологов и иных специалистов, занимающихся указанной проблематикой⁶.

Целью исследования является поиск опорных тезисов и разработка доктринальных положений и рекомендаций по возможной концептуальной модели национального регулирования деятельности ЧВОК. Помимо указанной цели, вводится в научный оборот информация о процессе научно-практических исследований национального законодательства ряда государств, практики его применения и анализ их результатов с целью выработки юридически обязательных регуляторов деятельности ЧВОК.

Международно-правовые «мягкие» регуляторы⁷

В исследовании, проведенном совместно Федеральным департаментом иностранных дел Швейцарии и Международным комитетом Красного Креста (МККК), была предпринята небезуспешная попытка определения и формулирования общих правовых принципов, регулирующих деятельность ЧВОК в контексте вооруженных конфликтов. Результат их работы известен в мире международного права как «Документ Монтрё», который, не являясь обязательным для исполнения, имеет целью разъяснить и подтвердить обязательства государств по международному праву в отношении использования ЧВОК⁸.

Вскоре после принятия Документа Монтрё ряд передовых частных военных и охранных компаний приняли Международный кодекс поведения (МКПЧВОК), который к 2013 г. подписали более 700 организаций. Этот кодекс устанавливает стандарты защиты прав человека, регулирует их

¹ См. например [1].

² См., например [2-3].

³ См., например [4].

⁴ См. [5-10] и ряд других работ автора.

⁵ См. [11-15].

⁶ См. [16-18].

⁷ Приводится резюме. Подробная информация о ходе дискуссии см. [9].

⁸ Документ Монтрё – это первая и единственная попытка глубокого осмысления международного регулирования деятельности ЧВК. 17 сентября 2008 года 17 стран согласовали «Документ Монтрё». Документ был направлен на имя Генерального секретаря ООН. См.: Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/63/467-S/2008/636.

применение сотрудниками ЧВОК и предлагает руководящие принципы для контроля за деятельностью в зонах вооруженных конфликтов. На основе МКПЧВОК был разработан Устав, обеспечивающий соблюдение установленных стандартов и принципов. Устав был принят на специальной конференции в 2013 г. и служит важным инструментом в регулировании деятельности ЧВОК.

В Документе Монтрё указано, что ЧОК – «это частные предпринимательские субъекты, оказывающие военные или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Услуги включают, в частности, вооружённую охрану, защиту людей и объектов; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключённых; консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников»¹.

Согласно МКПЧОК, под частными охранными компаниями (далее – ЧОК) и частными поставщиками услуг в области безопасности понимаются любые компании, коммерческая деятельность которых включает оказание охранных услуг от своего имени либо от имени другого лица, независимо от того, как такая компания себя характеризует. Под «охранными услугами» понимается охрана и защита (вооруженная или невооруженная) лиц и объектов (транспортные колонны, сооружения, конкретные помещения, объекты недвижимости и др.) либо любая другая деятельность, требующая ношения или использования оружия персоналом компании при исполнении своих функций².

Компании, подписавшие МКПЧВОК, берут на себя следующие обязательства:

- создать в течение 18 месяцев механизмы внешнего контроля для сертификации, аудита и мониторинга деятельности в зонах вооруженных конфликтов;
- разработать или представить внутренние процедуры соблюдения принципов и стандартов Кодекса;
- после создания механизма управления и надзора получить сертификат и регулярно проходить независимые аудиты;
- включить соблюдение Кодекса в контрактные соглашения с клиентами, персоналом, субподрядчиками и другими сторонами;
- соблюдать Кодекс даже в тех случаях, когда он не включен в контрактное соглашение с клиентом³.

В зависимости от вида взаимодействия ЧОК с «государствами» последние предлагается относить к одной (или сразу нескольким) из категорий⁴:

1. «Государства-контрагенты» – это государства, которые непосредственно заключают с ЧОК контракты об оказании услуг, в том числе, в соответствующих случаях, когда такие ЧОК заключают субконтракты с другими ЧОК.

2. «Государства территориальной юрисдикции» – это государства, на территории которых действуют ЧОК.

3. «Государства происхождения» – это государства национальной принадлежности ЧОК, т.е. где та или иная ЧОК зарегистрирована или инкорпорирована; если государство, в котором ЧОК инкорпорирована, не является государством, где находится ее главная контора, то тогда государство, в котором находится главная контора ЧВК, является «государством происхождения».

Исследование национальных регуляторов

Для регулирования деятельности частных военных и охранных компаний (ЧВОК) на международном уровне была создана Рабочая группа ООН по вопросу об использовании наемников (РГИН)⁵. Одним из основных направлений работы РГИН является разработка принципов, направленных на обеспечение соблюдения прав человека со стороны ЧВОК. Несмотря на усилия РГИН, в докладе

¹ Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования ЧВК в период вооружённого конфликта: утверждён Федеральным департаментом иностранных дел Швейцарии, Международным комитетом Красного Креста от 17 сентября 2008 г. / Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/63/467-S/2008/636.

² Международный кодекс поведения частных охранных компаний. Режим доступа: http://www.icoca.ch/sites/all/themes/icoca/assets/icoc_russian3.pdf.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ The use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination. // Human Rights Resolution 2005/2. E/CN.4/RES/2005/2. URL: https://ap.ohchr.org/documents/E/CHR/resolutions/E-CN_4-RES-2005-2.doc (дата обращения 17.01.2024).

после первого заседания было отмечено, что «национальное законодательное регулирование ЧВОК практически отсутствует»¹.

В период с 2013 по 2016 гг. Рабочая группа ООН по вопросу об использовании наемников (РГИН) провела глобальное исследование национального законодательства 60 стран из 5 регионов мира².

Цель исследования состояла в том, чтобы:

- проанализировать существующие нормы регулирования деятельности ЧОК;
- выявить пробелы и передовые практики в регулировании;
- разработать руководящие принципы и рекомендации для регулирования отрасли ЧОК.

Исследование охватило следующие регионы:

- Африка;
- Азия;
- Центральная Америка и Карибский бассейн;
- Южная Америка;
- Европа;
- Содружество Независимых Государств;
- Азиатско-Тихоокеанский регион;
- США.

В ходе исследования РГИН проанализировала законодательство каждой страны по следующим критериям:

- наличие ссылок на международные конвенции о наемниках;
- сфера применения законодательства;
- наличие системы лицензирования, аккредитации и регистрации ЧОК;
- требования к профессиональному отбору и подготовке сотрудников ЧОК;
- разрешенные и запрещенные виды деятельности ЧОК;
- оборот оружия ЧОК;
- правила применения силы и огнестрельного оружия сотрудниками ЧОК;
- отчетность и прозрачность ЧОК.

Результаты исследования были использованы РГИН для разработки рекомендаций по регулированию деятельности ЧОК на международном уровне.³

На основе полученных в ходе глобального исследования данных, в итоговом докладе РГИН сделала выводы, о том, что национальное законодательство о ЧВОК и «методы регулирования государствами данной отрасли, которая становится все более транснациональной, являются фрагментарными и непоследовательными»⁴ и далее о «..неэффективности национальных законов и право-применительных механизмов, а также бессистемности и фрагментарности усилий по саморегулированию отрасли...»⁵, что в свою очередь ставит под угрозу соблюдение прав человека.

В своем докладе РГИН подчеркнула, что законодательство большинства исследованных стран регулирует деятельность только частных охранных компаний (ЧОК). Нормы, посвященные понятию и регулированию частных военных компаний (ЧВК), в этом законодательстве отсутствуют.

¹ Доклад РГИН как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. E/CN.4/2006/11. C.7. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=E%2FCN.4%2F2006%2F11&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения 17.01.2024).

² См.: Global Study on national regulatory framework and legislation on PMSCs (2013-2016). URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/wg-mercenarys/global-study-national-regulatory-framework-and-legislationpmscs-2013-2016> (дата обращения 17.01.2024).

³ Результаты этого исследования были введены в научный оборот в одной из последних комплексных научных работ Э. К. Сайфуллина. См.: [19, с. 21–23].

⁴ См.: Итоговый доклад проведенного исследования: Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение A/HRC/36/47 URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FHRC%2F36%2F47&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения 17.01.2024).

⁵ Там же.

Тем не менее, ЧОК часто выполняют функции, которые по своей сути являются военными. Это создает пробел в регулировании, поскольку ЧВК не подпадают под действие законов, регулирующих деятельность военных организаций.

После первого этапа исследования, в котором основное внимание уделялось выборке англо- и франкоязычных стран Африки и некоторых отдельных стран Азии (A/HRC/24/45 и A/HRC/27/50), в докладе представлены данные Рабочей группы. выводы по национальному законодательству Франции, Венгрии, Швейцарии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Соединенное Королевство), которые, с нашей точки зрения, представляют особый интерес. Данные аналитического исследования были собраны посредством исследования с использованием различных источников, включая соответствующие национальные законы¹, отчет о миссии Рабочей группы в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии², отчет 2012 г. Межправительственной рабочей группы открытого состава для рассмотрения возможности разработки международной нормативной базы по регулированию, мониторингу и надзору за деятельностью частных военных и охранных компаний на своем втором заседании³, выводы проекта PRIV-WAR⁴, информация, собранная Private Security Monitor⁵, исследование Конфедерации европейских служб безопасности 2011 г. «Факты и цифры CoESS»⁶ и другие соответствующие источники, общедоступные, заслуживающие доверия в сети Интернет⁷.

Проведенный анализ законодательства европейских государств выявил следующие основные характеристики регулирования деятельности частных охранных компаний⁸:

- преимущественный фокус на охране лиц, имущества, ценностей и предоставлении услуг частного сыска;

¹ **France:** Law No 83-629 du juillet 1983 réglementant les activités privées de surveillance, de gardiennage et de transport de fonds ("Law No. 83-629")

Switzerland: Law fédérale sur les prestations de sécurité privées fournis à l'étranger du 27 septembre 2013 ("LPSP of 2013"), Concordat sur les entreprises de sécurité du 18 octobre 1996 ("Concordat on security companies of 1996"), Concordat sur les prestations de sécurité effectuées par des personnes privées du 12 novembre 2010 ("Concordat on the services of private security companies of 2010"), Ordonnance sur l'engagement d'entreprises de sécurité privées par la Confédération du 31 octobre 2007 ("Decree on the hiring of private security companies by the Confederation of 2007")

Hungary: Act CXXXIII of 2005 on the rules of personal and property protection activities and private investigation ("Act CXXXIII of 2005"), Decree of Ministry of Interior of 22/2006. (IV.25) on the implementation of Act CXXXIII of 2005 on the rules of personal and property protection activities and private investigation ("Decree 22/2005"), Decree of Ministry of Interior of 68/2012. (XII. 14.) on the training and examination of personnel in charge of police tasks, assistant supervisors and personnel in charge of personal and property protection activities and private investigation ("Decree 68/2012"), Act C of 2012 on the Criminal Code ("Act C of 2012"), Governmental Decree 253/2004. (VIII.31.) on firearms and ammunitions ("Governmental Decree 253/2004")

United Kingdom: Private Security Industry Act 2001 ("PSIA of 2001"), Export Control Act 2002 ("ECA of 2002")

² Report of the Working Group on the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination, 19 February 2009, A/HRC/10/14/Add.2

³ Report of the open-ended intergovernmental working group to consider the possibility of elaborating an international regulatory framework on the regulation, monitoring and oversight of the activities of private military and security companies on its second session, 24 December, 2012, A/HRC/22/41

⁴ **France:** PRIV-WAR Report – France, National Reports Series 11/09, The Regulatory Context of Private Military and Security Service sin France, V. Capdeville, University Paris II & H.Cherief, University of Dijon 21 May 2009, PRIV-WAR Report, **The United Kingdom**, National Reports Series 01/09, The Regulatory Context of Private Military and Security Services in the UK, Kerry Alexander and Nigel White, University of Sheffield 30 June 2009.

⁵ См. <http://psm.du.edu/>.

⁶ CoESS Fact and Figures, available at:

[http://www.coess.org/_Uploads/dbsAttachedFiles/Private_Security_Services_in_Europe-CoESS_Facts_and_Figures_2011\(1\).pdf](http://www.coess.org/_Uploads/dbsAttachedFiles/Private_Security_Services_in_Europe-CoESS_Facts_and_Figures_2011(1).pdf)

⁷ См.: [20-22].

⁸ См.: EuropeStudy.doc (live.com) (дата обращения 17.01.2024 г.).

- отсутствие регулирования деятельности частных военных компаний во всех указанных странах;
- экстерриториальное действие законодательства только в Швейцарии, в то время как в других странах регулирование ориентировано исключительно на внутреннюю сферу;
- запрет на прямое участие сотрудников ЧВОК в боевых действиях только в Швейцарии. Нечеткое или отсутствующее регулирование этого вопроса в других странах;
- наличие национальных положений, запрещающих наемническую деятельность несмотря на то, что анализируемые страны не являются участниками Конвенции ООН о наемниках.

Ни одна из четырех указанных стран не подписала и не ратифицировала Международную конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и подготовкой наемников, но все страны являются государствами-участниками Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), определяющего термин «наемник» в статье 47. пункт 2, что также означает, что все они юридически обязаны выполнять заключение и рекомендации Протокола I.

Анализ национального регулирования наиболее передовых стран Европы по определенным РГИН критериям показал следующее:

Сфера применения и ограничения национальных законов

Законы о ЧОК действуют во всех проанализированных странах, но не распространяются на ЧВК. Определение сферы применения определяется сферой применения варьируются, но обычно включают охрану лиц и имущества, перевозку ценностей и расследования. Швейцария является единственной страной, чье законодательство применяется за рубежом. Отсутствие ясных правил в отношении участия ЧОК в боевых действиях, экстерриториального применения законов и экспорта охранных услуг создает нормативные пробелы. Эти пробелы ослабляют верховенство закона и эффективность государственных органов в поддержании общественной безопасности.

Лицензирование, регистрация и обучение ЧОК

Лицензирование и авторизация ЧОК в проанализированных странах часто находятся в ведении министерств внутренних дел. В настоящее время ни одна из проанализированных стран не требует специальной регистрации для ЧОК, кроме общей регистрации в коммерческих реестрах. Швейцария имеет самые подробные требования к обучению персонала ЧОК, в том числе по правам человека, применению силы и антикоррупции.

Разрешенные и запрещенные виды деятельности ЧОК

В некоторых странах, таких как Франция и Венгрия, ЧОК обязаны указывать на частный характер своей деятельности, чтобы избежать путаницы с государственными службами безопасности. Некоторые законы прямо запрещают ЧОК заниматься деятельностью, которая дублирует функции полиции или вооруженных сил, в частности участием в боевых действиях или наемничестве. Такие запреты необходимы для предотвращения нарушений прав человека, таких как право на безопасность, право на жизнь и запрет пыток.

Приобретение оружия и применение силы ЧОК

Отсутствие в законах конкретных положений о приобретении и обороте оружия персоналом ЧОК создает пробел в регулировании.

Подходы к регулированию применения силы и огнестрельного оружия ЧОК различаются. Некоторые законы запрещают их применение, за исключением самообороны или крайней необходимости, в то время как другие разрешают применение силы только для определенных видов деятельности ЧОК.

Ответственность и правовые средства защиты

Ни один из проанализированных законов не содержит положений об обязанности сообщать о нарушениях, совершенных персоналом ЧОК, или об эффективных правовых средствах защиты для жертв нарушений прав человека.

Механизмы мониторинга деятельности ЧОК различаются в разных странах, и только в Швейцарии законы требуют от компаний и их сотрудников соблюдения международных стандартов прав человека.

Выводы и рекомендации

Анализ законодательства европейских стран показал значительную неоднородность в подходах к регулированию деятельности ЧВОК, что создает риски для верховенства права, функционирования демократических институтов и соблюдения прав человека.

Учитывая транснациональный характер деятельности ЧВОК и их высокую вероятность применения силы, становится очевидной необходимость разработки всеобъемлющего, юридически обязательного международного нормативного акта, который позволит обеспечить: последовательное регулирование деятельности ЧВОК во всем мире; установление стандартизированных механизмов подотчетности; правоприменимость режима регулирования и ответственность за нарушения прав человека.

В этой связи, мы приветствуем дальнейшее совершенствование регулирования ЧВОК на национальном уровне, с необходимостью продолжения фундаментальных дополнительных исследований национальных стратегий и выявление передового опыта в этой области.

Список источников

1. Kornilov N. Private military and security business gains momentum – the UN // Center for strategic environment. 12.11.2013. Available at: <http://conjuncture.ru/un-12-11-2013/>
2. Веселов Ю. А. История и роль ЧВК в современной мировой политике // Мировая политика. 2021. № 3. С. 19-40. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.3.33590 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33590.
3. Волжанин Д. А., Дубков Н. С., Литвиненко Д. В. ЧВК как инструмент влияния на международной политической арене // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 1. С. 33–38. <https://doi.org/10.24158/per.2023.1.4>.
4. Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30-43. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30256
5. Хабачиров М. Л. Формирование международного чрезвычайного права // Международное право. 2005. № 4. С. 70–83.
6. Хабачиров М. Л. Использование феномена «силы» как стабилизирующего фактора формирующегося международного чрезвычайного права // Международное право. 2011. № 1-2 (45-46). С. 92–97.
7. Хабачиров М. Л. О формировании международного чрезвычайного права как новой отрасли международного права // Международное право. 2010. № 4 (42). С. 32–36.
8. Хабачиров М. Л. О необходимости изменения концептуального подхода к принципам формирования и функционирования системы международного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 65–71.
9. Хабачиров М. Л., Дышеков М. В., Маремкулов А. Н., Моисеев А. А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК): поиск международно-правовых и национальных регуляторов // SCTCMG2020, International Scientific Conference “Social and Cultural transformations in the Context Modern globalism”. Web of Science.
10. Хабачиров М. Л. Об обязательствах по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний: опыт Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024г. № 3. С. 97–104.
11. Башкиров Н. Международно-правовые аспекты использования частных военных компаний // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 8. С. 10–18.
12. Волеводз А. Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3(12). С. 78–88. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-78-88>.
13. Русинова В. Н. Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Российское право в Интернете. № 2009 (05). Спецвыпуск.
14. Саврыга К. П. Международный правовой статус наемников и проблема принадлежности сотрудников частных военных и охранных компаний к наемникам // Современное право. 2014. № 8. С. 138–142.

15. Метелина О. В. Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтре // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 136–138.
16. Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав. Дисс. канд. полит. наук. М., 2016. 248 с.
17. Небольсина М. А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах // Международная аналитика. 2022. Т. 13 (2). С. 107–133. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-107-133>.
18. Манойло А. В., Зайцев А. Я. Международно-правовой статус частных военных компаний // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 1. С. 47–55. DOI: 10.31857/S0869587320010090.
19. Сайфуллин Э. К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 192 с.
20. Elke Krahmann: Regulating Private Military Companies: What Role for the EU?, in Contemporary Security Policy, Vol. 26, No. 1 (April 2005), pp. 103-125.
21. Hans Born, Marina Caparini, and Eden Cole. Regulating Private Security in Europe: Status and Prospects. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). 2007. Policy Paper. № 20.
22. Marco Marilli. The Potential Use of PMSCs to Fulfill the EU Security Strategy // Central European Journal of International and Security Studies. 2011. Vol. 5. Issue 3.

References

1. Kornilov N. *Private military and security business gains momentum – the UN*. Center for strategic environment. 12.11.2013. Available at: <http://conjuncture.ru/un-12-11-2013/>
2. Veselov Yu. A. The history and role of PMCs in modern world politics. *World Politics*. 2021;(3):19–40. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8671.2021.3.33590 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33590.
3. Volzhanin D. A., Dubkov N. S., Litvinenko D. V. PMCs as an instrument of influence in the international political arena. *Society: politics, economics, law*. 2023;(1):33–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2023.1.4>.
4. Tikhanychev O. V. Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one? *Security issues*. 2020;(1):30–43. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30256
5. Khabachirov M. L. Formation of international emergency law. *International Law*. 2005;(4):70–83. (In Russ.)
6. Khabachirov M. L. The use of the phenomenon of "force" as a stabilizing factor in the emerging international emergency law. *International Law*. 2011;1-2(45-46):92–97. (In Russ.)
7. Khabachirov M. L. On the formation of international emergency law as a new branch of international law. *International Law*. 2010;4(42):32–36. (In Russ.)
8. Khabachirov M. L. On the need to change the conceptual approach to the principles of formation and functioning of the system of international law. *Legal policy and legal life*. 2010;(3):65–71. (In Russ.)
9. Khabachirov M. L., Dyshekov M. V., Maremkulov A. N., Moiseev A.. Private military and security companies (PMCs): search for international legal and national regulators. In: *SCTCMG2020, International Scientific Conference "Social and Cultural transformations in the Context of Modern globalism"*. Web of Science.
10. Khabachirov M. L. On obligations under the national regulating the activities of private military and security companies: the experience of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):97–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-97-104>. EDN OQJABZ
11. Bashkirov N. International legal aspects of the use of private military companies. *Foreign military Review*. 2013;(8):10–18. (In Russ.).
12. Volevodz A. G. Problems, principles and prospects of international legal regulation of the activities of private military and security enterprises. *Bulletin of MGIMO University*. 2010;3(12):78–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-78-88>.
13. Rusinova V. N. Problems of international legal regulation of the activities of private military and security companies. *Russian law on the Internet*. 2009 (05). Special issue. (In Russ.).
14. Savryga K. P. The international legal status of mercenaries and the problem of belonging of employees of private military and security companies to mercenaries. *Modern law*. 2014;(8):138–142. (In Russ.).

15. Metelina O. V. The issue of the status of private military and security companies. The Montreux document. *Bulletin of the Chuvash University*. 2012;(1):136–138. (In Russ.).
16. Nebolsina M. A. *Regulation of the activities of private military and security companies: a comparative analysis of the policy of international organizations and world powers*. Dissertation of the Candidate of Political Sciences. Moscow; 2016. 248 p. (In Russ.).
17. Nebolsina M. A. Private military and security companies (PMCs) in modern international processes. *International Analytics*. 2022;13(2):107–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-107-133>.
18. Manoilo A. V., Zaitsev A. Ya. International legal status of private military companies. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(1):47–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869587320010090.
19. Sayfullin E. K. Formation of a model of international legal regulation of the activities of private military and security companies. Diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow; 2024. 192 p. (In Russ.).
20. Elke Krahmann. Regulating Private Military Companies: What Role for the EU? *Contemporary Security Policy*. 2005;26(1) (April):103–125.
21. Hans Born, Marina Caparini, and Eden Cole. Regulating Private Security in Europe: Status and Prospects. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). 2007. *Policy Paper*. № 20.
22. Marco Marilli. The Potential Use of PMSCs to Fulfill the EU Security Strategy. *Central European Journal of International and Security Studies*, 2011;5(3).

Информация об авторе

М. Л. Хабачиров – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, и. о. директора ГКУ КБР «Государственное юридическое бюро».

Information about the author

M. L. Khabachirov – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Acting Director of the State Institution of the KBR «State Law Bureau».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

Принципы государственной службы в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Софья Владимировна Королева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,
koroleva-sv@ranepa.ru

Аннотация. На сегодняшний день можно смело говорить, что государственная гражданская служба является одним из важнейших институтов, который обеспечивает реализацию государственного управления в рамках системы административно-правового регулирования. В современных реалиях постоянно дополняются и совершенствуются требования, предъявляемые к государственной службе. Сущность государственной гражданской службы раскрывается через ее принципы. Несмотря на то, что единого подхода к определению принципов государственной службы за всю многолетнюю историю существования института государственной службы так не принято, тем не менее их ключевое значение для реализации института государственной службы, как правило, не вызывает возражений и тем более сомнений. В данной работе нами рассмотрено несколько примеров научного понимания принципов государственной службы и сделаны выводы о наличии как научного, так и нормативного содержания принципов государственной службы. Уже не один год вся система государственного управления подвергается реформированию. Несмотря на то, что базовый Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» действует уже ровно 20 лет, в него регулярно вносятся изменения. За последние годы принято большое количество подзаконных актов, регламентирующих порядок организации и прохождения государственной гражданской службы. Государственная гражданская служба в первоочередном порядке способствует обеспечению основ конституционного строя и соблюдению Конституции Российской Федерации, а также практической реализации федерального законодательства и законов субъектов Российской Федерации. Конституционно-правовое регулирование определяет дальнейшее развитие правового регулирования всех сфер нашей жизни. Именно конституционно-правовые основы государственной службы позволяют нам понять основные направления правового обеспечения государственной службы. В данной работе мы пришли к выводу, что необоснованно мало научного внимания у нас уделяется изучению реализации принципов государственной службы в судебной практике. В этой связи важным является анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам реализации принципов государственной службы.

Ключевые слова: принципы государственной службы, государственная гражданская служба, решения Конституционного Суда Российской Федерации, служебные отношения, правовой статус государственного служащего, реализация принципов, прохождение государственной гражданской службы

Для цитирования: Королева С. В. Принципы государственной службы в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 94–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-94-101>. EDN YFBWFW

Principles of public service in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Sofia V. Koroleva

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, koroleva-sv@ranepa.ru

Abstract. Today, we can safely say that the state civil service is one of the most important institutions that ensures the implementation of public administration within the system of administrative and legal regulation. In modern realities, the requirements for the state civil service are constantly supplemented and improved. The essence of the state civil service is revealed through its principles. Despite the fact that a single approach to defining the principles of public service has not been adopted for the entire long history of the existence of the institution of public service, nevertheless, their key importance for the implementation of the institution of public service, as a rule, does not raise objections and even more so doubts. In this paper, we have considered several examples of scientific understanding of the principles of public service, and concluded that there is both scientific and normative content of the principles of public service. For many years, the entire system of public administration has been subject to reform. Despite the fact that the basic Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" has been in force for exactly 20 years, it is regularly amended. In recent years, a large number of by-laws have been adopted regulating the procedure for organizing and passing the state civil service. The state civil service primarily contributes to ensuring the foundations of the constitutional system and compliance with the Constitution of the Russian Federation, as well as the practical implementation of federal legislation and laws of the subjects of the Russian Federation. Constitutional and legal regulation determines the further development of legal regulation of all spheres of our life. It is the constitutional and legal foundations of the state service that allow us to understand the main directions of legal support for the state service. In this work, we came to the conclusion that we have been paying unreasonably little scientific attention to studying the implementation of the principles of state service in judicial practice. In this regard, it is important to analyze the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of implementing the principles of state service.

Keywords: principles of public service, public civil service, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, official relations, legal status of a civil servant, implementation of principles, passage of public civil service

For citation: Koroleva S. V. Principles of public service in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):94–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-94-101>. EDN YFBWFW

Введение

Принципы государственной службы выступают базовым структурным элементом данного административно-правового института¹. При этом независимо от научного понимания государственной службы – как юридического и фактического института государства, института ведения публичных дел [1, с. 8, 15]; как публичного социально-правового института [2, с. 1–3]; как сложного, многоотраслевого правового института [3, с. 11]; как разновидности профессионального труда [4, с. 7]; как административного процесса исполнения и обеспечения исполнения титульного юридического процесса государственного органа, действующего в определенном разделении государственной власти [2]; как системы правоотношений между государственным служащим

¹ В данной статье понятие принципов государственной службы будет включать в себя как основные принципы построения и функционирования системы государственной службы, так и принципы различных видов государственной службы.

и государственным органом [5, с. 82] и др. – наличие принципов государственной службы и их ключевое воздействие на рассматриваемый институт признается, как правило, безусловно.

С учетом того, что государственная служба понимается не только как правовой (публично-правовой) институт, но и как процесс, то в этой связи уместно привести введенное учеными еще в 80-е гг. XX века определение принципа деятельности, под которым понимались основные руководящие положения, обусловленные характером общественного и государственного строя и служащие своего рода направляющей идеологической основой деятельности органов государства [6, с. 19].

Принципы государственной гражданской службы Российской Федерации

Не останавливаясь на многообразии научной трактовки принципов в современном праве, обратим внимание на существование такой современной позиции, которая заключается в правовом понимании принципов как разновидности правовых норм, отличающихся высоким уровнем абстракции и допускающих вариативность реализации [7, с. 146].

Базовые принципы организации и функционирования механизма государственной службы установлены в статье 3 ФЗ «О системе государственной службы в РФ». Реализация принципов построения и функционирования системы государственной службы обеспечивается федеральными законами о видах государственной службы. Указанными федеральными законами могут быть предусмотрены также другие принципы построения и функционирования видов государственной службы, учитывающие их особенности¹. При этом определение самих принципов в нормативном правовом акте не раскрывается, они лишь перечисляются.

Существуют определенные различия и в научном понимании принципов государственной службы.

Ю. Н. Стариков понимает под ними основополагающие идеи, установления, выражающие объективные закономерности и определяющие научно обоснованные направления реализации компетенции, задач и функций государственных органов, полномочий государственных служащих, действующие в системе государственной власти и, в частности, в системе государственной службы [8].

В качестве принципов гражданской службы А. А. Гришковец, Ю. В. Ростовцева, С. В. Фомина видят основополагающие идеи, положенные в основу гражданской службы, сформулированные и юридически оформленные в виде принципов гражданской службы, которые содержатся в действующем законодательстве [9, с. 35–40]. Другие авторы видят в принципах государственной службы достоверное и концентрированное знание об определенных закономерностях, отношениях, явлениях и процессах [2].

Таким образом, ученые закономерно признают наличие как научного, так и нормативного содержания принципов государственной службы, отражающегося в том, что принципы не всегда закреплены в нормативно-правовом поле и могут существовать в исключительно в доктринальном понимании (к примеру, еще не инкорпорированном в нормативно-правовое регулирование). В то же время в научных исследованиях имеет место и несколько ограниченная позиция, согласно которой принципы государственной службы – это основополагающие нормативно-правовые начала, установления, выражающие объективные закономерности в системе организации и функционирования государственной службы, специфику, основное содержание и тенденции развития данного правового института [10, с. 29].

В позициях ученых применительно к обоснованию и трактовке принципов гражданской службы можно выделить различные акценты: форма существования (в нормативном поле, в доктрине, в правоприменении), направленность выражения (отражение закономерностей функционирования, структуры института, тенденций развития и др.), целевая установка (цели систематизации внутренней структуры института, его связей с иными институтами и др.), структурное обеспечение института государственной службы (принципы как фактор целостности института государственной службы, как элемент, «связывающий» друг с другом все иные структурные элементы института), аксиологическое обеспечение института государственной службы (принципы как ценности служебных

¹ Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2003 г. № 22 ст. 2063

правоотношений), приоритеты (перспективы) развития института государственной службы (принципы как установки будущего, потенциально возможного, заданного публичной властью развития института государственной службы) и другие.

Налицо узкий и широкий подходы к теоретико-правовому обоснованию принципов государственной службы. В рамках первого принципы государственной службы являются нормативно-правовыми установлениями и соответственно закреплены в нормативно-правовых актах, в рамках широкого подхода подобные принципы могут быть воплощены как в нормативно-правовых, так и в научных, то есть теоретических положениях. При этом следует признать неразрывную связь подобных подходов. Применительно к институту государственной службы, принципам ее построения и функционирования можно констатировать наличие двух процессов: воздействия доктрины на нормативную оптимизацию института государственной службы и влияния тенденций законодательного регулирования рассматриваемого института на развитие теоретико-правового обоснования, научной «выдержанности» понятий и процессов, присущих служебным правоотношениям. Сложно сказать, какой из этих процессов значимее, существеннее, они существуют параллельно, протекают достаточно самостоятельно и закономерно отражают единство теоретических и прикладных начал в исследовании самых различных правовых институтов и процессов.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам реализации принципов государственной службы

Представляется, что отражение принципов государственной службы в судебной практике получило меньше научного внимания и достаточно редко подвергалось правовому анализу. Исключением здесь являются отдельные научные публикации, посвященные правовым позициям Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) по отдельным принципам государственной службы [11]. С учетом активного развития института государственной службы в последние десятилетия нами предлагается попытка обозначить отражение принципов государственной службы в актах конституционного правосудия, что представляется весьма актуальным с точки зрения влияния позиций КС РФ на научное понимание таких принципов и их реализацию в служебных правоотношениях.

Судебному нормоконтролю со стороны КС РФ подвергаются служебные отношения, включающие в себя условия соотношения регулирования федеральной государственной гражданской службы и государственной гражданской службы субъекта РФ. Примером может служить Постановлением от 15 ноября 2012 г. № 26-П, в котором КС РФ дал оценку конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», предусматривающего обязанность субъекта РФ учитывать при утверждении реестра должностей государственной гражданской службы субъекта РФ структуру государственных органов, наименования, категории и группы должностей государственной гражданской службы РФ, установленные Реестром должностей федеральной государственной гражданской службы¹.

Орган конституционного правосудия в данном акте оценивает позицию законодателя с точки зрения реализации двух базовых конституционных принципов: единства системы государственной власти и единства системы исполнительной власти. На примере реестровой системы структуризации должностей государственной гражданской службы орган конституционного нормоконтроля обращает внимание на объективно присущую институту государственной службы необходимость обеспечения тождества ее внутренних подсистем, а именно: соответствия системы государственной гражданской службы субъекта РФ системе федеральной государственной гражданской службы².

С учетом интересующего нас отражения в актах конституционного правосудия принципов государственной службы отметим, что данное решение затрагивает несколько аспектов, связанных

¹ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // «Российская газета», № 162, 31.07.2004.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2012 № 26-П "По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с запросом Законодательного Собрания Камчатского края" // Собрание законодательства РФ. 26.11.2012. № 48. Ст. 6744.

с реализацией принципов государственной службы (несмотря на то, что в данном конкретном деле речь идет о гражданской службе, представляется, что обозначенная правовая позиция КС РФ может быть применена к принципам государственной службы в целом).

Во-первых, правовые позиции органа конституционного нормоконтроля отражают неразрывную связь, взаимообусловленность не только и не столько между отдельными самостоятельными принципами построения и функционирования системы государственной службы, но соотношение этих принципов с иными принципами публичного управления в целом.

Во-вторых, в этом решении КС РФ, как, впрочем, во многих иных актах конституционного правосудия обосновываются условия соблюдения и обеспечения принципа единства института государственной службы на основе включенности в него норм, регламентирующих прохождение различных видов службы, а также уровней применительно к государственной гражданской службе. В связи с этим КС РФ констатирует необходимость обеспечения тождества системы государственной гражданской службы субъекта РФ системе федеральной государственной гражданской службы. Подобное тождество (однопорядковые механизмы процедурной реализации) призвано обеспечить реализацию принципа единства, целостности системы государственной службы.

При этом зачастую в решениях КС РФ мы находим вариант соотношения принципа единства государственной службы с установлением различных требований к прохождению отдельных видов государственной службы. КС РФ неоднократно указывал применительно к порядку прохождения государственной службы различных видов на обоснованность установления законодателем особых требований и обязанностей, обусловленных задачами, принципами организации и функционирования федеральных государственных органов, а также специфическим характером деятельности государственных служащих, осуществляемой в публичных интересах. Подобное установление, согласно позиции КС РФ, не может рассматриваться как нарушение закрепленных в основном законе права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию¹. Представляется, что многообразие видов государственной службы и, соответственно, различающиеся требования к их прохождению не разделяют, не «дробят» данный институт, а посредством различных унифицированных приемов, в том числе путем закрепления системы принципов, консолидируют его содержание, отражают его целостность, единую публичную природу, представляют своего рода «единство в многообразии».

В ряде случаев КС РФ дает оценку конституционности применения законодательства о государственной службе и ее видов в отношении определенных категорий лиц, конкретных правовых статусов, к примеру, беременных женщин. По сути, орган конституционного нормоконтроля встал на защиту прав государственного служащего, при этом основой подобной защиты стал сравнительный анализ правового статуса беременной женщины при прохождении ею государственной гражданской службы и при осуществлении иной профессиональной деятельности².

В данном случае мы имеем дело с сочетанием реализации принципов равенства при прохождении государственной службы, равного доступа к государственной службе, приоритета прав и свобод человека и гражданина, стабильности службы. Предметом оценки конституционного нормоконтроля становятся гарантии лиц с различным правовым статусом, проходящих государственную службу. Обеспечение подобных гарантий нацелено на повышение эффективности осуществления государственной службы, так как государственные служащие, «вооруженные» подобными гарантиями, нацелены на полноценное «служение» государству, на качественное исполнение своих

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2247-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Худенко Юлии Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 14 и частью 2 статьи 92 Федерального закона "О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2012 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 33 и подпункта "а" пункта 3 части 1 статьи 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Л.А. Пугиевой» // Российская газета. № 295. 21.12.2012.

должностных обязанностей в целях реализации интересов государства в целом и его конкретных органов.

Еще одним примером в рамках конституционного контроля можно обозначить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2020 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. Г. Малышевой». В данном судебном акте рассматриваются принципы государственной службы, в частности принцип единства правовых и организационных основ государственной службы, предполагающий законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы. Также в Постановлении указано на единство правовой природы и взаимосвязь государственной и муниципальной службы¹.

Вопрос о гарантиях государственных служащих ставился и в иных решениях КС РФ. Применительно к службе в органах внутренних дел подобные вопросы рассматривались в Постановлении КС РФ от 12.10.2023 № 47-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 65 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части второй статьи 379.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Елисеева»².

Речь в данном деле идет о государственных гарантиях в сфере оказания медицинской помощи сотрудников ОВД, обусловленных спецификой их правового статуса. КС РФ в этой связи признал отдельные положения законодательства о службе в ОВД не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они исключают возможность освобождения сотрудника ОВД от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью на основании документа, выданного определенной частной медицинской организацией в исключительных обстоятельствах.

Представляется, что в актах конституционного правосудия принципы государственной службы в большинстве случаев реализуются в неразрывной связи с такими элементами правового статуса государственного служащего как его права, обязанности, гарантии, ответственность и другие.

Защите гарантий государственного служащего посвящено определение от 17 июля 2012 г. № 1275-О, в котором КС РФ выявил смысл нормативных положений части 4 статьи 31, пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Данный акт конституционного нормоконтроля также нацелен на обеспечение гарантий для правового статуса государственного служащего, предусмотренных в случаях расторжения служебного контракта по инициативе представителя нанимателя³. Отметим, что во многих случаях оценки КС РФ положений действующего законодательства о государственной службе в решениях органа конституционного правосудия подспудно присутствует еще один важный аспект реализации служебных отношений – аспект усмотрения представителя нанимателя [11]. Четкая, детальная, определенная регламентация такого усмотрения отражает такие базовые принципы государственной службы как профессионализм и компетентность государственных служащих, стабильность государственной службы и др.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2020 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.Г. Малышевой» // "Собрание законодательства РФ", 24.02.2020, # 8, ст. 1118.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 47-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 65 Федерального закона "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и части второй статьи 379.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Елисеева» // Собрание законодательства РФ. 23.10.2023. № 43. Ст. 7792.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1275-О «По жалобе гражданки Терехиной Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью 4 статьи 31, пунктом 6 части 1 статьи 33 и статьей 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации"» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Заключение

На сегодняшний день одним из важнейших условий существования и развития современного общества является постоянное совершенствование системы его управления. Основой государственного управления на протяжении долгих лет была и остается государственная служба. Принципы государственной службы являются крайне важным элементом ее функционирования. Таким образом, принципы государственной службы находят отражение в правоприменительной практике служебного взаимодействия, включая практику конституционного правосудия и судебного нормоконтроля. Значимость такой практики заключается в том, что, во-первых, во многих случаях принципы государственной службы в решениях Конституционного Суда РФ выступают не только как нормы-принципы или основополагающие установления, но и как базовые ценности рассматриваемого института [12], призванные быть обеспеченными, сохраненными всеми ветвями государственной власти, включая судебную, а, во-вторых, подобные акты зачастую содержат требования к законодателю в части внесения соответствующих изменений в действующее правовое регулирование. Последнее приобретает особую актуальность в условиях перманентного реформирования института государственной службы в отечественной практике и призвано обеспечить реализацию универсальных принципов государственной службы в реальных служебных отношениях. Акты конституционного правосудия вбирают в себя правовые позиции, позволяющие установить определенные логические связи между различными принципами института государственной службы, а также между последними и принципами функционирования самых разных иных правовых институтов. Это позволяет сформировать и увидеть сложные варианты их соотношения как в действующем нормативном регулировании, так и в правоприменительном поле, варианты, возможные лишь в контексте масштаба и уровня конституционного правосудия.

Список источников

1. Казанцев Н. М. Публично-правовое регулирование государственной службы: институционально-функциональный анализ: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.02 / Российская акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2000. 50 с.
2. Привалова С. В. Принципы организации государственной службы современной России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Рос. академия гос. службы. Москва, 1999. 24 с.
3. Манохин В. М. Конституционные основы законодательства о государственной службе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 4. С. 11–18.
4. Гурьева Л. А. Профессиональная подготовка государственных служащих: Организационно-правовые аспекты: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Северо-Западная гос. служба. Санкт-Петербург, 1999. 22 с.
5. Шмалий О. В. Принципы государственной гражданской службы как административно-правового института // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 80–83.
6. Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М.: Юридическая литература, 1987. 176 с.
7. Варламова Н. В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.
8. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права. В 3 т. Т. II: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. М.: Издательство НОРМА (издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. 600 с.
9. Государственная гражданская служба: учебное пособие / А. А. Гришкова, Ю. В. Ростовцева, С. В. Фомина. Отв. редактор Н. Ю. Хаманева. М.: Издательство «ДЕЛО и СЕРВИС». 2014. 617 с.
10. Павлова Е. В., Лимарева Е. С. Принципы государственной службы: исторический и современный подходы. Принципы службы в полиции в соответствии с Федеральным законом «О службе в ОВД РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»: учебное пособие; М-во внутренних дел Российской Федерации, Федеральное гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования "Орловский юридический ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации им. В. В. Лукьянова". Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2013. 66 с.
11. Пресняков М. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу равного доступа к государственной службе // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. № 1. С. 46–48.

12. Агамагомедова С. А. Принципы государственной гражданской службы в современных условиях / Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : VIII Международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов, Москва, 27 марта 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 14–17.

References

1. Kazantsev N. M. *Public law regulation of public service: institutional and functional analysis: abstract of the dissertation...* Doctor of Law. Moscow; 2000. 50 p. (In Russ.)
2. Privalova S. V. Principles of the organization of public service in modern Russia : abstract of the dissertation of the candidate of Legal Sciences. Moscow; 1999. 24 p. (In Russ.)
3. Manokhin V. M. Constitutional foundations of legislation on public service. *Izvestia of higher educational institutions. Law studies*. 1983;(4):11–18. (In Russ.)
4. Guryeva L. A. Professional training of civil servants : Organizational and legal aspects : abstract of the dissertation of the candidate of Legal Sciences. St. Petersburg; 1999. 22 p. (In Russ.)
5. Shmaliy O. V. Principles of the state civil service as an administrative and legal institution. *Business in law*. 2008;(4):80–83. (In Russ.)
6. Gorshenev V. M., Shakhov I. B. Control as a legal form of activity. Moscow: Legal literature; 1987. 176 p. (In Russ.)
7. Varlamova N. V. Human rights as principles of law. *Comparative Constitutional Review*. 2023;6(157): 146–171. (In Russ.)
8. Starilov Yu. N. *Course of general administrative law*. In 3 vols. Vol. II: Public service. Managerial actions. Legal acts of management. Administrative Justice. Moscow: Publishing house NORMA (publishing group NORMA-INFRA-M); 2002. 600 p. (In Russ.)
9. Grishkovets A. A., Rostovtseva Yu. V., Fomina S. V. State civil service: a textbook. Responsible editor N. Yu. Khamaneva. Moscow: Publishing house "BUSINESS and SERVICE"; 2014. 617 p. (In Russ.)
10. Pavlova E. V., Limareva E. S. *Principles of public service: historical and modern approaches. Principles of police service in accordance with the Federal Law "On Service in the Department of Internal Affairs of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"*: textbook. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2013. 66 p. (In Russ.)
11. Presnyakov M. V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of equal access to public service. *Altai Bulletin of State and Municipal Service*. 2008;(1):46–48. (In Russ.)
12. Agamagomedova S. A. Principles of public civil service in modern conditions. In: *Topical issues of application of the norms of administrative law (Korenev readings) : VIII International Scientific and practical Conference: collection of scientific papers*, Moscow, March 27, 2024. Moscow: V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2024:14–17. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Королева – старший преподаватель кафедры административного и служебного права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

S. V. Koroleva – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 102–109
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(4):102–109

Проблемы гражданского и предпринимательского права

Научная статья

УДК 347.6

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-102-109>

EDN XNNVSF

Вопросы качественного улучшения правового оформления наследственных прав для усиления мер государственной защиты прав наследников по закону

Михаил Борисович Смоленский

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
rta-sf@mail.ru

Аннотация. В условиях сегодняшних вызовов и угроз одним из приоритетных направлений государственной политики в России выступает качественное улучшение законодательства в области наследственного права. Правовая составляющая в указанной области является важнейшим инструментом в механизме перехода права на имущество на основе норм наследственного права, соблюдение которых снимает социальную напряженность и предотвращает бытовые конфликты. Вопросы, поднятые в настоящей статье, являются своевременными и весьма актуальными, так как на практике возникает множество проблем, столкновений правовых норм, несоответствий между законами. Граждане подчас не могут реализовать свои законные наследственные права по причине различных формальностей, пробелов. Детальное изучение и разработка теоретических положений по вопросам качественного улучшения правового оформления наследственных прав позволит наработать основу для внесения в законодательство изменений, с целью его усовершенствования, а также более детально изучить оформление наследственных прав в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации применяя для этого следующие методы: формально-логический, диалектический, системного анализа и сравнительно-правовой. Для достижения заявленной цели автор считает необходимым решение следующих задач с целью выработки рекомендаций по качественному усовершенствованию текущего законодательства в указанной сфере: детальное рассмотрение действующего правового регулирования наследственных прав; изучение действующего порядка оформления наследственных прав, исследование проблем правового оформления наследственных прав, а также выработка предложений решения проблем более качественного оформления наследственных прав. Реализуя указанные задачи, автором в рамках данной статьи проанализированы особенности и проблемы норм права, регулирующие наследственные правоотношения, защищающие права наследников и предложены варианты по совершенствованию данных норм.

Ключевые слова: наследник, наследодатель, наследственные правоотношения, открытие наследства, принятие наследства, законы, вопросы, проблемы, совершенствование

Для цитирования: Смоленский М. Б. Вопросы качественного улучшения правового оформления наследственных прав для усиления мер государственной защиты прав наследников по закону // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 102–109. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-102-109>. EDN XNNVSF

Issues of qualitative improvement of the legal registration of inheritance rights to strengthen measures of state protection of the rights of heirs under the law

Mikhail B. Smolenskiy

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, rta-sf@mail.ru

Abstract. In the context of today's challenges and threats, one of the priorities of state policy in Russia is the qualitative improvement of legislation in the field of inheritance law. The legal component in this area is the most important tool in the mechanism of transfer of property rights based on the norms of inheritance law, compliance with which relieves social tension and prevents domestic conflicts. The issues raised in this article are timely and very relevant, since in practice there are many problems, collisions of legal norms, inconsistencies between laws. Citizens sometimes cannot exercise their legitimate inheritance rights due to various formalities and gaps. A detailed study and development of theoretical provisions on the qualitative improvement of the legal registration of hereditary rights will allow us to develop a basis for making changes to the legislation in order to improve it, as well as to study in more detail the registration of hereditary rights in accordance with the civil legislation of the Russian Federation using the following methods: formal-logical, dialectical, system analysis and comparative legal. In order to achieve this goal, the author considers it necessary to solve the following tasks in order to develop recommendations for the qualitative improvement of current legislation in this area: a detailed review of the current legal regulation of inheritance rights; study of the current procedure for registration of inheritance rights, research of problems of legal registration of inheritance rights, as well as the development of proposals for solving problems of better registration of inheritance rights. Realizing these tasks, the author analyzes in the framework of this article the features and problems of the norms of law governing hereditary legal relations, protecting the rights of heirs, and suggests options for improving these norms.

Keywords: heir, testator, hereditary legal relations, opening of inheritance, acceptance of inheritance, laws, issues, problems, improvement

For citation: Smolenskiy M. B. Issues of qualitative improvement of the legal registration of inheritance rights to strengthen measures of state protection of the rights of heirs under the law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):102–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-102-109>. EDN XNNVSF

Введение

В современном мире в период постепенной глобализации экономики, в период миграции населения, популяризации путешествий количество браков между гражданами разных стран, количество сделок по приобретению недвижимости за рубежом, по усыновлению детей, родившихся в другом государстве, продолжает расти. Такие факты могут породить возникновение разнообразной группы правоотношений: по владению совместной собственностью, по определению обязанности в воспитании детей, по завещанию имущества. При регулировании наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, неизбежно возникает столкновение правовых норм законодательства России и иностранного государства. Гражданин, который обладает определенным имуществом, в течение жизни владеет и распоряжается им, несет расходы по его содержанию, приумножает имущество. К концу жизни закономерно, что собственник желает определить дальнейшую судьбу своего имущества, обеспечить своих потомков. В таком случае завещатель составляет завещание. Если завещание не было составлено, то в таком случае начинает действовать законный порядок определения наследников. В настоящей статье мы рассмотрим эти вопросы более детально.

1. Открытие наследства, его принятие и оформление

Оформление наследственных прав начинается с момента их возникновения – с момента открытия наследства. Открытие наследства происходит, как правило, по последнему месту жительства наследодателя. Это утверждение породило множество вопросов. «Последнее место жительства» – очень пространная категория, с размытыми рамками. Последнее место жительства – это то жильё, в котором преимущественно проживал наследодатель перед смертью. Что имеется в виду под категорией «жильё», какой срок должен прожить наследодатель в этом месте, что бы оно считалось последним местом жительства, необходимо, что бы жильё было собственностью, что бы лицо было там зарегистрировано миграционной службой – все эти вопросы различно решаются в разных государствах. Наследодатель мог перед смертью передвигаться из страны в страну, жить в отеле длительное время, арендовать жильё.

Многочисленные примеры из практики судов общей юрисдикции по вопросам необходимости признания фактического принятия наследства для дальнейшего оформления наследственных прав обуславливают необходимость в каждом конкретном случае оценивать доказательства фактических действий с теми, что установлены законом. В данном случае могут возникать расхождения в толковании норм наследственного права, что не может отвечать требованиям законности. Пропуск срока при обращении в суд восстанавливается в большинстве случаев, представляется возможным вынести на обсуждение вопрос об увеличении срока на принятие наследства, и об установлении перечня обстоятельств, которые являются, бесспорными уважительными причинами для пропуска срока. А. А. Масалимова отмечает: «Учитывая, что действия по фактическому принятию наследства носят оценочный характер, судам необходимо анализировать каждую конкретную ситуацию. Тем не менее, четкие требования к осуществлению владения наследником в целях приобретения наследства не выработаны ни на законодательном уровне, ни исходя из судебных решений» [1]. Злоупотребления правом на восстановление срока используется для ухода от оплаты нотариальных услуг. Граждане намеренно пропускают срок, для дальнейшего обращения в суд.

Фактическое принятие наследства подлежит документальному подтверждению. Например, в случае наследования жилой недвижимости в качестве доказательств нотариус должен запросить у заявителя документ с указанием регистрации по месту жительства, квитанции об оплате коммунальных услуг, справка о составе семьи. На практике возможны злоупотребления своими правами наследников и сокрытия информации о других родственниках наследодателя. Известный специалист в области наследственного права И. Г. Драгунова отмечает: «Наличие справки, в которой помимо наследодателя никто не указан для нотариуса является угрозой оставления без наследства того наследника, который фактически принял наследство, следовательно, выдать документ, который впоследствии может изменить всю правовую судьбу наследуемого имущества и привести нотариуса к наступлению ответственности или возникновению судебных споров» [2].

Установить документально всех кто проживает в наследуемом имуществе очень сложно, так как в настоящее время в МВД РФ свободная обработка содержания персональных данных личностей в виде отдельных документов при ведении регистрационного учета не производится. Управляющие многоквартирными домами организации самостоятельно составляют списки жильцов по информации из договоров. Такая информация ранее сверялась с данными МВД, и в предоставляемой УК справке содержалась широкая информация обо всех ранее зарегистрированных в этом жилом помещении, о родственном статусе и даже о долях в собственности. Такие открытые сведения хоть и нарушали права лиц, проживающих в данном жилом помещении, однако позволяли нотариусу установить точное место открытия наследства и список потенциальных наследников, а также свидетельствовали о фактическом принятии наследства.

Не стоит забывать и об обязательной доли в наследственной массе. Обязательная доля в наследстве – это способ защиты нетрудоспособных членов семьи наследодателя от экономических бедствий. Однако, кроме имущества или имущественных прав к такому наследнику переходят и долговые обязательства наследодателя. Обязательная доля в итоге уходит на оплату долгов, и иждивенец остается в прежнем положении [3]. При оформлении наследственных прав нотариус проверяет наличие обязательных наследников у наследодателя. Опять же без информации от официальных источников затруднительно определить проживание иждивенца с наследодателем.

Одной из проблем является проблема излишней бюрократизации порядка оформления наследственных прав. Например, в законе о нотариате не указана обязанность нотариуса о выдаче обратившимся лицам какую-либо расписку о получении документов или заявления. И хотя в п. 16 Приказа Минюста России от 14.12.2022 № 394 (ред. от 24.07.2023, с изм. от 09.08.2023) «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» предусмотрена выдача расписки, на наш взгляд, все же лучше закрепить данное положение непосредственно в законе, что будет служить дополнительной гарантией от утери документов. Так же в случае ведения наследственного дела по завещанию наследники по закону не могут получить его копию и другие документы по наследственному делу в связи с действием нотариальной тайны. Однако для обращения за защитой своих наследственных прав наследникам целесообразно иметь при себе копии вышеназванных документов. Л. С. Алехина отмечает: «По итогу, мы можем наблюдать некий замкнутый круг: без этих документов нельзя завести наследственное дело, без дела нельзя получить запрос нотариуса на выдачу документов наследнику» [4].

2. Неоформленное наследственное имущество: его оформление и регистрация

Проблема неоформленного в собственность имущества так же является острой для нотариальной деятельности. Примером неоформленного имущества может быть дачный участок и дом, расположенный на нем, или жилой дом в сельской местности. На такие объекты собственности сохраняются выписки из домовых или похозяйственных книг. Верховный суд РФ определил, что права собственности, возникшие до вступления в силу ФЗ №122 до 1998 года не зарегистрированные в ЕГРН имеют юридическую силу. Однако, на практике некоторые суды игнорируют правовую позицию Верховного суда РФ.

Еще одной проблемой является оформление ранее неоформленной недвижимости. Добросовестный приобретатель такой недвижимости, не подозревающий о других наследниках приводит недвижимость в порядок, оформляет необходимые документы, и после этого момента наследники обращаются в суд за признания их законными наследниками. Добросовестный приобретатель остается не защищенным в данной ситуации.

Хайруллина А. В., приходит к выводу, что «проблема отсутствия зарегистрированных прав в ЕГРН встречается очень часто, поскольку многие граждане приобрели права на недвижимое имущество еще до того как их государственная регистрация стала обязательной. В итоге выходит, что собственник у недвижимого имущества есть, но в государственном реестре прав на недвижимое имущество отсутствуют сведения об этом праве» [5]. В связи с этим можно выделить одну из наиболее часто встречающихся проблем, с которой сталкивается нотариус при оформлении наследства – право собственности наследодателя не было зарегистрировано [6].

Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) был создан для упорядочения информации о собственниках недвижимых объектов, для упрощения процедуры государственной регистрации перехода прав на недвижимость. ЕГРН является единым источником правовой информации по всей России. Если собственность была оформлена до введения в действие ЕГРН, то такое право считается незарегистрированным, однако фактически право собственности не утратило своей силы в отношении определенной недвижимости и так же подлежит наследованию. На незарегистрированную недвижимость в ЕГРН должны существовать какие-либо документы, устанавливающие личную собственность определенного лица. Такой документ старого образца и отсутствие сведений в ЕГРН об этой недвижимости и о другом собственнике позволяют нотариусу выдать свидетельство о праве на наследство. Но если никаких документов подтверждающих собственность наследодателя не имеется, то в таком случае остается только судебный порядок для восстановления в наследственных правах заинтересованного родственника.

3. Выделение супружеской доли: сложившаяся практика и проблемы совместной собственности

Определенную проблему в оформлении наследственных прав составляет необходимость выделения супружеской доли в наследстве. Так как имущество нажитое в браке находится в совместной собственности, то необходимо пройти следующие два этапа: в начале осуществляется выдел из совместной собственности супругов доли пережившего супруга. Доля выделяется из всего совместно

нажитого имущества, кроме личной собственности; и оставшееся после выдела доли супруга имущество или имущественные права делятся поровну между всеми наследниками и пережившим супругом.

На практике выдел супружеской доли осложняется тем, что обращение за получением свидетельства о праве собственности – это право, а не обязанность. Нотариус не имеет полномочий оказывать давление на наследников совершать какие-либо юридические действия. И если между пережившим супругом и остальными наследниками возникают споры, то такую ситуацию способен разрешить только суд. М. А. Хахалева считает: «Заставить пережившего супруга выделить долю в наследстве нотариус не может, однако, если между пережившим супругом и остальными наследниками разгораются споры, которые невозможно решить по согласию сторон, то один из несогласных наследников умершего подает заявление с просьбой отложить выдачу свидетельства о праве на наследство нотариусу и соответствующий иск в суд, и окончательное решение о распределении доли имущества выносит судья» [6].

Проблемы, возникающие при реализации прав граждан, иллюстрируют недостатки правового регулирования. Для оценки масштаба влияния недостатков правового регулирования наследственных правоотношений на реализацию этих прав, необходимо рассмотреть данные статистики по вопросам наследования в Российской Федерации.

Например, в 2022 г. суды рассмотрели 144,5 тысячи споров, связанных с наследством. В статистике Судебного департамента России они разделены на шесть групп. Рассмотрим группы дел о наследственных правах, рассматриваемых в российских судах.

О долгах наследодателя – 31 %. Данная категория дел является самой широкой. Наследники отвечают по долгам наследодателя, если приняли наследство, в части стоимости полученного. В связи с большой закредитованностью российского населения, соответственно и споров по этому поводу тоже большое количество.

О восстановлении сроков для принятия наследства – 30%. Сроки восстанавливаются в суде в подавляющем большинстве случаев. Доказывание уважительности причин пропуска ограниченного срока лежит на наследнике. Суд оценивает все обстоятельства: причину пропуска, срок пропуска, интересы других наследников.

О признании завещания недействительным – 1,2 %. Завещание как вид сделки может быть признано недействительным по различным основаниям. Наследники не согласные с волей наследодателя или сомневающиеся в его адекватности обращаются в суд за признанием ничтожной или мнимительной сделки. Недействительность завещания влечет вступление в действие порядка наследования по закону. По этим делам самый низкий процент удовлетворенных исков – 29 %.

О разделе имущества – 0,7 %. В данную категорию дел относятся вопросы о выделе супружеской доли пережившего супруга из наследства, которое должно быть распределено между всеми наследниками. Выдел доли пережившего супруга – это право, а не обязанность супруга, поэтому объем дел данной категории присутствует в судебной практике. В 2022 г. суды рассмотрели 1079 таких дел – и в 82% требования истцов удовлетворили.

О признании недостойным наследником – 0,5 %. Наследник может быть признан недостойным в связи с серьезными причинами. Недостойный наследник вследствие своего злонамеренного умысла не должен претендовать на имущество наследодателя. Доля положительных решений равняется – 35 %.

В оставшуюся категорию входят все остальные дела, это примерно 37 %, связанные с реализацией наследственных прав граждан. К ним можно отнести споры о составе наследственной массы.

Таким образом, число споров наследников за имущество умершего можно оценить примерно в 60 тысяч дел на почти 2 млн умерших россиян. Это примерно три случая из тысячи.

Рассмотрение проблем оформления наследственных прав привело к выводу, о необходимости внесения изменений в нормы действующего законодательства.

4. Оформление наследственных прав: проблемы и перспективы

Наследник, фактически принявший наследство, рассчитывает в дальнейшем пройти процедуру оформления наследственных прав. При владении имуществом как своим собственным неизбежно возникают расходы на поддержание его состояния, на оплату услуг связанных с использованием и эксплуатацией имущества. Наследнику, принявшему имущество от наследодателя,

необходимо тщательно сохранять все письменные доказательства, подтверждающие владение наследственным имуществом. При отсутствии таких доказательств наследнику будет крайне сложно доказать фактическое принятие имущества к своему владению.

Пропуск срока по уважительной причине и (или) отсутствие доказательств фактического принятия наследства – это основания для прямого обращения в судебные органы для защиты своих наследственных прав.

Принятие наследства осуществляется фактически и формально. Отказ может быть совершен так же фактически и формально. Отказ, как и принятие, может быть выражен в течение 6 месяцев. Теоретически может возникнуть ситуация, когда наследник фактически принял наследство, растратил его, а потом заявил отказ. Такой выход свидетельствует о злоупотреблении правами наследника о его корыстном мотиве. Данную лазейку для недобросовестных наследников необходимо устранить, дополнив пункт 2 ст. 1153 ГК РФ следующим положением: «Заявление наследника о факте непринятия наследства может быть подано в течение срока, установленного для принятия наследства. По истечении указанного срока наследник, не желающий наследовать, вправе отказаться от наследства в судебном порядке» [7].

Первоначально разработка новых законов и других актов предполагает тщательное толкование прежних действующих источников нормативных предписаний для точного уяснения их истинного смысла. В толковании сходятся и соединяются вместе в одно направление и теоретические и практические юридические знания, и достигнутый уровень правовой культуры, и соответствующее юридическое искусство.

В связи с указанными недостатками правового регулирования представляется внести изменения в действующие нормы Гражданского Кодекса РФ. В частности, предлагаются следующие изменения:

- дополнить содержание статьи 1155 ГК РФ нормативным положением о действии презумпции положительной добросовестности законных наследников, не обладающих своевременной информацией о призыве к наследованию. Заблуждение для действия презумпции должно быть добросовестным. Такое закрепление устранил возможность судам формально отказывать наследникам в восстановлении срока.

- внести содержательные изменения в ст. 1152 ГК РФ, касающиеся интересов наиболее незащищенной категории граждан: недееспособные, малолетние и несовершеннолетние лица. Необходимо в статье указать, что данная категория наследников автоматически принимает наследство, по умолчанию. Данное изменение позволит обеспечивать имуществом иждивенцев наследодателя в бесспорном порядке.

- в продолжение предыдущего изменения, предлагаем так же установить в ст. 1149 и ст. 1175 ГК РФ основание исключения обязанности нетрудоспособного гражданина или несовершеннолетнего лица отвечать по непогашенным долгам и обязательствам наследодателя [3].

Так же в целях оптимизации работы нотариуса необходимо предоставить доступ к информационным базам органов ЗАГС для оперативного получения сведений о семейном положении наследодателя и имеющих детей [8].

Заключение

Таким образом, пути решения проблем правового регулирования оформления наследственных прав, представляют собой предложения по внесению в нормы ГК РФ положений, позволяющих устранить недостатки, которые нарушают права наследников разных категорий, затрудняют реализацию норм права.

Соответственно, мы можем констатировать, что основные проблемы оформления наследственных прав состоят в следующем:

- во-первых, право собственности наследодателя может быть не зарегистрировано в должном порядке;

- во-вторых, в связи с соблюдением нотариальной тайны и тайны завещания, нотариус отказывает в выдаче копии документов, находящихся в наследственном деле наследникам «по закону», если есть завещание;

- и наконец, проблема отказа от выделения супружеской доли пережившим супругом.

Многочисленные примеры из практики судов общей юрисдикции по вопросам необходимости признания фактического принятия наследства для дальнейшего оформления наследственных прав обуславливают необходимость в каждом конкретном случае оценивать доказательства фактических действий с теми, что установлены законом. В данном случае могут возникать расхождения в толковании норм наследственного права, что не может отвечать требованиям законности. Пропуск срока при обращении в суд восстанавливается в большинстве случаев, представляется возможным вынести на обсуждение вопрос об увеличении срока на принятие наследства, и об установлении перечня обстоятельств, которые являются, бесспорными уважительными причинами для пропуска срока

Пути решения проблем оформления наследственных прав состоят во внесении изменений в действующее законодательство. В частности предлагаются следующие изменения:

– дополнить содержание статьи 1155 ГК РФ нормативным положением о действии презумпции положительной добросовестности законных наследников, не обладающих своевременной информацией о призыве к наследованию. Заблуждение для действия презумпции должно быть добросовестным. Такое закрепление устранил возможность судам формально отказывать наследникам в восстановлении срока.

– внести содержательные изменения в ст. 1152 ГК РФ касающиеся интересов наиболее незащищенной категории граждан: недееспособные, малолетние и несовершеннолетние лица. Необходимо в статье указать, что данная категория наследников автоматически принимает наследство, по умолчанию. Данное изменение позволит обеспечивать имуществом иждивенцев наследодателя в бесспорном порядке.

Изменения должны коснуться и ведомственных актов о порядке предоставления информации по запросам нотариуса, что, несомненно, должно ускорить процессы оформления наследственных прав.

Список источников

1. Масалимова А. А. Проблемы принятия наследства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4(62). С. 46–48. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-11-4-46-48. EDN RHNXAH.
2. Драгунова И. Г. Актуальные проблемы оформления наследственных прав в Российской Федерации // Интерактивная наука. 2022. № 8(73). С. 92–94. – DOI 10.21661/r-557231. EDN RTVLPW.
3. Евлоева К. Л. Актуальные проблемы оформления наследственных прав в Российской Федерации // Вестник науки. 2024. Т. 5. № 3(72). С. 257–264. EDN PVCSHZ.
4. Алехина Л. С. Приобретение и оформление наследства // Экономика и социум. 2022. № 5-1 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-i-oformlenie-nasledstva> (дата обращения: 04.09.2024).
5. Хайруллина А. В. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Юридический факт. 2019. № 48. С. 14–17.
6. Хахалева М. А. Общие проблемы оформления наследственных прав Корочанской нотариальной конторой Белгородской области // Наукосфера. 2022. № 11-2. С. 466–471. EDN MDUPFL.
7. Долгинов, И. С. Фактический способ принятия наследства по российскому законодательству // Вестник Пермского института ФЦИН России. 2019. № 1(32). С. 5–11. EDN VFTXLH.
8. Рассказова Н. Ю. Компетенция нотариуса при международном наследовании и правовая природа норм статьи 1115 Гражданского кодекса Российской Федерации // Нотариальный вестник. 2022. № 12. С. 37–46.

References

1. Masalimova A. A. Problems of inheritance acceptance in the Russian Federation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;11-4(62):46-48. (In Russ.). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-11-4-46-48. EDN RHNXAH.
2. Dragunova I. G. Actual problems of registration of inheritance rights in the Russian Federation. *Interactive science*. 2022;8(73):92-94. (In Russ.). DOI: 10.21661/r-557231. EDN RTVLPW.
3. Evloeva K. L. Actual problems of registration of inheritance rights in the Russian Federation. *Bulletin of Science*. 2024;5(3(72)):257-264. (In Russ.). EDN PVCSHZ.

4. Alyokhina L. S. Acquisition and registration of inheritance. *Economics and society*. 2022;5-1(96). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-i-oformlenie-nasledstva>. Accessed [4 September 2024]. (In Russ.).
5. Khairullina A. V. Actual problems of state registration of rights to immovable property. *Legal fact*. 2019;(48):14–17. (In Russ.).
6. Khakhaleva M. A. General problems of registration of hereditary rights by the Korochan notary office of the Belgorod region. *Naukosphere*. 2022;(11-2):466–471. EDN MDUPFL. (In Russ.).
7. Dolginov I. S. The actual method of accepting inheritance under Russian law. *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2019;1(32):5–11. EDN VFTXLH. (In Russ.).
8. Rasskazova N. Yu. The competence of a notary in international inheritance and the legal nature of the norms of Article 1115 of the Civil Code of the Russian Federation. *Notary Bulletin*. 2022;(12):37–46. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Б. Смоленский – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория государства и права» РГУПС.

Information about the author

M. B. Smolenskiy – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Theory of State and Law of Rostov State Transport University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 15.11.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>

EDN WHABRA

Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: экспериментальные правовые режимы в условиях конституционных трансформаций

**Петр Петрович Баттахов¹,
Юлия Сергеевна Овчинникова²**

^{1,2}Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

¹battakhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>

²domosedka@mail.ru

Аннотация. Трансформации политических систем оказывают прямое влияние на технологические переходы в развивающихся государствах. Основными инструментами таких переходов становятся экспериментальные правовые режимы. При этом экспериментальный правовой режим – ничто иное, как особый порядок правового регулирования, который нацелен на введение в российскую экономику цифровых инноваций и имеет определенные ограничения, касающиеся субъектного состава, а также в пространстве и времени. Обязательное страхование ответственности за причинение вреда (технологиями искусственного интеллекта) – совершенно новое явление для отечественного права. Сформулирован вывод о том, что имущественный интерес субъекта ответственности за причинение вреда в данной разновидности страховых правоотношений состоит в нейтрализации негативных последствий имущественного характера, которые связаны с наступлением гражданской ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом.

В статье сделаны предложения о внесении изменений в законодательство, которые могут заключаться во введении норм о причинении вреда искусственным интеллектом (и страховании ответственности за его причинение) не только жизни и здоровью физических лиц, имуществу юридических лиц, но и природным объектам, а также окружающей среде в целом.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, гражданская ответственность за причинение вреда, страховые правоотношения, искусственный интеллект, страховая сумма, страховая выплата

Для цитирования: Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: экспериментальные правовые режимы в условиях конституционных трансформаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 110–116. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>. EDN WHABRA

Civil liability insurance for harm caused by the introduction of artificial intelligence: experimental legal regimes in the context of constitutional transformations

Petr P. Battakhov¹,
Julia S. Ovchinnikova²

^{1,2}Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

¹battakhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>

²domosedka@mail.ru

Abstract. Compulsory liability insurance for harm (artificial intelligence technologies) is a completely new phenomenon for domestic law. At the same time, the experimental legal regime is nothing more than a special procedure for legal regulation, which is aimed at introducing digital innovations into the Russian economy and has certain restrictions regarding the subject composition, as well as in space and time. The conclusion is formulated that the property interest of the subject of responsibility for causing harm in this type of insurance legal relations consists in neutralizing the negative consequences of a property nature, which are associated with the onset of civil liability for causing harm to artificial intelligence. The article makes proposals for amending the legislation, which may consist in introducing norms on causing harm to artificial intelligence (and insuring liability for causing it) not only to the life and health of individuals, the property of legal entities, but also to natural objects, as well as the environment as a whole.

Keywords: experimental legal regime, civil liability for harm, insurance legal relations, artificial intelligence, insurance amount, insurance payment

For citation: Battakhov P. P., Ovchinnikova Ju. S. Civil liability insurance for harm caused by the introduction of artificial intelligence: experimental legal regimes in the context of constitutional transformations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):110–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>. EDN WHABRA

Введение

Конституционные реформы в постсоветских странах могут существенно влиять на правовую базу и регулирование новых технологий, включая искусственный интеллект, через внедрение экспериментальных правовых режимов. В странах с суперпрезидентскими моделями власть может инициировать масштабные законодательные инициативы, в том числе в области новых технологий.

Недавно принятый Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ¹ внес значительные новшества в сферу страховых правоотношений. Так, с 2025 года начнут действовать правила об обязательном страховании деликтной ответственности участников экспериментального правового режима (далее – ЭПР), основание которой – причинение вреда жизни, (здоровью) граждан или имуществу юридических лиц при внедрении искусственного интеллекта, а также других технологий.

В связи с этим возникает множество вопросов, свойственных как правовой науке, так и другим отраслям научного знания, в частности, чем по сути является искусственный интеллект, и кто является субъектом ответственности за его функционирование, какие возникают страховые риски, какие имущественные интересы подлежат страхованию, целесообразность введения страхования деликтной ответственности участников ЭПР.

¹ Федеральный закон от 02.07.2021 N 331-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // Российская газета. N 147–148, 07.07.2021.

Экспериментальный правовой режим: общая характеристика

Прежде чем говорить о страховании в сфере ЭПР и цифровых инноваций желательно уделить внимание историческому аспекту данного социального явления. Так, по мнению ученых, практика экспериментальных правовых режимов имела место уже в XVIII веке в Европе и имела цель повышения эффективности функционирования государственной администрации [1]. Далее практика по внедрению особых правовых режимов для регулирования некоторых общественных отношений с целью борьбы с преступностью и другими негативными общественными явлениями была отмечена в Европе и США.

В России на настоящий момент законодательством предусмотрена возможность введения ЭПР, значение которого состоит в формировании комфортных условий для разработки и внедрения так называемых цифровых инноваций¹. Помимо этого, направленность ЭПР, безусловно, состоит в открытии новых перспективных направлений в экономике, повышении доступности и качества (услуг и товаров), развитии экономики в целом - это с одной стороны. С другой стороны, ЭПР в любом случае означает исключение из общего правового регулирования, что потенциально может заключать в себе вероятность тех или иных нарушений субъективных прав и законных интересов третьих лиц. Данными факторами объясняется особая актуальность на настоящий момент фундаментальных исследований по поводу правовой природы и целесообразности экспериментальных правовых режимов, а также способов и средств их внедрения.

В ключе рассуждений о целях ЭПР, которыми являются новые экономические направления, можно подчеркнуть непосредственную связь последних с внедрением и апробацией цифровых инноваций в ту или иную сферу социально-экономической деятельности [2]. Речь, в частности, идет о таких областях как медицина (технологии, которые используются в телемедицине), производство (промышленность), сельскохозяйственная и строительная деятельность, архитектурное проектирование и т. д.

Так, как известно, ЭПР недавно был установлен в области медицины – речь идет об использовании новых усовершенствованных технологий.² В данном случае основная направленность данного ЭПР – расширение возможностей заочных консультаций с применением технологий телемедицины и дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациентов. Кроме того, ЭПР был недавно введен также в области транспортных услуг – речь идет о внедрении высокоавтоматизированных средств транспорта на отдельных территориях РФ³.

По своей природе ЭПР представляет собой порядок правового регулирования особого характера, который действует относительно его участников с целью эффективного внедрения таких достижений как цифровые инновации. Общее представление о таком правовом явлении как ЭПР возможно благодаря анализу его признаков, имеющих связь с вышеназванной целью (создание комфортных условий для внедрения в экономическую среду РФ цифровых инноваций).

Так, во-первых, особенностью экспериментального правового режима является то, что он устанавливается в отношении определенных лиц – участников экспериментального правового режима (речь идет о субъектах экспериментального правового режима, а также лицах, вступивших в соответствующие правоотношения). К субъектам экспериментального правового режима относятся

¹Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 501.

² Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 N 1164 (ред. от 16.07.2024) "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан" // Собрание законодательства РФ", 24.07.2023, N 30, ст. 5693.

³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 N 2495 (ред. от 21.09.2024) "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, N 1 (часть II), ст. 300.

государственные органы (органы местного самоуправления) и юридические лица или индивидуальные предприниматели.

Во-вторых, действие ЭПР ограничивается конкретным сроком и обозначенной территорией, которые должны быть установлены программой экспериментального правового режима, одним словом, можно сделать вывод об определенном ограничении ЭПР в пространстве и времени.

Наконец, основной сущностный признак – действие специального правового регулирования, которое устанавливается в рамках экспериментального правового режима соответствующей программой и отличается от общего правового регулирования. Специальное правовое регулирование в рамках экспериментального правового режима устанавливается лишь постольку, поскольку это необходимо для реализации инновационных проектов.

Вышеназванные признаки вытекают из соответствующих принципов, речь идет об ограниченности ЭПР по кругу лиц, во времени и в пространстве, а также минимизации отступления от общего правового режима (ст. 4 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ»).

При этом к объектам экспериментального правового режима относятся собственно цифровые инновации, которые имеют определенные характеристики. Так, во-первых, цифровые инновации представляют собой по своей сути результат интеллектуальной деятельности, работу (ее результат), услугу, товар или процесс (например, производства), которые имеют признаки нового или существенно усовершенствованного продукта¹. Во-вторых, цифровые инновации для признания таковыми должны быть созданы по конкретным направлениям, которые предусмотрены в законодательстве², речь идет, в частности, о вышеназванных сферах (медицина, сельское хозяйство, транспорт). Наконец, в-третьих, при создании цифровых инноваций могут быть использованы только те технологии, которые входят в перечень, утвержденный Правительством РФ.

Таким образом, экспериментальный правовой режим представляет собой порядок правового регулирования особого характера, который устанавливается с целью беспрепятственного внедрения в экономику РФ цифровых инноваций и имеет определенные ограничения как по субъектному составу, так и во времени, и в пространстве.

Страхование деликтной ответственности, связанной с внедрением искусственного интеллекта

Вопросы ответственности за вред, который причинен технологиями искусственного интеллекта, предстанут в более ясном формате после анализа понятия «причинение вреда» именно в данном контексте. Так, в соответствии с законодательством³ вред юридическим и физическим лицам, который связан с внедрением технологий искусственного интеллекта (и других технологий в рамках экспериментального правового режима), подлежит возмещению согласно общим положениям ГК РФ о причинении вреда [3].

Вместе с тем правовое регулирование в этой части имеет определенную специфику. Так, по правилам ФЗ № 169 (ст.1) случаи причинения вреда вследствие применения технологий искусственного интеллекта (как физическим, так и юридическим лицам) подлежат рассмотрению специально создаваемой для этого комиссией. При этом ставятся такие вопросы, как характер и объем вреда, который причинен жизни (здоровью) физических лиц или имуществу юридических лиц в результате внедрения искусственного интеллекта [4], обстоятельства, которые послужили возможной причиной причинения вреда, необходимость принятия соответствующих мер по предупреждению причинения вреда и т. д.

При анализе данной ситуации возникает вопрос, что представляет и может представлять собой такое явление как причинение вреда искусственным интеллектом [5]. Неопределенность состоит в том, что ни науке, ни законодателю, ни правоприменителю на настоящий момент в полной мере неизвестны признаки данного правового явления. Данная неопределенность может выразиться, в частности, в сложностях нахождения причинно-следственных связей между собственно причинением вреда и его последствиями.

¹ См. ст. 2 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ».

² Там же. Ст. 1.

³ Там же. П. 4 ст. 5.

Вне всякого сомнения, одной из причин сложившейся ситуации является неоднозначность самого понятия «искусственный интеллект» – как для правоведов, так и для науки в целом. Кроме того, использование искусственного интеллекта (как в рамках экспериментального правового режима, так и в целом) влечет необходимость решения этических проблем взаимодействия человека и данных технологий во всех аспектах его жизнедеятельности, данный вопрос касается и возможного причинения вреда [6].

В этом плане можно согласиться с мнением, что относительно искусственного интеллекта представляется целесообразной разработка оптимальной модели правового регулирования, которая могла бы снизить риски причинения вреда и другого негативного воздействия новых технологий на жизнедеятельность человека [7]. Вместе с тем при построении данной модели стоит учитывать и другие объективные факторы, а именно, возможно негативное воздействие на производственную деятельность, природные объекты и окружающую среду в целом. При этом необходимо иметь в виду, что окружающая среда – комплексное понятие, которое включает в себя несколько компонентов – речь идет о компонентах природного, антропогенного и природно-антропогенного характера¹.

Следовательно, желательно, чтобы в законодательстве были закреплены нормы о причинении вреда искусственным интеллектом (и другими новыми технологиями в рамках экспериментального правового режима) не только здоровью и жизни физических лиц и имуществу юридических лиц, но и природным объектам, а также окружающей среде в целом.

Переходя к вопросу о страховании, необходимо отметить, что согласно вышеназванным изменениям (ФЗ № 169), программа конкретного ЭПР должна включать положения о страховании деликтной ответственности его участников как в результате внедрения искусственного интеллекта, так и других новейших технологий в рамках данного режима.

Таким образом, в данном случае можно говорить о страховых случаях двух видов – наступление деликтной ответственности участника экспериментального правового режима за причинение вреда собственно искусственным интеллектом, так и объектами иных новых технологий. Данная разновидность страхования по своей правовой природе относится к страхованию ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ).

На настоящий момент проблема состоит в том, что правовое регулирование страхования гражданской ответственности участников ЭПР за вред, причиненный в результате внедрения и использования искусственного интеллекта и других новых технологий, содержит ряд неопределенных аспектов, которые могут негативно отразиться на реализации данных правоотношений.

Так, во-первых, в законодательстве недостаточно точно определен субъект ответственности за причинение вышеназванного вреда. Как известно, процесс разработки искусственного интеллекта состоит из нескольких стадий, в которых задействованы разные специалисты. В связи с этим возникает вопрос, кто является субъектом гражданской ответственности при причинении вреда искусственным интеллектом (равно как и объектами иных новых технологий).

При этом данный вопрос особенно важен при вступлении в страховые правоотношения – дело в том, что согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ, по договору страхования ответственности за причинение вреда может быть застрахован имущественный интерес не только страхователя, но и иного лица, которое потенциально может нести деликтную ответственность (выгодоприобретателя). К примеру, участник ЭПР (страхователь) может заключить страховую сделку в пользу лица, которое разработало технологии искусственного интеллекта (выгодоприобретатель). При этом по своей правовой природе данный договор страхования может быть заключен только в пользу того лица (страхователя или выгодоприобретателя), которое несет соответствующую ответственность. По этой причине видится актуальным четкое определение в законодательстве субъекта ответственности при внедрении и использовании искусственного интеллекта (или иных новых технологий).

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что имущественный интерес субъекта деликтной ответственности в данной разновидности страховых правоотношений состоит в нейтрализации негативных последствий имущественного характера, которые связаны с наступлением гражданской ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом. Соответственно,

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об охране окружающей среды" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Российская газета, № 6, 12.01.2002.

страховой риск в данном случае представляет собой потенциальную возможность наступления негативных имущественных последствий, связанных с гражданской ответственностью за причинение вреда.

Во-вторых, в законодательстве о данной разновидности страхования должны быть четко определены страховые случаи, страховые суммы и другие условия страхования, это объясняется обязательным характером данной разновидности страхования и отсутствием выбора со стороны участников относительно вступления в договорные отношения, что требует максимально выверенной правовой регламентации данных правоотношений.

Исходя из приведенных выше характеристик данной разновидности страховых правоотношений (прежде всего обязательный характер) целесообразно изменить правовую регламентацию таким образом, чтобы основные условия страхования, которые определяют качество страховой защиты (в частности, страховой случай, страховая сумма, порядок страховой выплаты), были закреплены именно в законодательстве, а не в программе экспериментального правового режима, как это имеет место в настоящий момент. Данный аспект представляется особенно значимым для защиты прав и имущественных интересов участников экспериментального правового режима.

Заключение

1. На настоящий момент представляется целесообразной разработка новой модели правового регулирования правоотношений, связанных с использованием и разработкой искусственного интеллекта (в том числе в рамках ЭПР), которая могла бы снизить риски причинения вреда и другого негативного воздействия новых технологий на жизнедеятельность человека, природных объектов и окружающей среды в целом. Данная правовая модель должна включать специальные нормы о причинении вреда искусственным интеллектом, а также о страховании деликтной ответственности.

2. В законодательстве, правовой науке и на практике недостаточно четко определен субъект ответственности (за причинение вреда) при разработке и реализации искусственного интеллекта. Кроме того, до сих пор отсутствует ответ на вопрос, что по своей сути кроется за понятием «причинение вреда искусственным интеллектом».

3. Для защиты субъективных прав и имущественных интересов участников ЭПР необходимо, чтобы все условия обязательного страхования ответственности за причинение вреда при разработке и использовании искусственного интеллекта (страховой случай, страховая сумма, порядок страховой выплаты) были закреплены в законодательстве, а не в программах экспериментального правового режима.

Список источников

1. Дегтярев М. В. К вопросу об истории и перспективах экспериментальных правовых режимов // Право и государство: теория и практика. 2020 г. № 12(192). С. 169–172.
2. Черепок С. Н. О некоторых подходах к определению субъекта ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Образование, технологии и общество на смене эпох: Материалы XX международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 28–29 марта 2024 года. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 651–659.
3. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 79–102.
4. Соловяненко Н. И. Актуальные тенденции правового регулирования и защиты прав в сфере цифрового взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности // Право и практика. 2022. № 1. С. 114–119.
5. Ручкина Г. Ф. Отдельные направления правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в РФ // Банковское право. 2021. № 6. С. 40–50.
6. Попова А. В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 34–41.
7. Виноградов В. А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. 2023. № 12. С. 157–166.

References

1. Degtyarev M. V. On the history and prospects of experimental legal regimes. *Law and state: theory and practice*. 2020;12(192):169–172. (In Russ.).
2. Cherepok S. N. On some approaches to determining the subject of responsibility for harm caused by artificial intelligence. In: *Education, technology and society on a change of eras: Materials of the XX International Congress with elements of a scientific school for young scientists*. In 2 volumes, Moscow, March 28-29, 2024. Moscow: Moscow University named S. Yu. Witte; 2024:651–659. (In Russ.).
3. Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):79–102. (In Russ.).
4. Solovyanenko N. I. Current trends in legal regulation and protection of rights in the field of digital interaction of business entities. *Law and practice*. 2022;(1):114–119. (In Russ.).
5. Ruchkina G. F. Certain areas of legal regulation of artificial intelligence, robots and robotics in the Russian Federation. *Banking law*. 2021;(6):40–50. (In Russ.).
6. Popova A. V. Ethical principles of interaction with artificial intelligence as the basis of legal regulation. *Rule of law: theory and practice*. 2020;3(61):34–41. (In Russ.).
7. Vinogradov V. A. Legal aspects of the development of artificial intelligence systems. *Law*. 2023;(12):157–166.

Информация об авторах

П. П. Баттахов – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ю. С. Овчинникова – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the authors

P. P. Battakhov – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ju. S. Ovchinnikova – Cand. Sci. (Law), Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 19.11.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 19.11.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-117-124>

EDN WAPJDX

Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений

Данил Насер Серих

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия,
dserix@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8013-3512>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений.

В настоящее время субъекты частного права, осуществляющие предпринимательскую деятельность, сталкиваются с новыми трудностями в условиях введения новых мер ограничительного характера, накладываемых зарубежными странами в отношении резидентов Российской Федерации, и ухода потенциальных иностранных партнеров, в связи с чем вопрос построения экономически выгодных гражданско-правовых правоотношений с публично-правовыми образованиями приобретают особую актуальность. Детальное изучение правового статуса публично-правовых образований позволит создать основу для раскрытия потенциала государственно-частного партнерства и в дальнейшей перспективе может оказать положительное влияние на экономику страны.

Основной целью исследования является анализ правового статуса публично-правовых образований как участника предпринимательских правоотношений. Автор стремится выявить аспекты, оказывающие негативное влияние на участие рассматриваемых субъектов в гражданском обороте.

Исследование было проведено с использованием общенаучных методов (анализ, синтез). Также при исследовании был применен специальный юридический метод (формально-юридический).

В результате проведенного исследования автор статьи делает вывод о том, что публично-правовые образования имеют особый правовой статус с наличием не характерных для иных участников гражданского оборота черт.

Ключевые слова: публично-правовые образования, правовой статус, предпринимательские правоотношения, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования

Для цитирования: Серих Д. Н. Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 117–124. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-117-124>. EDN WAPJDX

The peculiarities of the legal status of the public-law entities as the participants of the entrepreneurial civil law relations

Danil N. Serikh

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia,
dserix@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8013-3512>

Abstract. The article is devoted to the reviewal of the peculiarities of legal status of the public-law entities as the participants of the entrepreneurial civil law relations.

Nowadays, due to the sanctions imposed on the residents of the Russian Federation and withdrawal of the potential foreign partners by the foreign countries the private law entities face new difficulties when carrying out entrepreneurial activities; considering this, the issue of making the relations with public-law entities economically viable is of the special relevance. A detailed examination of the legal status of the private law entities will help to set the basis for unleashing the potential of the private law entities and can affect positively on the country's economy in the longer term.

The main goal of the study is the examination of the legal status of the public-law entity as the participant of the entrepreneurial civil law relations. The author is committed to discovering the aspects that affect negatively the participation of the examined subjects in civil relations.

General scientific methods (analysis, synthesis) were used when conducting the study. Special juridical method (the formal legal one) was also used in the study.

Resulting the study, the author concludes that the public-law entities have a special legal status and are characterized by the features that are non-specific to other participants of the civil relations.

Keywords: public-law entities, legal status, entrepreneurial civil law relations, Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, municipal formation

For citation: Serikh D. N. The peculiarities of the legal status of the public-law entities as the participants of the entrepreneurial civil law relations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):117–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-117-124>. EDN WAPJDX

Введение

За последние годы неблагоприятные внешние факторы, включая экономический кризис, пандемию, валютную нестабильность, падение цен на нефть и введение мер ограничительного характера в экономической сфере со стороны ряда других государств, оказали существенное влияние на экономику Российской Федерации. В таких условиях особую актуальность приобретает вопрос сотрудничества частного сектора и государства. Публично-правовые образования все активнее участвуют в гражданско-правовых отношениях для реализации публичных функций и целей, сформированных перед ними обществом, путем создания государственных юридических лиц, участия в инвестиционных проектах, заключения концессионных соглашений и др. Построение эффективной системы сотрудничества требует совершенствования правового регулирования гражданских правоотношений с участием публично-правовых образований.

Термин «публично-правовые образования»

Действующее законодательство не дает прямого определения термину «публично-правовое образование», его можно вывести из существующих правовых положений [1].

Термин «публично-правовые образования» встречается в Гражданском кодексе Российской Федерации в пункте 5 статьи 66, в котором закрепляется, что участниками хозяйственных обществ и вкладчиками в товариществах на вере могут выступать публично-правовые образования. Далее по тексту законодатель непосредственно ссылается на статью 125 упомянутого кодекса, устанавливающую

правила участия Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством¹.

Таким образом, термин «публично-правовое образование» является собирательным и объединяет в себе указанных субъектов права, что подтверждается не только положениями законодательства, но и правоприменительной практикой. В частности, Верховный суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в пункте 15 уточняет, что к публично-правовым образованиям относятся Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования².

Определение перечня субъектов, относящихся к публично-правовым образованиям, позволяет далее выделить и рассмотреть особенности их правового статуса.

Характерные черты публично-правовых образований

В соответствии с Конституцией РФ публично-правовые образования регулируют правоотношения субъектов внутри страны в различных сферах общественных отношений, а также обеспечивают экономическую стабильность, соблюдение прав человека и выступают надзорным органом. Для осуществления таких функций публично-правовые образования наделены властными полномочиями [2]. Однако, согласно статье 124 Гражданского кодекса РФ публично-правовые образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами – невзирая на то, что они наделены публичной властью.

Таким образом, если анализировать публично-правовые образования с точки зрения их правового статуса, можно сделать вывод о том, что такие субъекты имеют двойственную природу, которая в свою очередь не позволяет однозначно отнести их к другим участникам гражданских и предпринимательских правоотношений (например, к юридическим лицам). Доказательством двойственности правового статуса публично-правовых образований является сочетание в нем элементов публичного и частного права, что выражается в наличии одновременно властных полномочий и статуса равноправного субъекта гражданских правоотношений.

Еще одной особенностью статуса публично-правовых образований является то, что они не только формируют и реформируют правоотношения в гражданском обороте, но и определяют границы собственной правосубъектности в этой сфере, что не свойственно для иных участников гражданских правоотношений, которые подчиняются установленным правилам, а не формируют их [3].

Публично-правовые образования преследуют в гражданских правоотношениях не свои собственные, а публичные интересы, что отличает их от субъектов частного права [4]. Их участие в таких правоотношениях является вторичным, то есть служит инструментом для достижения государственных целей, которые определяются обществом.

Согласно гражданскому законодательству к деятельности публично-правовых образований применяются нормы права, регулирующие деятельность юридических лиц, если не предусмотрен иной порядок. При этом, порядок создания рассматриваемых субъектов является специфичным по сравнению с иными субъектами права. Они были образованы путем наделения их властными полномочиями народом России, а не с момента регистрации в ЕГРЮЛ, как это свойственно для юридических лиц. Так, Российская Федерация и ее субъекты, можно сказать, приобрели правосубъектность с момента принятия Конституции Российской Федерации или с момента внесения соответствующих изменений в основной закон государства, если рассматривать возникновение правосубъектности новых субъектов Российской Федерации. Правосубъектность Российской Федерации раскрывается в Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативно-правовых актах, что также характерно и для субъектов Российской Федерации с учетом применения и некоторых федеральных

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

законов, в частности Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». На основании таких нормативно-правовых актов они осуществляют свою деятельность.

На основании Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» можно сделать вывод о том, что правосубъектность муниципальных образований возникает с момента принятия закона субъекта Российской Федерации. Они осуществляют свою деятельность на основании законов, регулирующих их деятельность, и устава муниципального образования [5].

Таким образом, отличительная особенность правового статуса публично-правовых образований по сравнению с иными лицами обосновывается также тем, что их статус в большей степени регулируется публичным правом.

Согласно гражданскому законодательству, публично-правовые образования осуществляют свои права и обязанности через государственные органы, органы местного самоуправления или юридических лиц и граждан, в отношении которых выдано специальное поручение. Такой порядок схож с представлением интересов юридических лиц, где представителем чаще всего выступает единственный исполнительный орган или лицо, имеющее доверенность.

С точки зрения практического применения, крайне редко возникают сложности в определении уполномоченного лица, реализующего правомочия публично-правового образования. В частности, в судебном деле № А75-971/2022 концессионер по концессионному соглашению на основании письма юридического лица внес изменения в строительную документацию, тем самым увеличив стоимость объекта соглашения. Между тем, Восьмой арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 25.10.2022 № 08АП-9089/2022 при рассмотрении вопроса о внесении изменений в соглашение в связи с изменением стоимости объекта указал, что такое юридическое лицо не было уполномочено публично-правовым образованием. Необходимо отметить, что такое обстоятельство было не ключевым основанием для отказа в удовлетворении требований частного лица.

Вопрос отнесения публично-правовых образований к коммерческим или некоммерческим юридическим лицам остается нерешенным, так как существует неоднозначность правовой природы публично-правовых образований с точки зрения целей деятельности в гражданском обороте и предпринимательских отношениях, а также применения норм права, регулирующих деятельность юридических лиц, в отношении публично-правовых образований.

Целью деятельности публично-правовых образований является установление экономической стабильности и создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Для достижения таких целей при осуществлении своей деятельности публично-правовые образования вступают в предпринимательские отношения с иными участниками гражданского оборота. На основании изложенного, можно сделать вывод, что публично-правовые образования при осуществлении предпринимательской деятельности схожи с некоммерческими юридическими лицами, поскольку цель извлечения прибыли для такого субъекта является вторичной. Однако деятельность некоммерческих организаций в рамках осуществления предпринимательской деятельности ограничена законодательством, что идет вразрез с возможностью публично-правовых образований заключать гражданско-правовые сделки в различных целях.

Таким образом, вопрос определения целей деятельности публично-правовых образований в гражданском обороте является актуальным и требующим разрешения в законодательстве.

Имущественные права публично-правовых образований обладают специфическими чертами, несвойственными для имущественных прав иных участников правоотношений.

Так, в отличие от других субъектов права, публично-правовые образования могут владеть имуществом, ограниченным в обороте, а также приобретать объекты в собственность в особом порядке, например, путем изъятия земельного участка для государственных нужд или конфискации имущества иных субъектов. Например, земельные участки, на которых расположены водные объекты, на основании решения суда могут быть переданы в собственность России, поскольку такое недвижимое имущество ограничено в обороте и может принадлежать только публично-правовым образованиям. В отношении исследуемого субъекта действует также и особый порядок прекращения права собственности, например, путем приватизации имущества [6].

Публично-правовые образования являются единственным субъектом, который имеет правомочия по передаче собственного имущества в хозяйственное ведение или оперативное управление специальным субъектам, например, унитарному предприятию, приобретая тем самым статус учредителя. Иные материальные блага, остающиеся в собственности публичных субъектов, формируют казну, которая распределяется в рамках исполнения бюджета. Следует отметить, что активы публично-правовых образований возникли в результате передачи имущества в государственную и муниципальную собственность народом Российской Федерации, а не в качестве вклада, как это характерно для создания юридических лиц.

Анализ процесса построения договорных отношений с другими участниками гражданского оборота позволяет выявить иные отличительные черты правового статуса публично-правовых образований.

Сходство публично-правовых образований с юридическими лицами заключается в том, что оба этих субъекта – искусственные субъекты права, которые могут вступать в различные договорные отношения, то есть наделены общей правоспособностью. Однако принципиальным отличием данных субъектов является цель их существования. Публично-правовые образования созданы для решения общественных задач [7]. При этом, несмотря на наличие общей правоспособности, публично-правовые образования не могут быть стороной договора аренды, трудового договора и выступать дарителями в договоре дарения. Такой запрет обусловлен отсутствием личностных прав, а также стремлением исключить возможность безвозмездной передачи имущества публично-правовых образований третьим лицам. Данное ограничение распространяется и на разновидность договора дарения – пожертвования, поскольку в данном случае также имеет место безвозмездная передача имущества [8].

В ряде случаев в отношении публично-правовых образований действует особый порядок заключения гражданско-правовых договоров с иными участниками, например, посредством системы государственных и муниципальных закупок, регулируемой соответствующим Федеральным законом. Данный порядок направлен на обеспечение возможности публично-правовым образованиям заключать договоры на наиболее выгодных финансово-экономических условиях с надежными контрагентами, а также призван предотвращать коррупционные действия заинтересованных лиц и иные злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок.

Ответственность публично-правовых образований

В контексте исследования особенностей правового статуса публично-правовых образований важным аспектом является изучение их ответственности перед третьими лицами при участии в предпринимательских и договорных отношениях в случае неисполнения обязательств. При привлечении публично-правового образования к ответственности, источником покрытия обязательств перед кредиторами является бюджет соответствующего уровня: федеральный бюджет, бюджет субъекта Федерации или бюджет муниципального образования.

Отличительной чертой современного правового регулирования ответственности публично-правовых образований от советского периода является отсутствие судебного иммунитета. В советский период привлечение рассматриваемых субъектов к имущественной ответственности в судебном порядке было возможно только с их согласия [9]. В настоящее время, статья 126 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет возможность привлечения публично-правовых образований к ответственности за неисполнение обязательств, что является важным фактором, стимулирующим участие частного сектора в договорных отношениях с субъектом публичной власти, а также демонстрирует положительную динамику в сфере правового регулирования ответственности публично-правовых образований.

Однако ответственность публично-правового образования в предпринимательских отношениях все еще ограничена в части привлечения таких субъектов к имущественной ответственности.

Ограничения касаются возможности взыскания определённых видов имущества публично-правовых образований. Так, не подлежит взысканию имущество, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности, включая объекты, ограниченные в обороте, а также имущество, переданное публично-правовым образованием созданным юридическим лицам на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Кроме того, взыскание земельных участков и иных природных ресурсов возможно лишь в прямо предусмотренных законодательством

случаях, которые в настоящее время отсутствуют [10]. Из этого следует, что имущественная ответственность публично-правовых образований обладает рядом специфических особенностей, обусловленных их правовым статусом и закрепленными законодательством ограничениями на взыскание определенных видов имущества.

Публично-правовые образования не отвечают по обязательствам третьих лиц. При этом, данное правило не применяется в случае, если публично-правовые образования выступают в качестве гарантов (поручителей) по обязательствам третьих лиц, тогда они берут на себя ответственность за исполнение обязательств другого субъекта, но только в пределах обязательств, установленных гарантией или договором поручительства.

В соответствии с общим принципом, публично-правовые образования, как и участники (акционеры) хозяйственных обществ (статья 56 ГК РФ), не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Однако в отношении публично-правовых образований существует ряд исключений, не распространяющихся на иных субъектов права. Так, публично-правовые образования не несут ответственности по обязательствам бюджетных и автономных учреждений при недостаточности имущества последних для удовлетворения требований кредиторов, за исключением случаев возмещения вреда, причиненного гражданам, а также удовлетворения требований кредиторов, вытекающих из публичных договоров, в случае ликвидации таких юридических лиц. Таким образом, привлечение учредителей бюджетных и автономных учреждений к субсидиарной ответственности по обязательствам, вытекающим из непубличных договоров, невозможно, что свидетельствует о неравенстве субъектов правоотношений и нарушении баланса интересов сторон договора [11].

Таким образом, исходя из анализа нормативно-правовых актов, регулирующих ответственность публично-правовых образований, а также с учетом сложившейся практики, можно констатировать факт сохраняющейся в настоящее время ограниченности ответственности публично-правовых образований в предпринимательских правоотношениях, что является их характерным признаком и отличает их от других субъектов права.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о наличии особого правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений, который отличается от статуса других субъектов гражданского оборота, что обосновывается наличием следующих особенностей: сочетание в одном субъекте черт публичного и частного правового статуса (двойственная природа), особый порядок возникновения правосубъектности, исключительное право собственности на определенные объекты гражданского оборота, а также наличие ограниченной ответственности.

С учетом наличия у публично-правовых образований особого правового статуса общественные отношения, участником которых является такой субъект, создают отдельную область в системе гражданского права, в том числе – в предпринимательских правоотношениях.

Опираясь на позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что неоднозначность, неясность и недосказанность правового регулирования неизбежно препятствуют адекватному уяснению его содержания¹, считаем необходимым для целей обеспечения правовой определенности внести в Гражданский Кодекс Российской Федерации определение «публично-правовое образование» с отражением в нем черт, присущих только публично правовым образованиям, что сделано в отношении юридических лиц.

Результатом анализа гражданского законодательства в отношении публично-правовых образований стал вывод о том, что правовой статус такого субъекта, являющегося исключительным феноменом, недостаточно раскрыт в рамках законодательства. Так, например, в настоящее время отсутствие целей деятельности публично-правовых образований в гражданском обороте создает неоднозначность правовой природы таких субъектов в предпринимательских правоотношениях.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 6.

Предполагается возможным установление за публично-правовыми образованиями собственной цели деятельности в гражданском обороте, не свойственной для иных участников гражданского оборота, с определением разрешенных видов предпринимательской деятельности, путем внесения в пункт 2 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации положения следующего содержания: «Публично-правовые образования могут осуществлять любые виды предпринимательской деятельности для реализации целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Также при анализе законодательной базы было выявлено отсутствие положений закона, закрепляющих неприменение правил о юридических лицах в отношении публично-правовых образований.

Дальнейшее изучение и развитие правового статуса публично-правовых образований в гражданских правоотношениях является важным элементом правового регулирования современной экономики. Реформирование законодательства в этой сфере должно быть направлено на обеспечение четкости правового статуса рассматриваемого субъекта, что обеспечит стимулирование развития государственно-частного партнерства.

Список источников

1. Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40.
2. Журавлева А. В. Публично-правовые образования как субъекты гражданско-правовых отношений: понятия и виды // Colloquium-journal. 2019. № 21 (45). С. 81–84.
3. Кутафин О. Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал российского права. 2007. № 1 (121). С. 46–54.
4. Инжиева Б. Б. Участие государства в современном гражданском обороте: монография / Под ред. А. Я. Рыженкова. М.: Юстицинформ, 2014. 182 с.
5. Канаев Ю. Н. Муниципальные образования как субъекты гражданского права: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 192 с.
6. Гражданское право. Общая часть (учебник) (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. Г. Ф. Ручкиной). М.: "КНОРУС", 2021. 704 с.
7. Мочалов С. Ю. Некоторые правовые проблемы участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 89–99.
8. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 511 с.
9. Голубцов В. Г. Особенности имущественной ответственности публично-правовых образований в гражданском праве: общие положения // Вестник Пермского университета. 2012. № 2(16). С. 97–110.
10. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / В. А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 451 с.
11. Яговкина В. А. Ответственность публично-правовых образований по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 37–44.

References

1. Peshin N. L. Territorial organization of public government within the borders of federal territories. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;(7):35–40. (In Russ.)
2. Zhuravleva A. V. Public legal entities as subjects civil law relations: concepts and types. *Colloquium-journal*. 2019;21(45):81–84 p. (In Russ.)
3. Kutafin O. E. Russian Federation, its' subjects and municipal formations as the subjects of the civil law. *Journal of Russian law*. 2007;1(121):46–54. (In Russ.).
4. Inzhieva B. B. *Participation of the state in the civil law relations*: monograph. Rizhenkov A. Ya. (ed.). Moscow: Yusticinform; 2014. 182 p. (In Russ.).
5. Kanaev Yu. N. *Municipal entities as subjects of civil law*: monograph. Moscow: Yusticinform; 2020. 192 p. (In Russ.).

6. *Civil law. General part* (study book) (team of authors; under the editorship of Doctor of Juridical Science Professor Ruchkina G.F.). Moscow: "KNORUS"; 2021. 704 p. (In Russ.).
7. Mochalov S. Yu. Some legal problems of participation of public law entities in civil-law relations. *Actual Problems of Russian Law*. 2016;(3):89–99 p. (In Russ.).
8. *Civil law: Study book*. In 2 volumes. Gongalo B. M. (ed.). Volume 1. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Statut; 2017. 511 p. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G. Features of property liability of public-law entities in civil law: general provisions. *Bulletin of the Perm University*. 2012;2(16):97–110 p. (In Russ.).
10. Belov V. A. *Civil law* in 2 volumes. Volume 1. General part: study book for universities. Moscow: Yurajt; 2024. 451 p. (In Russ.).
11. Yagovkina V. A. Responsibility of Public Legal Entities for Debts of State and Municipal Institutions at the expense of Budget Funds. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;(8):37–44. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. Н. Серих – магистр юриспруденции, аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

D. N. Serikh – Master of law, Postgraduate Student of the Department of civil law and procedure and private international law of the RUDN University named after Patrice Lumumba.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Принцип ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ и корпоративный контроль: взаимосвязь и перспективы развития правового регулирования

Виталий Владимирович Супрун¹, Константин Николаевич Кокунов²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹2231330@mail.ru

²www@kokunov.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена отсутствием системного подхода в законодательстве касательно механизма игнорирования принципа ограниченной ответственности учредителей (участников) хозяйственных обществ и параллельно формирующейся в этой сфере судебной практике, развивающей общие положения о недопустимости злоупотребления правом. Авторами обосновывается неструктурность и бесперспективность подхода применения доктрины «снятия корпоративной вуали», целиком основанного на парадигме злоупотребления правом. Исследование включает в себя три этапа.

Во-первых, признавая корпоративный контроль образующим элементом доктрины «снятия корпоративной вуали», авторы рассматривают его место в динамике правового регулирования через призму теории правоотношения и юридических фактов.

Во-вторых, производится анализ судебной практики, демонстрирующей реализацию законодательного регулирования в исследуемой плоскости на примерах преодоления судами принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ, в том числе, в случаях использования конструкции юридического лица для обмана кредиторов, недокапитализации общества и смешения его капитала с капиталом участников.

В-третьих, обнаружив «обрыв» в динамике правового регулирования при использовании предлагаемых судебной практикой инструментов, первоочередно включающих в себя оценку добросовестности, авторы моделируют «развертывание» сущности юридического лица до момента, когда в ней обнаруживается влияние эксцессов волеобразования в корпорации. По результатам системного анализа формулируются выводы о взаимосвязи самостоятельности юридического лица, «снятия корпоративной вуали» и корпоративного контроля.

Проведенное исследование завершает резюмирующая позиция авторов о необходимости признания за методологией применения судами ст. 10 ГК РФ в рассматриваемом аспекте лишь временного характера, а также о потребности в этой связи в развитии общего родового нормативного регулирования.

Ключевые слова: ограниченная ответственность, юридическая личность, участники корпорации, юридический и фактический корпоративный контроль, механизм правового регулирования, система юридических фактов, злоупотребление правом, динамика правового регулирования

Для цитирования: Супрун В. В., Кокунов К. Н. Принцип ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ и корпоративный контроль: взаимосвязь и перспективы развития правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 125–135. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-125-135>. EDN VVYN00

The principle of limited liability of members of an economic company and corporate control: correlation and prospects for development of legal regulation

Vitaly V. Suprun¹, Konstantin N. Kokunov²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹2231330@mail.ru

²www@kokunov.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the lack of a systematic approach in the legislation regarding the mechanism of ignoring the principle of limited liability of founders (participants) of business companies and the parallel judicial practice that is being formed in this area, which develops general provisions on the inadmissibility of abuse of law and certain provisions of corporate and bankruptcy law.

The authors substantiate the lack of structure and futility of the approach of applying the doctrine of "removing the corporate veil", based entirely on the paradigm of abuse of law.

The research includes three stages.

Firstly, recognizing corporate control as a constituent element of the doctrine of "removing the corporate veil", the authors consider its place in the dynamics of legal regulation through the prism of the theory of legal relations and legal facts.

Secondly, judicial practice is being studied, demonstrating the implementation of legislative regulation in the studied plane on examples of courts overcoming the principle of limited liability of participants in business companies, including cases of using the structure of a legal entity to deceive creditors, undercapitalization of a company and mixing its capital with the capital of participants.

Thirdly, having discovered a "break" in the dynamics of legal regulation when using the tools proposed by judicial practice, which primarily include the evaluative ideology of good faith, the authors model the "deployment" of the essence of a legal entity to the moment when it is influenced by excesses of volition in a corporation. In this connection, conclusions are drawn about the relationship between the independence of a legal entity, the "removal of the corporate veil" and corporate control.

Based on the results of the exploration, a position is made on the need to recognize the methodology of application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation as temporary and the need for the development of a general generic regulatory regulation in the field under consideration.

Keywords: limited liability, legal personality, corporation participants, legal and real corporate control, legal regulation mechanism, system of juridical facts, abuse of law, dynamics of legal regulation

For citation: Suprun V. V., Kokunov K. N. The principle of limited liability of members of an economic company and corporate control: correlation and prospects for development of legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):125–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-125-135>. EDN VVYN00

Введение

Ограниченная ответственность является важным правовым принципом построения корпоративных юридических лиц, который защищает интересы участников экономических отношений, позволяя им вести бизнес с меньшим риском личных финансовых потерь, способствуя включению в предпринимательскую деятельность новых субъектов. Однако, без четких законодательных рамок этот принцип может привести к злоупотреблениям и нарушению прав других, «внешних» по отношению к корпорации лиц, а, в результате, и к отступлению от одного из самых существенных требований, которые предъявляются к объективному праву, – об определенности правовых норм [1].

В свою очередь, наиболее часто и широко доктринально обсуждаемым усечением действия указанного общего принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ является **доктрина «снятия корпоративной вуали»**, представленная такими институтами, как [2, с. 697]:

- привлечение к ответственности за убытки фактически контролирующих лиц в корпоративном праве согласно п. 3 ст. 53.1. Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее также – ГК РФ*);
- привлечение к субсидиарной ответственности основного общества или иных контролирующих должника лиц в банкротстве согласно абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ и ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002г. №127-ФЗ соответственно;
- привлечение основного общества к солидарной ответственности по долгам дочернего из сделок во исполнение указаний или с согласия основного общества согласно абз.абз. первому и второму п. 2 ст. 67.3. ГК РФ.

«Снятие корпоративной вуали» в своей сущности представляет юридический механизм, при котором правовая надстройка в виде юридического лица «отбрасывается» в тех случаях, когда очевиден её номинальный характер. «Правовая личность» и интересы юридического лица в указанном случае де-факто не формируются, а новое правосубъектное лицо создается с основной целью ограничения ответственности его учредителей (участников) по обязательствам перед третьими лицами.

Подобный обход номинального, а потому квазиправосубъектного по своей природе образования позволяет кредиторам привлечь к ответственности бенефициара, чья воля в действительности наличествует в отношениях.

В то же время из вышесказанного следует, что для эффективного применения механизма «снятия корпоративной вуали» необходимо исследовать процесс формирования воли внутри корпорации во взаимосвязи с институтом корпоративного контроля.

Корпоративный контроль в механизме правового регулирования

Под корпоративным контролем следует понимать фактическую или юридическую возможность лица определять волеизъявление корпорации в соответствии с волей и интересами такого лица, **при этом волеизъявление самой корпорации перестает быть самостоятельным, а обычный процесс волеобразования и волеизъявления в корпорации нарушается**, происходит вмешательство в полномочия органов управления корпорации [3].

Корпоративный контроль необходимо различать как возникающий из фактических или юридических оснований. Юридический корпоративный контроль возникает из преобладающего количества голосов на общем собрании или из корпоративного договора, характеризуясь использованием юридических средств в оформлении своих взаимоотношений между контролирующим лицом и подконтрольной организацией. В противовес этому при фактическом контроле подобные формализованные взаимосвязи не формируются, а отношения сторон развиваются преимущественно в предметно-фактической плоскости.

Представляется, что **в механизме правового регулирования юридический корпоративный контроль следует рассматривать как юридический факт-состояние в регулятивных правоотношениях или элемент сложного юридического факта (состава) в охранительных правоотношениях, а фактический – только как элемент сложного юридического факта (состава), приобретающего правовую релевантность исключительно в охранительных правоотношениях**. Указанная позиция обусловлена следующим.

В первую очередь, попытки рассматривать корпоративный контроль в качестве самостоятельного правоотношения едва ли будут успешными. В отсутствие субъективного гражданского права как вида и меры возможного поведения, а также корреспондирующей ему обязанности, нельзя констатировать существование правоотношения. Установленная гражданско-правовой нормой мера возможного поведения лишь тогда составляет субъективное гражданское право, когда ее реализация управомоченным лицом поставлена в зависимость от поведения других лиц [4, с. 14], то есть предусматривает возложение корреспондирующей обязанности на кого-либо¹.

Очевидно, что фактический контроль такой юридической связи не порождает.

Более того, корпоративный контроль в целом гипотетически мог бы быть признан «аналогом» классического субъективного гражданского права лишь при договорной модели осуществления

¹ За исключением, разве, секундарных прав. См.: [5, с. 307 – 308]. Однако и в данном случае корпоративный контроль в целом и фактический, в частности, нельзя квалифицировать как секундарное право, поскольку секундарные права возникают и существуют как вторичный элемент правоотношения, которое между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией отсутствует.

этого контроля. В случае же, когда корпоративный контроль осуществляется через преобладающее большинство голосов на общем собрании, налицо всего лишь реализация обычных корпоративных прав участия в управлении юридическим лицом.

Получается, что при юридическом внедоговорном корпоративном контроле контролирующее лицо реализует свои возможности влиять на волеизъявление организации посредством корпоративных правоотношений, тогда как в случае с фактическим контролем контролирующее лицо вообще не участвует в таких правоотношениях.

Далее, обратившись к такому элементу правоотношения, как объект, мы также приходим к выводу о том, что корпоративный контроль им не является.

Так, объект правоотношения в классическом его понимании представляет собой поведение обязанного лица [6, с. 138]. В то же время ни юридический внедоговорный корпоративный контроль, возникающий вне пределов правоотношений между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией, ни фактический контроль, при котором таких правоотношений не возникает в принципе, не могут быть признаны объектами правоотношения.

С. А. Зинченко различает объект правоотношения и объект права, при этом к объекту правоотношения он относит сознание обязанного лица, поскольку между правом и фактической деятельностью лица (поведением) не имеется точек соприкосновения [7, с. 86]. В таком понимании, очевидно, корпоративный контроль быть объектом правоотношения и подменять такое метаправовое понятие, как «сознание», не может.

В то же время корпоративный контроль может быть назван благом, поскольку пользуясь соответствующими возможностями из его осуществления, контролирующее лицо реализует вытекающие из собственных интересов потребности за счёт формирования волеизъявления подконтрольного лица. Однако, поскольку признание явления объектом права происходит именно установлением в отношении него правового режима [8, с. 122], корпоративный контроль в силу отсутствия закрепления правового режима (главным образом в ст. 128 ГК РФ) нельзя признать самостоятельным объектом права.

С учетом изложенного, представляется уместным рассматривать корпоративный контроль именно в системе юридических фактов.

Так, юридические факты представляют собой волевые акты, порождающие, изменяющие или прекращающие права (объективные и субъективные) [7, с. 16–17].

Зинченко С. А. справедливо отмечает, что «в юридических фактах нет ни грамма материального» [7, с. 110]: поскольку юридические факты – явление права, «идеального», постольку в них не может быть «материального». События же не являются самостоятельными юридическими фактами, а лишь условием возникновения права, но его результатом всегда будет действие [6, с. 163] – волевой акт.

В то же время, как отмечает В. Б. Исаков, «факты, прежде чем они проявят свое юридическое значение, должны быть надлежащим образом установлены и зафиксированы. Без этого они вряд ли могут быть использованы в качестве таковых» [9, с. 37, 44–46].

Выявление места корпоративного контроля в системе юридических фактов заключается в том, что сам по себе он не известен правовой действительности до того момента, пока не будет зафиксирован в юридически значимом акте. Однако, если в случае с юридическим контролем его фиксация как таковых проблем не вызывает, то осуществление фактического контроля зачастую имплицитно для большинства участников гражданского оборота¹.

Зинченко С. А. отмечал, что сложным юридическим фактам, по общему положению, не предшествуют конкретные юридические условия, так как они здесь приобретают статус элементов правообразующего основания [7, с. 36].

¹ В силу этого законодателем в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ избран подход указания не всех возможных обстоятельств, влекущих возникновение правоотношений из фактического контроля, а лишь признаков, свидетельствующих о нём, – через «возможность определять действия». Однако, на практике приходится иметь дело с тем, что соответствующая «возможность» устанавливается постфактум и характеризует собой не столько текущее состояние, сколько отдельное его ретроспективное проявление.

Принимая это во внимание, можно понять, откуда происходят трудности с выявлением места фактического контроля в системе юридических фактов, и почему он, как правило, проявляется в охранительных правоотношениях, где именно суд «со своей высоты» может оценить и придать юридическую силу фактическим обстоятельствам, а не формализованным правовым связям.

При таком рассмотрении, очевидно, что фактический контроль сам по себе не порождает прав и обязанностей, – для их возникновения необходимо накопление и других элементов сложного юридического факта (состава).

В доктрине высказывалась позиция о том, что возникновение корпоративного контроля следует рассматривать как бланкетный юридический факт-состояние, а осуществление корпоративного контроля – как бланкетный юридический факт [10, с. 69]. Осуществляется ли корпоративный контроль или нет в первом случае – не имеет значения для возникновения соответствующей обязанности контролирующего лица. При этом Красавчиков О. А. отмечал, что существуют такие юридические факты, содержание которых в норме права не раскрыто, но приводятся отдельные признаки тех или других фактов, с установлением которых судом норма права связывает юридические последствия [11, с. 77].

С таким подходом можно согласиться лишь частично.

Так, в случае с юридическим контролем возникновение юридического факта, порождающего регулятивные правоотношения, не вызывает трудностей в обнаружении. Например, лицо, которое приобрело контрольный пакет акций, получает ряд корпоративных прав и обязанностей. Из содержания этих прав может быть выведена возможность определять в своем интересе волеизъявление корпорации по широкому спектру вопросов. В таком случае можно говорить о формировании юридического факта-состояния корпоративного контроля и привязывать к его возникновению движение регулятивных правоотношений.

Однако, в ситуации с установлением фактического контроля видимых, формализованных юридических феноменов, из которых можно вывести сформированную возможность определять волеизъявление корпорации, мы не находим.

Возможно ли в таком случае говорить о существовании индивидуально-конкретных регулятивных правоотношений между фактически контролирующим лицом и подконтрольной организацией?

Представляется, что нет¹. Норма п. 3 ст. 53.1 ГК РФ о необходимости указанных лиц действовать добросовестно и разумно носит скорее декларативный характер, поскольку даже если предположить, что фактически контролирующее лицо каким-либо образом заявит о своём статусе, подобное заявление не будет иметь юридической силы, во-первых, из-за вероятностного характера содержащихся в нём сведений (поскольку, если контролирующее лицо захочет придать своим связям с организацией явный характер, оно воспользуется юридическими инструментами), во-вторых, в силу отсутствия в законе указания на возникновение юридических последствий из подобного рода актов.

Исходя из вышесказанного, стоит обозначить следующую систему.

Фактический корпоративный контроль является элементом сложных юридических фактов (составов) – волевых актов, порождающих, изменяющих или прекращающих права и обязанности. Сущностью такого элемента является возможность определять волеизъявление юридического лица, а содержанием – основания возникновения, порождающие данную возможность, проявление которых происходит в актах реальной, а не правовой действительности.

¹ Заметим, что возможны попытки конструировать «общее регулятивное правоотношение», основанное на обязанности действовать разумно и добросовестно в интересах контролируемого лица. Но тогда будет необходимо ответить на вопрос: что же это за правоотношение – вещное, обязательственное, корпоративное? Или же, возможно, это некий уникальный вид правоотношений, ещё одна *sui generis* конструкция? Решение подобного рода вопросов будет зависеть от принятых взглядов на теорию правоотношения в целом. Так, ранее названную обязанность действовать разумно и добросовестно можно рассмотреть и как квазикорпоративное отношение, и как общее публичное ограничение осуществления прав контролирующим лицом. Безусловно, разрешение данной дискуссии важно, однако, с нашей точки зрения, фактический контроль обретает наибольшую апробацию в механизме правового регулирования именно как элемент сложных юридических фактов (составов).

Сама по себе «фактическая возможность» с теоретической точки зрения должна остаточным образом включать в себя основания возникновения контроля, не опосредованные юридическими связями. В случае же обнаружения такой связи (преобладающего участия или договора), корпоративный контроль, обретая формализованную природу, становится юридическим.

Соответственно, именно с юридическим корпоративным контролем как с самостоятельным юридическим фактом-состоянием увязано движение регулятивных правоотношений, в то время как в охранительных отношениях такой факт-состояние выступает уже в качестве отдельного элемента сложного юридического факта (состава) «второго» уровня.

С функциональной точки зрения корпоративный контроль является неким «маркером», выявляющим формирование и движение воли юридического лица, в связи с чем можно было бы поспешно констатировать его обслуживающую роль по отношению к «снятию корпоративной вуали»: анализируя содержание юридического и корпоративного контроля в конкретном случае, можно судить о возможности отступления от принципа ограниченной ответственности участников общества.

Однако, указанное утверждение будет слишком поверхностным и не даст нам действительного понимания соотношения указанных явлений в механизме правового регулирования.

В этой связи для определения сущностных юридических взаимосвязей необходимо учитывать и сложившуюся судебную практику в рассматриваемой сфере.

Судебная практика по преодолению принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ

В первую очередь, стоит отметить популярный в правоприменении тезис о том, что «в тех случаях, когда фикция юридического лица **используется ненадлежащим образом, например, для обмана кредиторов**, допускается игнорирование оболочки юридического лица («снятие корпоративной вуали»)»¹.

Указанное, в частности, может происходить для создания видимости определенной деятельности в целях введения в заблуждение контрагентов и маскировки конечных правообладателей, построения фиктивных корпоративных схем, получения налоговых или иных преференций. В таких случаях суды привлекают к ответственности фактического выгодоприобретателя от злоупотребления правом².

Также отдельного упоминания заслуживает формирующийся в судебной практике подход о привлечении контролирующих лиц к ответственности в случае злоупотребления конструкцией юридического лица путем **смещения капиталов участника и общества**.

Так, Верховный суд РФ отметил, что «участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их "продолжением", в частности, когда самим участником допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества (например, использование участником банковских счетов юридического лица для проведения расчетов со своими кредиторами), если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным. В подобной ситуации правопорядок относится к корпорации так же, как и она относится к себе, игнорируя принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения»³.

Идея о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дел о банкротстве связывается судебной практикой с запретом на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ)⁴.

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2017 № 17АП-5217/2016-ГК по делу № А60-21564/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² Решение арбитражного суда Новосибирской области от 27.02.2024 по делу № А45-24070/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³ П. 28 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

К недобросовестному поведению контролирующего лица может быть отнесено также и избрание участником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исправно исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота, например, перевод деятельности на вновь созданное юридическое лицо в целях исключения ответственности перед контрагентами и т.п.¹

Еще одним примером усечения действия общего принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ, связанным с имущественной сферой, является **недокапитализация общества**.

Опуская дискуссию о необходимости и размере уставного капитала, стоит отметить, что в российском законодательстве присутствуют основания для привлечения учредителей или акционеров корпорации к ответственности за недостаточную капитализацию, в частности, согласно п. 3 и п. 4 ст. 66.2 ГК РФ. Однако данные основания связаны с первоначальной недостаточной капитализацией, а не объективной, т.е. такой, при которой активы компании после ее учреждения явно не соответствуют объему совершаемых ею хозяйственных операций [12].

При этом подобные идеи прослеживаются в судебной практике, хотя и не квалифицируются в качестве самостоятельного основания ответственности.

Так, в своём обзоре Верховный суд РФ, рассматривая вопрос о субординации требований контролирующего должника лица, отметил, что «у учредителей организации не было какой-либо неопределенности относительно рынка и масштабов деятельности нового, созданного ими, участника гражданского оборота. Уже на начальном этапе им было заведомо известно, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в сфере создания крупных объектов недвижимости ввиду очевидного несоответствия полученного ею имущества (денежные средства в сумме 10 тыс. рублей)»².

Изложенное выше свидетельствует об отсутствии системной структурности в подходах судебной практики к разрешению вопросов преодоления принципа ограниченной ответственности, что проявляется, в первую очередь, в тяготении к применению парадигмы злоупотребления правом.

Стоит учитывать, что признание определенных отношений злоупотреблением правом само по себе свидетельствует о выходе за его пределы [7, с. 106]. То есть речь идёт о ситуации, когда заложенная на абстрактном уровне модель регулирования отношений не сработала должным образом, а отношения получили развитие в фактическом поведении субъектов.

Так каким же образом это самое фактическое поведение вновь обретает правовое значение?

При попытке ответить на этот вопрос через призму ст. 10 ГК РФ, как к этому подталкивает современная судебная практика, мы обнаруживаем «обрыв» в динамике правового регулирования.

Указанная прерывистость обусловлена именно отсутствием целостного нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

При таких обстоятельствах представляется методологически обоснованным прибегнуть к диалектике «восхождения от абстрактного к конкретному» и рассмотреть в целом такую правовую конструкцию, как «юридическое лицо», выявив те существенные характеристики, которые в «снятом виде» влияют на весь складывающийся впоследствии комплекс общих и конкретных правоотношений в сфере ответственности участников хозяйственных обществ, структурируя динамику этих отношений.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² П. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Сущность конструкции юридического лица в системе правового регулирования

Попытки найти истоки необходимости введения в правовую систему категории «юридическое лицо» не раз предпринимались отечественными цивилистами. Так, Суханов Е. А. справедливо отмечает, что появление такой конструкции обусловлено потребностями имущественного оборота, а именно, уменьшением риска имущественных потерь для учредителей (участников) юридического лица путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданного ими нового субъекта права – юридическое лицо и ограничения этой ответственности имеющимся у него имуществом [13, с. 11].

Будучи преимущественно сторонником теории целевого имущества юридического лица, Евгений Алексеевич озвучивает ценную, с нашей точки зрения, идею **обособленности юридического лица от учредителей**.

При этом в рамках отдельных теорий юридического лица такое обособление, например, происходит через противопоставление естественного лица – физического лица, которое обладает сознанием, возможностью мыслить, волей и собственным интересом, и искусственного создания права – юридического лица [14] (теория фикций), через факт отчуждения в пользу юридического лица определенного имущества и его персонификации (теория целевого имущества) либо путем обоснования существования «социальных организмов», обладающих самостоятельной коллективной волей, интересами наравне с «организмами индивидуальными» (органическая теория) [15, с. 471].

Сущностной характеристикой во всех перечисленных случаях представляется идея об обособленности, «несовпадении» юридического лица с его учредителями и вытекающая из этого его *внешняя самостоятельность как субъекта права*¹.

Взаимосвязь самостоятельности юридического лица, «снятия корпоративной вуали» и корпоративного контроля

Самостоятельная правосубъектность в механизме правового регулирования реализуется посредством действий юридического лица своею волей и в своём интересе.

В подобной парадигме корпоративный контроль (как юридический, так и фактический) является ничем иным, как элементом сложных юридических фактов (составов), сигнализирующим об эксцессах нормального волеобразования в интересах самой корпорации, а не конечных бенефициаров. А ведь указанные интересы зачастую направлены противоположно. Корпорация как раз-таки и создаётся с тем, чтобы через заранее определённую систему управления упорядочить потребности различных субъектов в один «общий» интерес.

При этом, в силу особенностей механизма корпоративного участия членов общества² и необходимости их одновременного взаимодействия с контрагентами, очевидной становится потребность в новом субъекте права. Более того, простая совокупность интересов участников общества не обязана совпадать с интересом общества – на дистанции ему присущ синергический характер (как правило, в рамках определенной цели)³.

Также стоит отметить и сформировавшийся критический подход к оценке наличия у юридического лица самостоятельного интереса.

¹ Если обогатить содержанием описанную сущность, мы сможем увидеть такие типичные для теории права признаки юридического лица, как организационное единство, имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность, наличие собственного имени (наименования) и способность приобретать и осуществлять гражданские и процессуальные права и обязанности.

² В частности, различного уровня корпоративного участия у членов общества. Так, например, принцип «меньшинство подчиняется большинству» в дисперсной структуре управления, по нашему мнению, обуславливает формирование особого интереса корпорации. Хотя и в отдельно взятом случае де-факто этот интерес будет интересом большинства, в систематичном повторении управленческих решений мы имеем шанс обнаружить, что это самое большинство по своему составу не является идентичным. В этот момент и проявляется корпоративный эффект юридического лица как координационного объединения.

³ Возложение указанной цели на субъект с теоретической точки зрения происходит по-разному: например, через целевой характер передаваемого имущества или же интерес «социального организма».

Согласимся с мнением, что интересы юридического лица – категория довольно подвижная, сложно или почти не поддающаяся какой-либо раз и навсегда текстуальной формализации, фиксации, даже применительно к конкретному юридическому лицу, если в нем присутствуют как минимум три лица (участника). При этом высказывается мнение о том, что политико-правовые дискуссии, обосновывающие введение какого-либо нового института корпоративного права, не могут базироваться на понятии интересов юридического лица, а должны обосновываться соображениями защиты интересов отдельных участников или групп участников корпорации [16].

В дополнение к этому необходимо отметить, что интерес не может выполнять формально-юридической функции, поскольку он имеет метаправовую¹ природу, не позволяющую ему быть напрямую включенным в механизм правового регулирования. Влияние подобного интереса на динамику права, если и происходит, то опосредованно через сознание и волеобразование.

Полагаем, поскольку именно юридические факты играют центральную, сущностную роль в возникновении, движении, прекращении права во всех его формах и модификациях, то именно через них и происходит взаимосвязь между явлениями «фактическими» (эксцессы нормального волеобразования в юридическом лице, умаляющие его самостоятельную правосубъектность) и «юридическими» (наступление ответственности участника общества посредством «снятия корпоративной вуали») внутри конкретной юридической личности применительно к рассматриваемой сфере.

По сути, действует правило: кто умышленно нарушил цель существования «юридической личности», действующей своей волей и в своем интересе, и таким образом посягнул на исходные начала ее правосубъектности, тот лишается права ссылаться на защиту, даваемую самим фактом признания корпорации в качестве самостоятельного субъекта права.

Корпоративный контроль в этом механизме является элементом сложного юридического факта (состава), порождающего допустимость возложения ответственности на участников корпорации.

Аналогичным образом не усматривается правоприменительных проблем в квалификации смешения капиталов участника и общества, недокапитализации, фиктивности осуществления деятельности в качестве элементов сложных юридических фактов (составов) как в совокупности с корпоративным контролем, так и без него.

Описанный подход принципиально отличается от существующей правоприменительной парадигмы «латания дыр» через использование ст. 10 ГК РФ и обеспечивает непрерывность динамики правового регулирования.

Безусловно, на предельном удалении в основе этих двух механизмов лежит идея о «поломке» юридической личности и необходимости соответствующей реакции правовой системы. Однако, как право должно порождать должное, а не отражать сущее, так и в выборе правовой судьбы рассматриваемого института мы должны предложить для его адекватного развития такие инструменты воздействия, которые будут не просто «догонять» складывающиеся отношения в попытках закрыть всё новые эксцессы, а создадут целостную систему долженствований.

Заключение

Исходя из всего изложенного выше, вызывает сомнение обоснованность отдельных инструментов преодоления принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ в качестве исключительной меры, применяемой в индивидуальных случаях по усмотрению суда. Любые заранее нетранспарентные исключения из общего правила будут неминуемо приводить к непредсказуемости реализации правовой модели.

Современная практика применения судами ст. 10 ГК РФ в корпоративных и банкротных правоотношениях является примером временной методологии и добавляет правоприменению не гибкость, а непредсказуемость.

При выработке вполне ясных подходов судебная практика должна служить маркером, обуславливающим необходимость корректировки системы правовых норм, но не подменять саму эту систему.

¹ То есть, является концептуальным понятием, не входящим в число элементов правоотношения и права в целом, хоть и оказывающим на него влияние.

Перед юридическим сообществом в таком случае встает задача выработки общего родового нормативного регулирования в рассматриваемой сфере, отражающего основные принципы (в частности, о недопустимости игнорирования правовой личности юридического лица), по отношению к которым ответственность контролирующих лиц в корпоративном праве, субсидиарная ответственность в банкротстве будут выступать в качестве видовых и нормативно субординированных элементов.

Тогда корпоративный контроль верифицирует своё место в механизме правового регулирования как предсказуемый элемент сложных юридических фактов (составов), а не общая квазиправовая идея, которая судами через призму ст. 10 ГК РФ широко применяется при «снятии корпоративной вуали».

Список источников

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / Изд. 3-е, стереотип. М.: "Статут", 2001. 353 с. // https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_10.html#8
2. Шиткина И. С. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2017. 974 с.
3. Шиткин А. О. Понятие и основания возникновения корпоративного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 5(520). С. 104–121.
4. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Власова Анна Вадимовна. Ярославль, 1998. 150 с.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. 782 с.
6. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 509 с.
7. Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования : [монография]. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 142 с.
8. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав : Теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
9. Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 1998. 48 с.
10. Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США : понятие, основания и правовые последствия возникновения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Шиткин Андрей Олегович; М., 2020. 245 с.
11. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
12. Miola M. Legal capital and limited liability companies: the European perspective – 2005. – 4 ECFR 413.
13. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 454 с.
14. Мамагеишвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73.
15. Gierke O. F. Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895.
16. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

References

1. Pokrovsky I. A. *Basic problems of civil law*. Moscow: Statut; 2001. 353 p. // https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_10.html#8 (In Russ.).
2. Shitkina I. S. *Corporate Law: A Training course*. In 2 volumes. Ed. by I. S. Shitkin. Vol. 2. Moscow: Statut; 2017. 974 p. (In Russ.).
3. Shitkin A. O. The concept and grounds for the emergence of corporate control. *Economy and Law*. 2020;5(520):104–121. (In Russ.).
4. Vlasova A. V. *Structure of subjective civil law*: dis. ... cand. legal sciences. Yaroslavl; 1998. 150 p. (In Russ.).
5. Alekseev S. S. *Collected works : in 10 vols. [+Reference volume]*. vol. 3: Problems of the Theory of Law: a course of lectures. Moscow: Statut Publ.; 2010. 782 p. (In Russ.).

6. Ioffe O. S. *Selected works: v 4 t.* [Selected Works: in 4 volumes]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press; 2004. 509 p. (In Russ.).
7. Zinchenko S. A. *Legal facts in the mechanism of legal regulation.* Moscow: VoltersKluver Publ.; 2007. 142 p. (In Russ.).
8. Lapach V. A. *System of Civil Rights Objects: Theory and Judicial Practice.* Saint-Petersburg; 2002. 542 p. (In Russ.).
9. Isakov V. B. *Legal facts in Russian law: Textbook.* Moscow: Justicinform Publ.; 1998. 48 p. (In Russ.).
10. Shitkin A. O. *Corporate control law of Russia and the United States : the concept, reason and legal implications of the dissertation ...* Candidate of Legal Sciences. Moscow; 2020. 245 p. (In Russ.).
11. Krasavchikov O. A. *Legal facts in Soviet Civil Law.* Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1958. 183 p. (In Russ.).
12. Miola M. *Legal capital and limited liability companies: the European perspective.* 2005. – 4 ECFR 413.
13. Sukhanov E. A. *Comparative Corporate Law.* Moscow: Statut Publ.; 2014. 454 p. (In Russ.).
14. Mamagishvili V. Z. On the significance of legal entity theories in modern corporate Law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2021;(3):36–73. (In Russ.).
15. Gierke O. F. *DeutschesPrivatrecht.* Leipzig, 1895. (In Germany).
16. Stepanov D. I. Interests of the legal entity and its participants. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2015;(1):29–83. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Супрун – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

К. Н. Кокунов – магистрант юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

V. V. Suprun – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

K. N. Kokunov – Graduate student of the Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.08.2024; одобрена после рецензирования 22.09.2024; принята к публикации 29.09.2024.

The article was submitted 07.08.2024; approved after reviewing 22.09.2024; accepted for publication 29.09.2024.

Научная статья

УДК 346

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-136-144>

EDN TXSAGS

Правовой режим информации в сфере предпринимательства

Владимир Владимирович Тихонов^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, tiho13@rambler.ru

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье с теоретико-методологических позиций рассматривается правовая природа информации; анализируются ее основные характеристики релевантные для признания информации в качестве юридически значимой категории. Исходя из нормативного регламентирования и регулирования информации, автором выделяются типы ее правовых режимов: одним из которых является межотраслевой, а другие – отраслевые, имеющие собственную юридическую специфику. Проецируя информацию как юридически значимую категорию на предмет предпринимательского права, автором делается вывод, что она, «по общему правилу», должна отвечать принципу свободы предпринимательства, что, однако, не исключает отдельные ее нормативные ограничения в сфере имущественно-управленческих отношений.

Цель работы: исследовать специфику правового режима информации применительно к регулированию отношений, возникающих в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Задачи работы:

- 1) определить природу информации;
- 2) рассмотреть нормативные основы регулирования информации в отечественной юрисдикции;
- 3) проанализировать особенности правовых режимов информации в частном и публичном праве (частноправовых и публично-правовых отношениях);
- 4) исследовать особенности правового режима информации в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Объект исследования: общественные отношения, сопряженные с правовым режимом информации в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Предмет исследования: нормативные правовые акты и отечественная доктрина, касающиеся вопроса правового регулирования информации.

Основной вывод работы: правовой режим информации в сфере предпринимательства может быть двух типов. Первый – общей (межотраслевой), т.е. свободный поиск, получение, производство, распространение, отчуждение (в том числе возмездное) информации в имущественно-управленческой сфере. Пожалуй, данный правовой режим информации в сфере предпринимательства должен презюмироваться. Второй – специальные, созданные на основании актов, уполномоченных органов власти, связанные с отдельными ограничениями и/или исключением поиска, получения, производства, распространения, отчуждения информации в имущественно-управленческой сфере.

Ключевые слова: объект права, дискретность, публично-правовые отношения, частно-правовые отношения, имущественно-управленческие отношения

Для цитирования: Тихонов В. В. Правовой режим информации в сфере предпринимательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 136–144. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-136-144>. EDN TXSAGS

Problems of Civil and Business Law

Original article

The legal regime of information in the field of entrepreneurship

Vladimir V. Tikhonov^{1, 2}

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, tiho13@rambler.ru

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the legal nature of information from a theoretical and methodological point of view; analyzes its main characteristics relevant for the recognition of information as a legally significant category. Based on the regulatory regulation and regulation of information, the author identifies the types of its legal regimes: one of which is intersectoral, and the others are sectoral, having their own legal specifics. Projecting information as a legally significant category on the subject of business law, the author concludes that it, "as a general rule," must comply with the principle of freedom of entrepreneurship, which, however, does not exclude its individual regulatory restrictions in the field of property and management relations.

The purpose of the work: to investigate the specifics of the legal regime of information in relation to the regulation of relations arising in the field of entrepreneurial activity.

Tasks of the work:

- 1) determine the nature of the information;
- 2) consider the regulatory framework for regulating information in the domestic jurisdiction;
- 3) to analyze the features of the legal regimes of information in private and public law (private law and public law relations);
- 4) to investigate the peculiarities of the legal regime of information in the field of entrepreneurial activity.

The object of the study: public relations associated with the legal regime of information in the field of entrepreneurial activity.

The subject of the study: normative legal acts and domestic doctrine concerning the issue of legal regulation of information.

The main conclusion of the work is that the legal regime of information in the field of entrepreneurship can be of two types. The first is general (intersectoral), i.e. free search, receipt, production, distribution, alienation (including paid) of information in the property and management sphere. Perhaps, this legal regime of information in the field of entrepreneurship should be presumed. The second is special ones created on the basis of acts of authorized authorities related to certain restrictions and/or exceptions to the search, receipt, production, distribution, alienation of information in the property management sphere.

Keywords: object of law, discreteness, public-law relations, private-law relations, property-management relations

For citation: Tikhonov V. V. The legal regime of information in the field of entrepreneurship. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):136–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-136-144>. EDN TXSAGS

Кто владеет информацией – тот владеет миром.

Натан Ротшильд

Введение

Информация – континуум современного общества. Она подобно воздуху, повольно заполняющему все имеющееся пространство, формирует и обогащает все сферы человеческой жизнедеятельности. Без информации трудно представить не только общественное развитие, но и сосуществование индивидов. Поскольку, одним из основных ее функционалов является опосредование обмена данными. Так, согласно Толковому словарю информация – сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком [1, с. 250]. Более того, вполне допустимо полагать, что человек воспринимает, обрабатывает и использует информацию о тех объектах, субъектах и явлениях, которые в действительности возможно и не существуют (и не существовали). Яркими примерами могут выступать религиозные догмы, мифы, поверья и т.п. Иными словами информация неразрывно связана не только с материальным миром (миром сущего), но и с миром идеальным (миром мысленного, духовного). Ибо, обмен идеями, логическими конструкциями, понятиями и терминами, в сущности, является обменом определенной информацией.

В то же время информация, являющаяся по своей природе объектом мира идеальных (бестелесных) вещей, не может существовать без своего носителя. При этом носителями информации вполне могут выступать как иные объекты («телесные вещи»), так и субъекты. Так, по мнению И.А. Юрченко, особенностью информации является то, что ее невозможно представить без какой-либо материальной основы, она является атрибутом (свойством) материи и неотделима от нее. Даже тогда, когда информация отражается сознанием человека, она существует лишь в единстве с определенными нейрофизиологическими процессами, т.е. имеет свой материальный носитель [2, с. 15].

Информация как правовая категория

Особенно «фактурно» информация проявляется и используется в сфере права (юриспруденции). Так, согласно одной из концепций нормы права, выступающие основным регулятором общественных отношений, являются социальной информацией [3]. Правоприменение, воплощающееся в правоприменительных актах, уполномоченных органов власти, представляет собой, с одной стороны, информацию о реализации той или иной нормы права на практике, а, с другой – информацию о надлежащем толковании при применении данной нормы¹. Любая из договорных конструкций независимо от форм ее заключения (письменная, устная или конклюдентными действиями) является информацией. Следовательно, право (юриспруденция) как информация существует и проявляется посредством определенных материальных носителей, в частности текстов: нормативных правовых актов, правоприменительных актов (судебных, административных), договоров и некоторых др.

Более того, право как информация существует и проявляется посредством определенных субъектов. Так, носителями правовых знаний (юридической информации) являются судьи, ибо *jura novit curia*. Ученые-правоведы генерируют идеи, которые становятся содержанием права (действующей юриспруденцией).

Вместе с этим важно различать и разделять бесконечный поток информации на: юридически значимую и юридически иррелевантную информацию. Очевидно, что юридически значимой является информация, которая влияет на динамику правоотношений (их порождает, изменяет или прекращает). Однако определить юридически «незначимую» (иррелевантную к праву) информацию – это крайне сложная задача. Поскольку, не относящаяся к праву (юриспруденции) информация может выступить объектом (предметом) правоотношений и приобрести в определенной мере правовое (юридическое) значение. Так, рецепт пирога (информация о его изготовлении) для права иррелевантен, однако, если рецепт получает режим коммерческой тайны, то информация о его изготовлении в определенной степени имеет юридическое значение, по крайней мере, в части охраны ее распространения.

¹ В практической юриспруденции данный феномен получил наименование «сложившаяся практика».

Однако прежде чем перейти к анализу правового режима информации особенно в какой-либо сфере, необходимо определить ее как таковую применительно к праву (юриспруденции). Тем более что нарастающее количество нормативных правовых актов, так или иначе, регулирующих отношения в сфере информатизации российского общества, побуждает к исследованию и теоретическому осмыслению правовой природы информации.

В связи с этим отметить, что в настоящее время в Российской Федерации сформировалась отдельная отрасль права «Информационное право» – система правовых норм, регулирующих общественные отношения по поиску, получению, передаче, производству и распределению информации и производных от нее продуктов (информационных ресурсов, технологий, систем) [4, с. 16]. Следовало бы полагать, что информационное право призвано урегулировать всяческие общественные отношения, объектов (предметом) которых выступает информация. Однако такое предположение выглядит методологически утопическим. В силу того, что информация может выступать объектов (предметом) как частных, так и публичных правоотношений, а, в свою очередь, известно, что метода регулирования в двух обозначенных областях принципиально различна.

Обозначенное «противоречие» вполне можно снять, если рассматривать информацию исключительно в качестве объекта прав. Так, например, стул может выступать товаром по договору купли-продажи (гражданское правоотношение), а также предметом преступления в случае его хищения (уголовное правоотношение). Однако отождествление информации исключительно с объектом права является недопустимым упрощением в процессе исследования ее правовой природы.

Так, в первоначальной редакции ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ законодатель к видам объектов гражданских прав относил и информацию. Однако Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² исключил информацию из системы объектов гражданских прав. Хотя широкая дискуссия касательно данного решения в доктрине не наблюдалась, в частности не были освещены аргументированные мотивы законодательной редакции ст. 128 Гражданского кодекса РФ; такое положение вещей заслуживает поддержки. Поскольку, информация «выбивается» из системы объектов гражданских прав, не отвечая ее основным признакам и характеристикам. В подтверждение этому следует обратиться к генеральному, общему признаку для всех объектов гражданских прав – дискретности, т.е. физической и/или учетной определенности и обособленности от всех других объектов. По справедливому утверждению В. А. Лапача, пространственное обособление объектов представляет собой лишь частный, хотя и наиболее распространенный случай дискретности, характеризующий по преимуществу вещи. Но во многих случаях одного лишь пространственного обособления недостаточно, требуется еще и обособление объекта с помощью тех или иных приемов и способов учета применительно к определенной отрасли права [5, с. 11].

Очевидно, что информация вещью не является. Более того, в силу всеобъемлющего и вездесущего характера информации, она не может быть обособлена пространственно. Следовательно, ей необходимы иные (непространственные) дискретно-обособляющие характеристики, которые, во-первых, позволят определить ее правовую природу, а, во-вторых, будут способствовать ее учету и правовому урегулированию. В виду этого, В. А. Лапач, характеризуя информацию как объект гражданского права, указывал, что именно «привязка» информации к личности ее обладателя и устранения от этой информации всех третьих лиц образует правовое ядро данного объекта [6]. Пожалуй, основным характеризующим информацию признаком является ее носитель, который обособляет в себе информацию от иных объектов. Носитель информации (объект или субъект) выступает дискретирующим признаком информации как объекта права.

В свою очередь предопределять правовую природу информации наряду с ее носителем будет уже ее содержание, т.е. те сведения и факты, которые она в себя включает. Например, информация о персональных данных, очевидно, будет иметь публично-правовую природу, а информация, индивидуализирующая субъекта предпринимательской деятельности – частноправовую.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.

Информация, безусловно, является межотраслевой категорией. Поскольку, выступает объектом (предметом) правоотношений всех отраслей права. Так, к примеру, Конституция Российской Федерации¹ гласит:

- сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (ст. 24);
- каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29);
- гарантируется свобода массовой информации (ч. 5 ст. 29);
- каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42);
- в ведении Российской Федерации находится: информация, информационные технологии и связи, обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «и», «м» ст. 71).

Столь широкое использование категории «информация» в основном законе нашей страны свидетельствует об особой ее защите и охране. Более того, Конституционным Судом РФ было подтверждено, что право физического или юридического лица на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и обязанности этого лица, может быть ограничено лишь на основании прямого указания на это в федеральном законе и при соблюдении требований соразмерности (справедливости), в том числе в интересах неразглашения сведений, составляющих государственную тайну, а равно иные виды охраняемых законом тайн².

Очевидно, что в приведенных нормах права и правоприменении информация декларируется в публично-правовом ее смысле, т. е. как основное конституционное право присущее каждому субъекту российского государства.

Стоит отметить, что в отечественной доктрине предпринимались попытки определить правовой режим информации. Так, Л. К. Терещенко в своем диссертационном исследовании, дала следующее определение правового режима информации – это объектный режим, вводимый законодательным актом и позволяющий обеспечить комплексность воздействия посредством совокупности регулятивных, охранительных, процессуально-процедурных средств, характеризующих особое сочетание дозволений, запретов и обязываний, а также гарантий по его соблюдению [7, с. 13].

Однако приведенное определение правового режима информации укладывается лишь в публично-правовую «плоскость». Что подтверждается, во-первых, тем, что диссертация была выполнена по действующей в то время специальности: «12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право»; а, во-вторых, сам автор признает: «Информация, являющаяся объектом частноправовых отношений, как правило, не имеет общего режима» [7, с. 15]. Вместе с этим возникает вопрос: все-таки имеется ли какой-либо правовой режим информации в сфере частноправовых отношений, и в сфере предпринимательских, в частности?

Так, Л. К. Терещенко отмечает, что: «Анализ включения информации в экономику показал, что свойством быть товаром обладают отдельные категории информации, соответственно, это свойство нельзя рассматривать как присущее информации в целом и как обязательное условие, при наличии которого информация может являться объектом правоотношений»; «Информация, являющаяся объектом публично-правовых отношений, не включается в экономический оборот, хотя и может иметь потенциальную экономическую ценность, тогда как информация, являющаяся объектом гражданских прав, может в нем участвовать, а также быть исключенной из него» [7, с. 14, 15].

В то же время товаром в экономическом смысле является любой объект, участвующий в обмене [8]. Таким образом, любая не ограниченная в обороте информация вполне может выступать

¹ Конституция Российской Федерации // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 235 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРЕЙТ»» // Собрание законодательства РФ. 08.05.2023. № 19. Ст. 3519.

товаром, а, следовательно, и объектом (предметом) частноправового отношения. Пожалуй, в самом общем правовом смысле всю информацию можно разделить на два типа:

- информация, которая может выступать товаром и быть объектом (предметом) частноправовых отношений;
- информация, которая не может выступать товаром и является объектом (предметом) публично-правовых отношений.

Вместе с этим следует признать, что и в рамках публично-правовых отношений, и в рамках частноправовых отношений информация имеет отдельные правовые режимы ее использования, распространения, отчуждения и пр. Данные режимы можно условно обозначить как: общий и специальные.

Общий правовой режим информации для всех отраслей права должен зиждиться на принципе ее свободного поиска, получения, производства, распространения, отчуждения (в том числе возмездного). Однако отдельными нормативными правовыми актами¹ поиск, получение, производство, распространение и отчуждение (в том числе возмездное) может ограничиваться и/или исключаться; что представляет собой уже отдельные специальные режимы информации, т.е. специальные правовые режимы информации в рамках отдельных отраслей права.

В связи с этим стоит отметить, что в Российской Федерации в настоящее время действует «специальный» Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², назначением которого является регулирование осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применение информационных технологий; обеспечение защиты информации. В числе прочего данный закон указывает, что:

- информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления (п. 1 ст. 2);
- информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений (ч. 1 ст. 5).

Однако большая часть данного законодательного акта сводится к установлению всяческих информационных ограничений. Следовательно, полагаем, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как раз и устанавливает специальный правовой режим различной информации, т.е. специальный правовой режим информации для отдельных отраслей права.

Информация и предпринимательские отношения

Однако предметный интерес для настоящей работы представляет определение правового режима информации сопряженного с поиском, получением, производством, распространением, отчуждением (в том числе возмездным) информации в процессе осуществления предпринимательской деятельности. В связи с этим хотелось бы привести утверждение проф. В.К. Андреева: «Внедрение в гражданских оборот информационных технологий невозможно без изучения влияния на правовое регулирование предпринимательства, бизнес-моделей, построенных на цифровых платформах и экосистемах» [10, с. 36].

Тривиально, что предпринимательскими отношениями в теоретико-правовом смысле их рассмотрения являются имущественно-управленческие отношения. Иными словами предпринимательские отношения складываются:

- в управленческой (регулятивной) сфере,
- в «горизонтальной» (товарно-денежной) сфере,
- во внутрихозяйственной (корпоративной) сфере [11, с. 9].

¹ В доктрине было высказано мнение, что ограничение и/или исключение свободного поиска, получения, производства, распространения, отчуждения информации может происходить только на основании федерального закона. См. об этом: [9]. Султанов А.Р. Есть ли у хозяйствующего субъекта свобода поиска информации, или Снова об истребовании информации у антимонопольного органа // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 55 - 69.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (действующая ред.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

Следовательно, полагаем, что правовой режим информации в сфере предпринимательских отношений (предпринимательстве, предпринимательском праве) имеет тоже общий и специальный типы.

Свобода предпринимательской деятельности, провозглашенная в Конституции РФ (ч. 1 ст. 34), предопределяет презумпцию общеправового (межотраслевого) режима информации в сфере предпринимательства, т.е. ее свободный поиск, получение, производство, распространение, отчуждение (в том числе возмездное). Иными словами в предпринимательском праве (впрочем, как и в любом ином) вполне справедлив общеправовой (межотраслевой) правовой режим информации.

Однако законодатель в Российской Федерации достаточно подробно и разнообразно регламентирует информацию в сфере предпринимательской деятельности, в качестве подтверждения приведем ряд актов: Федеральный закон «О коммерческой тайне»¹, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»², Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»»³, Постановление Правительства РФ «О единой федеральной государственной информационной системе учета отходов от использования товаров»⁴, Постановление Правительства РСФСР «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну»⁵, Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»⁶, Приказ Минфина России «Об утверждении форм сведений (информации) об остатках драгоценных металлов ... которые вносятся юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в государственную интегрированную информационную систему ...»⁷, Приказ Минпромторга России «Об утверждении методических рекомендаций по заполнению форм предоставления информации для включения в государственную информационную систему промышленности субъектами деятельности в сфере промышленности, органами государственной власти и органами местного самоуправления»⁸, Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении основных направлений развития информационной системы «Одно окно» в сфере внешнеторговой деятельности на 2023 – 2024 годы»⁹, Письмо Минцифры России «о рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий»¹⁰.

¹ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (действующая ред.) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 2009-ФЗ (действующая ред.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.

³ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (действующая ред.) «Об утверждении программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2162.

⁴ Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 868 (действующая ред.) «О единой федеральной государственной информационной системе учета отходов от использования товаров» // Собрание законодательства РФ. 23.05.2022. № 21. Ст. 3447.

⁵ Постановление Правительства РСФСР от 05.12.1991 № 35 (действующая ред.) «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну» // СП РФ. 1992. № 1 -2. Ст. 7

⁶ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (действующая ред.) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. 10.03.1997. № 10. Ст. 1127.

⁷ Приказ Минфина России от 03.12.2021 N 208н (действующая ред.) «Об утверждении форм сведений (информации) об остатках драгоценных металлов, драгоценных камней, ювелирных и других изделий из них, которые вносятся юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в государственную интегрированную информационную систему в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2021.

⁸ Приказ Минпромторга России от 16.06.2023 № 2205 (действующая ред.) «Об утверждении методических рекомендаций по заполнению форм предоставления информации для включения в государственную информационную систему промышленности субъектами деятельности в сфере промышленности, органами государственной власти и органами местного самоуправления» // Документ опубликован не был.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 15.04.2023 № 955-р «об утверждении основных направлений информационной системы «Одно окно» в сфере внешнеторговой деятельности на 2023 – 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 24.04.2023. № 17. Ст. 3176.

¹⁰ Письмо Минцифры России от 15.03.2023 № МП-П11-070-17504 «О рассмотрении обращений субъектами предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» // Документ опубликован не был.

Тривиально, что приведенные акты, уполномоченных органов власти, так или иначе, устанавливают определенные (специальные) правовые режимы информации в сфере предпринимательства.

Вывод

Итак, правовой режим информации в сфере предпринимательства может быть двух типов. Первый – общей (межотраслевой), т.е. свободный поиск, получение, производство, распространение, отчуждение (в том числе возмездное) информации в имущественно-управленческой сфере. Пожалуй, данный правовой режим информации в сфере предпринимательства должен презюмироваться. Второй – специальные, созданные на основании актов, уполномоченных органов власти, связанные с отдельными ограничениями и/или исключением поиска, получения, производства, распространения, отчуждения информации в имущественно-управленческой сфере.

Список источников

1. Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт языка им. В. В. Виноградова . –4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Юрченко И. А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. –М., 2000. 35 с.
3. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. –М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.
4. Куликова С. А. Информационное право России: учебное пособие. –Саратов: изд. Саратовского ун-та, 2010. 196 с.
5. Зинченко С. А., Лапач В. А., Шапсугов Д. Ю. Проблемы объектов гражданских прав. –Ростов-на-Дону: изд. СКАГС, 2001. 248 с.
6. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. –Санкт-Петербург: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. 544 с.
7. Терещенко Л. К. Правовой режим информации. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. –М., 2011. 55 с.
8. Ведута Н. И. Социально эффективная экономика. –М.: изд. РЭУ, 1999. С. 11–25.
9. Султанов А. Р. Есть ли у хозяйствующего субъекта свобода поиска информации, или Снова об истребовании информации у антимонопольного органа // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 55–69.
10. Андреев В. К. Вопросы теории правового регулирования предпринимательства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 36–46.
11. Зинченко С. А. Российское предпринимательское право (курс лекций в презентационных материалах). –Ростов-на-Дону: изд. СКАГС, 2012. 234 с.

References

1. Ozhegov S. N., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions* / Russian Academy of Sciences: V.V. Vinogradov Institute of Language. –4th ed., supplement. Moscow: Azbukovnik; 1999. 944 p. (In Russ.).
2. Yurchenko I. A. *Confidential information as a subject of criminal law protection*. Author's abstract. diss. ... cand. Jurid. Sciences. Moscow; 2000. 35 p. (In Russ.).
3. Kudryavtsev Yu. V. *Norms of law as social information*. Moscow: Legal lit., 1981. 144 p. (In Russ.).
4. Kulikova S. A. *Information law of Russia: a study guide*. Saratov: Publishing house of the Saratov University; 2010. 196 p. (In Russ.).
5. Zinchenko S. A., Lapach V. A., Shapsugov D. Yu. *Problems of objects of civil rights*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2001. 248 p. (In Russ.).
6. Lapach V. A. *The system of objects of civil rights: theory and judicial practice*. –St. Petersburg: Law Center PRESS; 2002. 544 p. (In Russ.).

7. Tereshchenko L. K. *The legal regime of information*. The autorefer. diss. ...Dr. Yurid. Sciences. Moscow; 2011. 55 p. (In Russ.).
8. Veduta N. I. *Socially effective economics*. Moscow: REC; 1999:11–25. (In Russ.).
9. Sultanov A. R. Does an economic entity have the freedom to search for information, or Again about requesting information from the antimonopoly authority. *Bulletin of the Humanities University*. 2023;4(43):55–69. (In Russ.).
10. Andreev V. K. Questions of the theory of legal regulation of entrepreneurship in the context of digitalization. *Journal of Russian Law*. 2022;(2):36–46. (In Russ.).
11. Zinchenko S. A. *Russian business law (a course of lectures in presentation materials)*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2012. 234 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Тихонов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры гражданского права ЮФУ.

Information about the author

V. V. Tikhonov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 18.10.2024.

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 18.09.2024; accepted for publication 18.10.2024.

К вопросу о необходимости криминализации скулшутинга

Сергей Петрович Бондарев¹, Елена Александровна Миллерова²

¹Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, plyuginairina@mail.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов на Дону, Россия, millerovyEVEA@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины и последствия актов насилия в учебных заведениях. Авторы анализируют социокультурные факторы, способствующие возникновению скулшутинга, такие как агрессия в окружающем несовершеннолетнего обществе и влияние медиапространства и социальных сетей. Также обсуждаются психологические аспекты, включая состояние жертв и их окружения. Исследование основано на данных о случаях, произошедших в России, и их сравнении с международной практикой. Особое внимание уделено мерам профилактики и необходимости введения специальной нормы, регламентирующей уголовную ответственность за совершение акта вооруженного нападения на образовательную организацию. Для реализации этих мер в образовательных учреждениях особо стали акцентировать внимание на мерах безопасности как учащихся, так и работников учебных заведений, направлена работа на поддержание здорового психологического и морального климата, на собраниях проводится просветительская работа среди преподавателей, обучающихся и их родителей о фактах, на которые следует обращать при обучении и воспитании детей. Своевременное выявление, оказание профессиональной, психологической помощи подросткам, склонным к совершению актов насилия либо совершения любого преступления против жизни и здоровья позволит предотвратить наступление общественно опасных последствий как для окружающих, так и для самого скулшутера.

В заключении статьи подчеркивается важность комплексного подхода к решению проблемы и вопрос о необходимости криминализации вооруженных нападений на образовательные организации.

В целях обеспечения общественной безопасности населения, а также соблюдения общественного порядка предлагается в рамках уголовного законодательства предусмотреть самую строгую ответственность за рассматриваемое общественно опасное деяние, совершенное в образовательной организации.

Ключевые слова: скулшутинг, квалификация, преступление, убийство, колумбайн, деструктивные сообщества, субкультура, объективная сторона

Для цитирования: Бондарев С. П., Миллерова Е. А. К вопросу о необходимости криминализации скулшутинга // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 145–152. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-145-152>. EDN TRKJTR

On the issue of the need to criminalize schoolshooting

Sergey P. Bondarev¹, Elena A. Millerova²

¹Stavropolsky branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russia, plyuginairina@mail.ru

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, millerovyEVEA@yandex.ru

Abstract. The article examines the causes and consequences of acts of violence in educational institutions. The authors analyze the sociocultural factors that contribute to the emergence of school shooting, such as aggression in the surrounding juvenile society and the influence of the media space and social networks. Psychological aspects are also discussed, including the condition of the victims and their environment. The study is based on data from cases that occurred in Russia and their comparison with international practice. Particular attention is paid to preventive measures and the need to introduce a separate article into the norms of criminal legislation for this crime. In conclusion, the importance of an integrated approach to solving the problem is emphasized.

To implement these measures, educational institutions have begun to focus on safety measures for both students and employees of educational institutions, work is aimed at maintaining a healthy psychological and moral climate, educational work is carried out at meetings among teachers, students and their parents about the facts that should be paid attention to when teaching and raising children. Timely identification, provision of professional and psychological assistance to adolescents who are prone to committing acts of violence or committing any crime against life and health will prevent the onset of socially dangerous consequences both for others and for the schoolshooter himself.

In order to ensure the public safety of the population, as well as the observance of public order, it is proposed to provide for the strictest liability for the socially dangerous act in question within the framework of criminal legislation. By the forces of the juvenile affairs units, together with the teaching staff of educational institutions, conducting preventive conversations with schoolchildren and their parents on the presented topic, drawing attention to the behavior of students in an educational institution and directly in the team, will contribute to achieving this goal.

Keywords: school shooting, qualification, crime, murder, Columbine, destructive communities, sub-culture, objective side

For citation: Bondarev S. P., Millerova E. A. On the need to criminalize schoolshooting. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):145–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-145-152>. EDN TRKJTR

Введение

В последние годы в России наблюдается тревожная тенденция увеличения вооруженных нападений на школы, вызывающая большой общественный резонанс. Эти события ставят под угрозу безопасность учащихся и педагогов, вызывая вопросы о причинах и последствиях таких действий. Анализ подобных инцидентов и законодательства, в части регламентации ответственности за них необходим для понимания факторов, способствующих совершению данного преступления в образовательной среде.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) за период с 2014 г. зафиксировали в 34 регионах более 100 случаев, связанных с нападением на школы. Только за последний год нападений на учебные заведения было более 10. Орудия, с которыми происходили нападения, разнообразны – начиная от огнестрельного оружия, заканчивая ножами и молотками.

Непредсказуемость, неявность корреляций с мотивирующими факторами, аналогии исходных ситуаций и во многом единый сценарий самого преступления, его многократное повторение и тиражирование – стали атрибутами преступлений-копий, подобно вирусу, распространяясь в конце XX – XXI вв. [1].

Перед тем как рассмотреть необходимость введения в уголовное законодательство Российской Федерации ответственности за действия, предусмотренные скулшутингом, а именно причинение смерти двум и более лицам, совершенное в образовательной организации необходимо установить причины совершения таких действий.

Теоретические понятия скулшутинга

Большой вклад в развитие данной темы вложили такие авторы, как: Д. Э. Дуглас, П. Лангман [2], Н. Ф. Борисова [3], О. В. Дамаскин [4].

Скулшутинг применительно к исследованию является социальным, правовым и психологическим явлением, которое находится в непрерывной трансформации.

Определению понятия и природы скулшутинга посвящено множество исследований. Карпова А. Ю. и Максимова Н. Г., например, предлагают следующее понятие: «Скулшутинг – это форма планирования, организации, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения одним или несколькими учащимися с целью массового убийства» [5]. Во многом это понятие отражает все признаки, присущие явлению скулшутинга. Однако считаем, что при указанном явлении нападение может осуществляться не только учащимися, но и третьими лицами, в том числе по заказу или сговору с учащимися.

По мнению В. В. Васильева, «под скулшутингом следует понимать случаи школьного насилия, когда ученик или бывший ученик младшей средней школы, университета или колледжа совершает запланированное нападение на своих сверстников, учителей, другой персонал или прохожих в школьных зданиях или на территории кампуса» [6].

Делибалт В. В., Богданович Н. В. предлагают понимать под скулшутингом вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников и преподавателей внутри учебного заведения [7].

Исходя из рассмотренных выше определений выделим следующие признаки, присущие шутингам:

Вооруженность (наличие стрелкового оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, холодного оружия у лица, осуществляющего нападение).

В российском скулшутинге присутствует холодное оружие, так как в нашей стране огнестрельное оружие не подлежит открытой реализации, что и отличает американский скулшутинг, где оружие находится в свободном обороте. Из практики скулшутинга в России известно 7 преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, последнее из которых совершено 23.12.2023 г. в г. Брянске.

В качестве примера нападения на образовательную организацию с иным предметом можно привести следующий пример. 23 сентября 2024 г. в п. Балаганск в СОШ№1 13-летний ученик напал на своих одноклассников, используя в качестве орудия молоток¹.

Территория (образовательное учреждение, а именно школа, лицей, гимназия, институт, академия, университет, колледж, образовательный центр).

Отсутствие требований к личности преступника (независимость от принадлежности к группам, организациям, а также образовательным организациям, что означает вероятность нападения третьих лиц).

Умысел на причинение вреда жизни и здоровью неограниченному кругу лиц (вне зависимости от отношения, знакомства с обучающимся. Иначе говоря, случайный подбор жертв преступления).

Причины проявления скулшутинга в молодежной среде

Социально-психологические аспекты скулшутинга в России исследуют Е. А. Пастыка и М. Е. Питанова [8], С. К. Погребная [9], отмечая, что факторами вовлеченности подростков в деструктивные группы могут стать особенности личности, среди которых маргинальность, «затяжной» патологический подростковый негативизм, возбудимость, импульсивность, пониженный (повышенный) интеллект, эгоцентрическая фиксация, несформированность коммуникативных навыков, эмоционально-волевые нарушения, нарушение идентичности, поляризация самооценки, когнитивные искажения, чувство одиночества.

¹ В Балаганске школьник с молотком напал на одноклассников. – URL:<https://www.irk.ru/news/20240923/school/> (дата обращения 07.10.2024)

Цель и мотивы нападения могут различаться, так как зачастую причиной и поводом служат различные проявления. Психика несовершеннолетнего наиболее подвержена негативному воздействию.

Таким образом, причинами могут выступать следующие факторы: неуспеваемость в учебе, издевки сверстников и преподавателя, травля, семейные проблемы, вовлеченность в антисоциальные группировки, неразделенная любовь, стресс и т.д.

Считаем, что нападение на школу является лишь следствием длительного психического воздействия на несовершеннолетнего, как со стороны учащихся образовательной организации, так и со стороны сторонних лиц, при помощи мессенджеров и социальных сетей с радикально настроенными взглядами.

Одни из последних случаев шутинга в России связаны с воздействием на несовершеннолетнего как со стороны сверстников, обучающихся с ним в одной образовательной организации, так и воздействием третьих лиц в мессенджерах, которые подстрекают их к совершению преступных действий именно в образовательной организации. Следует заметить, что мотивация у несовершеннолетнего – это, как правило, месть за моральные и физические издевательства, которая не коррелируется с мотивацией людей, подстрекающих к совершению данного деяния.

Одной из групп, романтизирующих акции скулшутинга и пропагандирующих фильмы с ним связанные, носит название «Красные флаги», в телеграмме можно встретить отдельные группы и аккаунты под названием «Блог скулшутера», при просмотре которых у несовершеннолетних предпубертатного и пубертатного периода возникает романтизация действий описанных в интернете и желание их повторить.

Воздействие на человека выражается как в словесной, так и физической форме. Причем травле могут послужить различные факторы (пол, возраст, телосложение, стиль одежды, музыка и т.д.).

На основании собранных данных, среди мотивов совершения скулшутинга выделяют, что:

- 24 % актов совершены с целью привлечения внимания к своей личности;

- 27 % актов совершены с последующей целью самоубийства;

- 75 % актов совершены преступником из-за того, что он чувствовал издевательства и травлю по отношению к себе [10].

В рамках настоящего исследования считаем целесообразным провести разграничение между таким преступлением, как теракт и актом скулшутинга.

Личность «скулшутера»

Указанный факт имеет ключевое значение для исследования и позволяет понять мотивы и причины совершения актов шутинга, что непосредственно влияет на квалификацию преступления.

Учитывая психологический аспект данного феномена, необходимо разобраться, почему же преимущественно скулшутинг присущ юношам?

Анализируя отдельные факты «скулшутинга», отметим, что подавляющее большинство актов «скулшутинга» совершаются юношами. Сопоставляя российскую практику «скулшутинга», констатируем, за весь период акт «скулшутинга» был совершен девушкой лишь 1 раз. Случилось это 23 декабря 2023 г. в Брянске. Ученица 8 класса устроила стрельбу по одноклассникам в местной гимназии¹.

На наш взгляд, принципиальным фактором выступает направленность интересов и способ снятия стресса. Зачастую именно юношам присуще агрессивная форма снятия стресса. И как раз форма снятия стресса и напрямую связана с направленностью интересов. В ситуации, когда у подростка случается негативная ситуация он пытается уйти от нее, занявшись тем, что его отвлекает, тем что ему нравится. Например, поиграть в компьютерную игру либо же заняться спортом. Именно поэтому и прослеживается взаимосвязь с насилием. Это лишь говорит о том, что агрессия юношей проявляется в открытой, жестокой и грубой форме. Она почти не управляема и не поддается контролю.

Агрессия юноши выражена в следующих видах:

- Физическая агрессия;
- Раздражение и негативизм.

¹ Ученица 8 класса устроила стрельбу по одноклассникам в местной гимназии. – URL:<https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/12/07/1009762-uchenitsa-vosmogo-klassa-ustroila-strelbu> (дата обращения 7.10. 2024 г.)

Агрессия девушек выражена в следующих видах:

- Вербальная агрессия;
- Косвенная агрессия;
- Подозрительность.

Для достижения цели исследования, разберем психологический портрет скулшутера. Известный американский психолог Питер Лэнгсман предлагает следующую градацию стрелков:

- психотик;
- травматик;
- психопат.

Первую группу стрелков отличает их отреченность, они чувствуют себя не такими как все, изгнанниками. Вторая же представляется жертвой и имеют более четкую мотивацию на совершение стрельбы в школе. Зачастую они являются жертвами эмоционального, физического или сексуального насилия. Третья группа же является наиболее опасной. Они относятся безразлично к человеческой боли и совершают насилие ради насилия, когда другие применяют его для достижения конкретных целей (например, мести обидчикам).

Соотношение скулшутинга и колумбайна

Далее рассмотрим соотношение скулшутинга и колумбайна. Скулшутинг и колумбайн связаны как примеры насилия в учебных заведениях. Считаем, что скулшутинг является наиболее широким понятием по отношению к колумбайну, который как раз и является разновидностью скулшутинга.

Сегодня «Колумбайн» — это современная субкультура, которая получает свою широкую освещенность из-за воздействия СМИ. «Колумбайн» — название школы, на которую 20 апреля 1999 г. было совершено нападение ее учениками, Диланом Клибблдом и Эриком Харрисом. Нападавшие убили 13 человек, ранили 23 человека. В конечном итоге после совершения ужасного и зверского нападения вышеназванные лица покончили жизнь самоубийством.

Итогом стало возникновение субкультуры колумбайнеров, которые стали романтизировать образы Харриса и Клибблда на форумах, рисовать фан-арты, писать фанфики и создавать контент для массового потребления. Объясняется это так: «Их тянет к бедным, непонятым, трагическим, неуклюжим, сбившимся с пути подросткам, которых можно спасти любовью» пишет издание Forbes Russia. Считаем, что такой коллапс возникает из-за того, что подростки в первую очередь пытаются рассмотреть, что же побудило школьников совершить такой ужасный акт насилия.

В США указанная субкультура обитает в социальной сети Tumblr, а в России во ВКонтакте и Telegram.

Скулшутинг же обозначает любые случаи нападения с оружием на образовательные организации. Круг образовательных организаций дан в ст. 23 ФЗ «Об образовании».

По состоянию на 2023 год в группах связанных со скулшутингом и колумбайном в России состояло порядка 400 000 школьников. Приведенная статистика свидетельствует о широком круге последователей деструктивных сообществ.

Еще одним фактором соотношения колумбайна и скулшутинга будет выступать возраст лица совершающего нападения. В случае с колумбайном, нападавший является учащимся средней школы. Так, например, ученик напавший на одноклассников с молотком достиг лишь возраста 13 лет, как и учащийся готовивший взрыв в школе. В этой связи, лица, совершившие в соответствии с законодательством приготовление к убийству и покушение на убийство двух или более лиц, не будут являться субъектами преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ и не будут подлежать уголовной ответственности.

В случае же со скулшутингом нападение в равной степени может совершаться как на общеобразовательную организацию, так и на образовательную организацию высшего образования.

Вопросы разграничения скулшутинга с террористическим актом

Говоря о разграничении скулшутинга и террористического акта, необходимо заметить, что оба явления имеют частично схожие методы и последствия.

Прежде всего необходимо отметить, схожесть террористического акта и убийства, совершенного общеопасным способом, которое например, вменялось Тимуру Бекмансурову за нападение на Пермский государственный университет.

Признаки, характеризующие субъект преступления в обоих составах схож – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Схож у данных составов и способ совершения преступления. Так, в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации под общеопасным способом понимаются, в частности, и выстрелы в местах скопления людей.

В то же время, в диспозиции ст. 205 УК РФ способ совершения определен как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека. Под иными действиями понимаются действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом.

Важнейшим признаком состава преступления для разграничения будет выступать преступный мотив.

Теракт обладает факультативным признаком субъективной стороны – мотивом устрашение населения и (или) воздействие на государственную власть для принятия какого-либо решения или отказа от принятия какого-либо решения.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии у скулшутеров данного мотива при совершении преступления. В качестве приоритетного мотива выступает месть за буллинг и издевательства как со стороны обучающихся, так и со стороны педагогических работников образовательной организации.

Разграничивать данные составы следует и по объекту преступления. В случае с террористическим актом видовым и родовым объектом будет выступать общественная безопасность и лишь при квалифицированном составе, дополнительным объектом будет выступать жизнь человека. Если рассматривать скулшутинг, то объектом преступного посягательства будет выступать жизнь и здоровье.

Следует также отметить важнейшее отличие – преступная цель. При квалификации содеянного как скулшутинг или убийство двух и более лиц в образовательной организации цель преступника может влиять только на последующее назначение наказания. В то же время, в ст. 205 УК РФ, прямо предусмотрен обязательный признак – цель, то есть деяние, прежде всего совершённое против интересов общественной безопасности.

Заключение

На сегодняшний день законодатель не предусмотрел отдельной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за убийство двух и более лиц, совершённое в образовательной организации (скулшутинг). Поэтому в отсутствие специальной нормы зачастую указанное деяние будет квалифицироваться по одной норме или совокупности норм, о чем свидетельствует правоприменительная практика.

Так, например, действия Ильназа Галявиева, совершившего вооруженное нападение на обучающихся образовательной организации «Гимназия №175», были квалифицированы по ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Действия же Тимура Бекмансурова, совершившего нападение на Пермский государственный университет, были квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «б», «в», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «а», «в», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Отметим, что перечисленные статьи являются лишь вероятной квалификацией и не учитывают особенность конкретных случаев.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что государство в приоритетном порядке должно гарантировать защиту прав несовершеннолетних на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, и в равной степени обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности¹.

Акт скулшутинга представляет угрозу для физической неприкосновенности обучающихся в первую очередь, а также для формирующейся психики лиц, его наблюдавших. Данное обстоятельство не согласуется с важнейшим приоритетом государственной политики – защита прав и интересов несовершеннолетних.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // СПС «КонсультантПлюс».

Тенденция скулшутинга стремительно развивается, именно поэтому необходимо проведение специальной профилактической работы, больший контроль со стороны психологов образовательных организаций и переработка законодательства РФ. На наш взгляд, учитывая сегодняшние реалии создание специальной нормы уголовного закона необходимо.

Учитывая изложенное, предлагаем введение в ч. 2 ст. 105 пункта «п» «Совершенное в образовательной организации» специальной нормы, регламентирующей уголовную ответственность за совершение акта вооруженного нападения на образовательную организацию.

Введение специальной нормы в уголовное законодательство будет способствовать решению таких задач, как:

1. Защита общественной безопасности.
2. Предотвращение преступлений.
3. Поддержка пострадавших.
4. Общественное осуждение насилия.

Таким образом, уголовная ответственность за скулшутинг является необходимым элементом борьбы с насилием в образовательных организациях и защиты обучающихся. Принятие эффективных мер и законов в этой области может существенно уменьшить риск возникновения подобных трагедий в будущем.

Список источников

1. Баева Л.В. Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 774–792.
2. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Эксмо, 2022. 304 с.
3. Борисова Н. Ф. Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу // Российской правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 125–129.
4. Домаскин О. В., Красинкий В. В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
5. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108.
6. Васильев В. В. Скулшутинг в образовательных учреждениях: понятие и причины // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 11-3 (74), 2022. С. 87–90.
7. Делибалт В. В., Богданович Н. В. Скулшутинг: как понять причины и предотвратить? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informio.ru/publications/id5611/Skulshuting-kak-ponjat-prichiny-i-predotvratit>
8. Пастыка Е. А., Питанова М.Е. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. Т. 3. № 31. С. 21–25.
9. Погребная С. К. Социально-психологическая экспертиза при правонарушениях экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними // Наука и социум: материалы Всерос. науч. практ. конф. 2020. № XIV. С. 40–44.
10. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117–120.

References

1. Baeva L. V. Existential sources of school shooting and Columbine. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2023;27(3):774–792. (In Russ.).
2. Langman P. *Why children kill. What goes on in the head of a school shooter*. Moscow: Eksmo; 2022. (In Russ.).
3. Borisova N. F. Schoolshooting is a new criminal threat to society. *Russian Legal Journal*. 2021;1(6):125–129. (In Russ.).
4. Domaskin O. V., Krasinkiy V. V. On preventing “Columbine” (school shooting) in educational organizations. *State and Law*. 2020;(11):84–96. (In Russ.).
5. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Schoolshooting in Russia: what matters? *Vlast'*. 2021;29(1):93–108. (In Russ.).
6. Vasiliev V. V. Schoolshooting in educational institutions: concept and reasons. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;11-3(74):87–90. (In Russ.).

7. Delibalt V. V., Bogdanovich N. V. *Schoolshooting: how to understand the causes and prevent it?* Available from: <https://www.informio.ru/publications/id5611/Skulshuting-kak-ponjat-prichiny-i-predotvratit>. (In Russ.).

8. Pastyka E. A., Pitanova M. E. The problem of armed attacks by teenagers in educational institutions. *Bulletin of the Penza State University*. 2020;3(31):21–25. (In Russ.).

9. Pogrebnaya S. K. Socio-psychological examination of extremist offenses committed by minors. In: *Science and society: materials of the All-Russian Federation. scientific practical conf.* 2020;(XIV):40–44. (In Russ.).

10. Sukhodolskaya Yu. V. Schoolshooting as an independent criminological phenomenon. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2020;3(77):117–120. (In Russ.).

Информация об авторе

С. П. Бондарев – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины», Ростовский государственный университет путей сообщения.

Information about the author

S. P. Bondarev – Cand. Sci. (Law), head of the department of criminal law and criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E. A. Millerova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, Rostov State Transport University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Актуальные проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посредством сети Интернет

Владимир Федорович Попов¹, Оксана Андреевна Полещук²,
Валентин Геннадьевич Выстропов³

^{1,2}Федеральное государственное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации», Домодедово, Россия

³Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹popov19102791@mail.ru

²oxanapoleshchuk@gmail.com

³mvd_vystropov@mail.ru

Аннотация. За последние несколько лет наблюдается устойчивый рост преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ. По этой причине возникла необходимость совершенствования методики проведения оперативно-розыскных мероприятий, основанной на глубинных исследованиях механизма совершения исследуемого преступного деяния, присущего на сегодняшний день.

В первую очередь необходимо проанализировать состав публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичных оправданий терроризма или пропаганды терроризма, выявить его отличительные черты от смежных преступных деяний и дать ему оперативно-розыскную характеристику.

Далее авторами статьи предлагаются к рассмотрению те оперативно-розыскные мероприятия, которые по их мнению обладают большей эффективностью для раскрытия указанного преступления.

Согласно статистическим данным подавляющая часть публичных призывов к осуществлению террористической деятельности совершается посредством сети Интернет, по этой причине приобретает актуальность разработка инновационных компьютерных программ, позволяющих проводить мониторинг огромного потока информации с целью выявления признаков рассматриваемого преступного деяния. При этом важно не только выявить информацию о фактах преступления, но осуществить наблюдение в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий за пользователем определённого сайта, с целью получения его изображения, определения его местонахождения и привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная характеристика, публичные призывы, терроризм, способ совершения преступления, информационное пространство, сеть Интернет, целевая аудитория, оперативно-розыскной мониторинг, искусственный интеллект, наблюдение, инновационное программное обеспечение

Для цитирования: Попов В. Ф., Полещук О. А., Выстропов В. Г. Актуальные проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посредством сети Интернет // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 153–161. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-153-161>. EDN TMXBMC

Actual problems of conducting operational search activities aimed at uncovering public calls for terrorist activities via the Internet

Vladimir F. Popov¹, Oksana A. Poleshchuk², Valentin G. Vystropov³

^{1,2}Federal State Institution of Additional Professional Education "All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Domodedovo, Russia

³Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹popov19102791@mail.ru

²oxanapoleshchuk@gmail.com

³mvd_vystropov@mail.ru

Abstract. Over the past few years, there has been a steady increase in crimes under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. For this reason, there was a need to improve the methodology of conducting operational investigative measures based on in-depth studies of the mechanism of committing the investigated criminal act, which is inherent today.

First of all, it is necessary to analyze the composition of public calls for terrorist activities, public justifications of terrorism or propaganda of terrorism, identify its distinctive features from related criminal acts and give it an operational investigative characteristic.

Further, the authors of the article propose for consideration those operational investigative measures that, in their opinion, are more effective in solving the specified crime.

Taking into account the fact that most of the public calls for terrorist activities are committed on the Internet, it becomes relevant to develop innovative computer programs that allow monitoring a huge flow of information in order to identify signs of the criminal act in question. At the same time, it is important not only to identify information about the facts of the crime, but to carry out surveillance within the framework of operational investigative measures for the user of a certain site, in order to obtain his image, determine his location and bring him to criminal responsibility.

Keywords: operational investigative measures, operational investigative characteristics, public appeals, terrorism, method of committing a crime, information space, Internet, target audience, operational investigative monitoring, artificial intelligence, surveillance, innovative software, artificial intelligence

For citation: Popov V. F., Poleshchuk O. A., Vystropov V. G. Actual problems of conducting operational search activities aimed at uncovering public calls for terrorist activities via the Internet. *North Caucasus Legal Vestnik* 2024;(4):153–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-153-161>. EDN TMXBMC

Введение

Вопрос относительно обеспечения информационной безопасности представляет собой главенствующее направление внешней политики Российской Федерации. Любое государство стремится поддержать информационную безопасность, поскольку она опосредует его положение на международной арене, в связи с чем правительство нашей страны особо подходит к решению этой задачи.

Распространение и насаждение идеологии антиценностей, терроризма, экстремизма в информационном пространстве представляет такую же степень общественной опасности, например, как незаконный оборот запрещенных веществ.

Электронные и информационно-телекоммуникационные сети в качестве способа совершения преступления значительно увеличивают его степень общественной опасности, так как использование такого механизма обеспечивает простоту реализации преступного умысла, повышает возможности сокрытия преступных лиц, увеличивает их поток, способствует оперативному распространению информации негативного характера, в том числе террористической направленности.

За последнее время количество публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичных оправданий терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205.2 УК РФ)

выросло в разы (преимущественно совершены с использованием сети Интернет, социальных сетей мессенджеров и др.). Весомый вклад в этой связи составляют социальные сети, отличающиеся своей простотой и доступностью для осуществления коммуникации, с возможностью оставаться инкогнито на протяжении длительного периода времени, что необходимо для целей реализации террористических умыслов.

Так только за 2022 год подлежало регистрации около 983 преступлений, совершенных указанным способом¹. В 2023 году в период с января по декабрь было зарегистрировано 548 преступлений по ст. 205 УК РФ², и хотя это количество уменьшилось, преобразованию подлежали способы маскировки их совершения посредством сети и выявления.

В настоящем исследовании авторы рассматривают наиболее привлекательные с точки зрения эффективности оперативно-розыскные мероприятия, способствующие раскрываемости публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, совершённых в сети Интернет, и основные подходы к их организации.

Признак публичности

На сегодняшний день практически каждое развитое государство сталкивается с теми или иными преступными проявлениями террористического характера. Общественная опасность публичных призывов к осуществлению террористической деятельности заключается в непредсказуемости последствий, их масштабном характере. В связи с этим надлежит организовать проведение оперативно-розыскных мероприятий, таким образом, чтобы уже на стадии приготовления к совершению этого преступления, пресечь преступную деятельность. Относительно уже совершённого деяния, первоочередной задачей стоит зафиксировать обстоятельства при которых оно было совершено, а затем предстоит выявить и установить лиц, задействованных в его совершении.

Очевидно, что выбор определённых оперативно-розыскных мероприятий происходит исходя из учёта специфических черт объективной стороны конкретного состава преступления. Знания относительно оперативно-розыскных характеристик преступного деяния расширяет возможности оперативных сотрудников в построении оперативно-розыскной версии содеянного.

Для оперативно-розыскных мер, осуществляемых в рамках расследования публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, присущи такие характерные черты как: поисково-справочный и наблюдательно – обследовательский характер, реализация посредством специальных негласных и гласных методов, использование средств, ориентированных на обнаружение орудий преступления, иных обстоятельств, имеющих особое значение для целей построения следственной версии относительно уже совершённых деяний, его подробностей и предпосылок, лежащих в основе причинного комплекса, поиска причастных лиц, находящихся в розыске.

Как справедливо отмечает А. С. Синельников [1, с. 425] в процессе раскрытия публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, недостаточно установить сам факт призыва в публичной форме. Вместе с тем он образует обязательный признак рассматриваемого состава, заключающийся в донесении информации хотя бы минимум двум людям, в любой доступной для восприятия форме. На практике аудитория гораздо шире и не приравнивается к паре человек, однако как отмечает И. А. Анисимова [2, с. 5] важно соблюсти формальный подход, достаточно чтобы информация, содержащая призывы поступила хотя бы до двух человек.

Относительно состава рассматриваемого преступного деяния отметим, что на его наличие не влияет тот факт получилось ли у виновного лица в результате его призывов вызвать готовность осуществлять террористическую деятельность хотя бы у одного человека или нет. Важно подчеркнуть, что призывы не имеют персонифицированный характер, а направлены на сознание широкой аудитории, рассчитаны воздействовать на массы. Вместе с тем, полагаем, что невозможно признать массовую рассылку СМС-сообщений, писем по электронной почте и т. д. в качестве публичного призыва, так как признак публичности не равен по содержанию такому признаку как массовость. Всё-таки нам близок подход тех правоведов, которые полагают, что массовость больше имеет

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. Официальный сайт МВД России. Доступно: мвд.рф/героГз/йет/35396677/ [Дата обращения: 12 октября 2024 г.].

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. Официальный сайт МВД России. Доступно в: мвд.рф/героГз/йет/35396677/ [Дата обращения: 12 октября 2024 г.].

отношение к количеству, в то время как публичность – к качеству. Хотя бы один публичный призыв, воспроизведённый перед аудиторией, одновременно доступен для восприятия всем – это и есть качественный признак рассматриваемого явления.

На практике такой признак как публичность по рассматриваемой статье УК РФ¹ возможно доказать, если удастся найти более трёх свидетелей совершения преступного деяния, один из которых не являлся представителем его аудитории, что даст возможность провести отграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности от смежных составов. Указанный признак детально изучается в научных кругах правоведов и потому является поводом для споров.

Фиксация содержания призыва

Крайне принципиально корректно зафиксировать содержание и призыва, для дальнейшего его изучения экспертами и дачи заключения относительно содержания в нём признаков объективной стороны либо их отсутствия. Именно исследование экспертами языковых единиц позволяет обнаружить элементы враждебности, влекущие пропаганду насилия, ненависти, дискриминации по признакам расы, национальности и пр.. Вместе с тем сам факт их обнаружения в ходе работы эксперта не даёт ещё полной картины относительно мотивов автора, его целей и задач, знания последствий, которые могут возникнуть в результате формулирования его мыслей посредством именно такого языкового приёма. Именно поэтому её результаты рассматриваются в суде в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу.

Представляется универсальным для публичных призывов, а также для сообщений, направленных на оправдание или пропаганду терроризма, признак, состоящий в потенциальной опасности совершения хотя бы одного преступного деяния террористического характера. Однако не каждое обращение, хотя и направленное по факту на побуждение к совершению террористических преступлений, подлежит квалификации по ст. 205.2 УК РФ. Так как массово пользуются сетью Интернет именно лица молодёжного возраста, то вполне допустимо, что они необдуманно в силу возраста, а порой и спонтанно, могут разместить на своей страничке в социальной сети изображение, аудио- или видеофайл, текстовый файл, включающий в себя элементы экстремизма или терроризма, но, если не будет установлен умысел, характерный для анализируемой нормы, то привлечь их к уголовной ответственности представляется невозможным.

В соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»², по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ надлежит подвергать оценке деяния, имеющие связь с призывами, подлежащими размещению на сайтах, форумах и блогах, а также в социальных сетях и мессенджерах. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации закрепила в своём кассационном определении 08.07.2021 г.³ вывод о том, что момент окончания преступления по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ связан с фактическим размещением публичных призывов в сети Интернет.

Во многих случаях в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий возможно обнаружить совокупность нескольких признаков преступлений различной направленности, например, террористического и экономического характера либо террористического и экстремистского. В связи с этим сотрудникам становится всё труднее их выявить в огромном потоке информации в сети, что доказывает существование необходимости разработки новых инструментариев их эффективного обнаружения и фиксирования. Это позволит минимизировать риски, связанные с допущением юридических ошибок в процессе определения признаков конкретного состава, отграничения преступного деяния от других смежных составов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. от 03.11.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2021 № 222-УД21-25-А6 Приговор: По ч. 2 ст. 205.2 УК РФ за публичное оправдание и пропаганду терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, по двум эпизодам // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – URL <https://online11.consultant.ru> (дата обращения: 08.11.2024).

В этой связи Вугар Эдвар-оглы Гаджиев и М.Л. Демина [3, с. 67] отмечают, что оперативным работникам буквально приходится бороться за информацию в каждом отдельно взятом случае. Очевидно, что в настоящее время вручную не представляется возможным проводить обработку информации, равно как и посредством примитивных программ для компьютера, имевших успех скажем лет десять назад. Так как со временем претерпевают преобразования преступные проявления, то соответственно алгоритмы программ, созданные для выявления признаков публичных призывов к террористической деятельности должны подлежать изменению.

Приведём пример недавней разработки поисковой системы пермской компании «Сеуслаб» на основе датасета пермского ученого А. Рабчевского, с помощью которой представляется возможным произвести идентификацию пользователей социальных сетей, занимающихся распространением материалов экстремистского характера и выявить их роли¹. Но как отмечает учёный математические модели, лежащие в основе системы, позволяют выявлять и пользователей, распространяющий такой деструктивный материал, как террористический. Она способна анализировать посты, лайки и комментарии. В основе такой системы лежат ключевые слова, при этом для каждого негативного явления составлен свой список слов. Отмечается, что рассматриваемая поисковая система уже используется более чем в половине территориальных управлений МВД РФ.

Сотрудники правоохранительных органов, имея представление относительно имеющихся способов обрабатывания огромного потока информации, установления соответствующих фильтров, ввиду колоссального массива информации могут просто не заметить значимые элементы сведений, носящих террористический оттенок.

Учитывая этот факт в научной литературе бытует представление о целесообразности организовать мониторинг социальных сетей в непрерывном автоматическом режиме, используя имеющиеся возможности инновационного специализированного программного обеспечения, дающего возможность сократить энергозатраты сотрудников и расширить диапазон интересующей информации.

Раскрытие преступных деяний, совершённых в сети Интернет осложнено рядом факторов: использование при совершении программного обеспечения, исключающего определение пользователя; своевременное очищение администрацией сайта ресурсов, материалов, имеющих террористический характер, а также данных благодаря которым правоохранительным органам представлялась возможность идентифицировать пользователя; сбои технического характера, например, оборудования аккумулирующего и хранящего информацию, дающего возможность идентифицировать пользователя и изобличить объективную сторону их преступных деяний. На этот счёт В. В. Бычков и В. А. Прорвич [4, с. 56] высказывают предложение использовать возможности некоторых компонентов искусственного интеллекта, возможности которого они раскрывают в своих научных трудах.

Необходимо обеспечить оперативных работников доказанными с научной точки зрения правовыми инструментами, раскрывающими возможности оперативным способом проводить обработку высокоскоростных потоков информации в режиме онлайн и обнаруживать признаки состава преступления.

С практической точки зрения важно грамотно подходить к процессу организации проведения оперативно-розыскных мероприятий, преследующих своей целью раскрыть публичные призывы к осуществлению террористической деятельности. Оперативным работникам надлежит учитывать следующие моменты на стадии организации оперативно-розыскных мероприятий: объём необходимых правоограничений относительно лица, в отношении которого они планируют проводиться; направленность его мотивов; способ, посредством которого было совершено преступное деяние; изучение тесного круга общения лица, которое представляет оперативный интерес; учёт требований о раздельном содержании подозреваемых, обвиняемых и осужденных; ряд других моментов и условий.

Для исключения втягивания к осуществлению террористической деятельности новой аудитории, сторонников, на наш взгляд, следует организовать постоянную работу по осуществлению защиты информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, на комплексной основе. Современный терроризм в условиях информационной пропаганды безусловно опасен для нашего общества. Ввиду этого назрела необходимость защиты современных средств коммуникации от их использования в качестве орудия пропаганды террористических идей террористами, использующими всё новые подходы и методы воздействия на сознание людей [5, с. 247].

¹ Российскими учеными создана система для выявления экстремистов в соцсетях. Интернет-портал СНГ пространство интеграции. Доступно в: <https://e-cis.info/news/569/122492/> [Дата обращения: 08 ноября 2024 г.].

Оперативно-розыскной мониторинг

Сеть Интернет привлекательна для террористов своей открытостью, в связи с чем актуален её мониторинг в режиме нон-стоп. Ряд исследователей определяют оперативно-розыскной мониторинг (интернет-мониторинг) как перспективную разновидность направления оперативного поиска в сетевом информационном пространстве, представляющую собой комплексную систему оперативно-розыскных мероприятий, которые обеспечивают наблюдение за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, базирующуюся на применении средств и методов оперативно-розыскной деятельности [6, с. 236–237]. Мониторинг такого вида может опираться на реализацию оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в сети, к примеру: опросы, наведение справок, непосредственное наблюдение и прочее.

Оперативно-розыскной мониторинг сетевых информационных ресурсов, представляющих интерес с точки зрения оперативно-розыскной работы осуществляется благодаря автоматизированному поиску, оперативно-розыскному изучению и наблюдению за общением, скрытым от других пользователей и имеющим элементы преступной деятельности.

С практической точки зрения будет полезен просмотр уведомлений о размещенных новостях в сомнительных сообществах, группах, «пабликах». В процессе проведения мониторинга следует делать акцент на данные об участии лиц, которые являются выходцами из регионов Северного Кавказа и Средней Азии; новостных «постах» религиозной и национальной тематики; информации, подлежащей размещению в информационных блоках аккаунтов – «Стена», «Аудиозаписи», «Видеозаписи», «Фотографии», «Сохраненные фотографии».

Иные оперативно-розыскные мероприятия

Необходимо не только отследить соответствующие сайты, заблокировать и удалить их в установленном законом порядке, а провести такие оперативно-розыскные мероприятия, как «Наблюдение» и «Оперативный эксперимент» [3, с. 67], поскольку спустя некоторое время преступники создают новые сайты. Проведение указанных оперативно-розыскных мероприятий даст преимущество, заключающееся в возможности в ходе их проведения изобличить преступника посредством его фото либо видеоизображения и своевременно возбудить уголовное дело. Также оперативными сотрудниками может быть организовано непосредственное общение в онлайн режиме с автором или авторами призывов, но для определения их местонахождения также требуется проведение соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения работы, опираясь на новейшие методики мониторинга информационного пространства в сети Интернет. Следует направленно отслеживать лиц, склонных к реализации публичных призывов, с целью организации и проведения разъяснительно-предупредительной работы в индивидуальном порядке.

Успех деятельности оперативных подразделений в области пресечения функционирования подобных сайтов будет обеспечен при условии активного взаимодействия со специализированными органами, осуществляющими задачи по выявлению и пресечению интернет-сайтов, которые включают информационные материалы противоправного характера, включая террористические и экстремистские, а также лиц, имеющих отношение к их публикации.

Следует отметить, что организация проведения оперативно-розыскных мероприятий всегда представляет собой комбинацию мыслительного процесса над восприятием конкретной ситуации для последующего выбора способов действий, переплетающийся с психологией относительно внутренней убежденности лица действовать определенным образом, а никак иначе [1, с. 426].

А. А. Гребенщиков [7, с. 464] отмечает, что технология раскрытия преступного деяния, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ совмещает в себе как общие приёмы, способы оперативно-розыскной работы, так и специальные методы расследования цифрового характера. Указанные методы ориентированы на сбор, анализ, реконструкцию цифровых следов, изъятие и проведение экспертизы компьютерной техники, активное внедрение в исследование специализированного программного обеспечения, предназначенного для того, чтобы обработать полученные данные, что предъявляет высокие критерии к квалификации и обладанию узкоспециализированными знаниями, навыками оперативными сотрудниками. Поскольку темпы развития цифровых технологий стремительно растут, возникают новые формы киберугроз, что вызывает необходимость совершенствования уже имеющихся методик, систематического повышения квалификации сотрудников.

Обобщив изученный в рамках обозначенной тематики материал, можно выделить следующие оперативно-розыскные мероприятия, способствующие раскрытию исследуемого преступления: проведение опроса; наведение справок; осуществление исследования предметов и документов; наблюдение с применением специальных технических средств; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение (предполагает проникновение оперативного работника в криминальную среду лиц, вынашивающих террористические намерения или склонных к совершению подобных преступлений, и добывание нужных сведений от самих объектов в целях недопущения и пресечения их преступной деятельности).

Отметим, что на практике одновременно могут совершаться несколько из указанных оперативно-розыскных мероприятий, что отвечает требованиям целесообразности и эффективности. Приведём пример, одновременно с опросом, могут быть проведены наблюдение, а также сбор образцов для сравнительного исследования [1, с. 426].

Принимая во внимание тот факт, что проведение некоторых оперативно-розыскных мероприятий связаны с ограничительными мерами относительно некоторых прав человека и гражданина, провозглашённых в Конституции Российской Федерации¹, то значительно суживаются пределы приёмов тактики их осуществления. В этом случае их результативность будет также находиться в зависимости от грамотного сочетания гласных и негласных методов оперативно-розыскной деятельности.

Авторы статьи полагают, что ограничение конституционных прав граждан в процессе осуществления мониторинга сети Интернет, возможно только на основании решения суда, вступившего в законную силу, аналогично с иными оперативно-розыскными мероприятиями.

Алгоритм выявления публичных призывов в сети Интернет

Главенствующим аспектом выявления и раскрытия анализируемого преступного деяния выступает деятельность именно оперативных подразделений органов внутренних дел, направленная на выявление, проверку и дальнейшее использование достоверной первичной информации в соответствии со следующей последовательностью:

1. Установление имени интернет-ресурса, где подлежала размещению преступная информация или аккаунта пользователя.
2. Установление юридического лица, зарегистрировавшего доменное имя или пользователя, а также местонахождение сайта.
3. Получение сведений об администраторах сайта, благодаря наведению справок у организации, указанной в предыдущем пункте.
4. Установление IP-адреса, посредством которого распространялась информация террористического характера, а так же телефонные номера и другие данные.
5. Определение интернет-провайдера, за которым зарегистрированы IP-адреса, а также отработка иной оперативно-значимой информации.
6. Установление конечных сведений IP-адресов и оборудования [8, с. 137].

Информация, которую удалось получить в результате пошагового выполнения вышеуказанных действий, как правило, является достаточной для идентификации лица, которое осуществляет публичные призывы к террористической деятельности в сети Интернет и его дальнейшего привлечения к уголовной ответственности.

Завершающий этап оперативной проверки связан с осуществлением ряда оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, целью которых является фиксирование в установленной законом форме доказательственной информации о преступном деянии.

В качестве сдерживающего фактора в механизме минимизации уровня экстремистско-террористической опасности в информационной среде выступает применение предусмотренных действующим законодательством комплекса оперативно-розыскных мер по мониторингу социальных сетей с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, преследующих цель выявления, пресечения и раскрытия преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. №710. Ст. 7045.

В настоящее время и в обозримом будущем надлежит на законодательном уровне более детально проработать вопрос относительно обозначенной проблематики и выработать научным сообществом теоретические рекомендации по модернизации действующей правовой основы оперативно-розыскной деятельности.

Заключение

Анализ вопросов, связанных с организацией оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности показал, что в условиях сегодняшних реалий это очень трудоёмкий процесс, требующий учёта специфических черт состава указанного преступного деяния и использования инновационных средств обнаружения и мониторинга информации в сети Интернет.

Авторы статьи убеждены, что блокировать информацию с публичными призывами в киберпространстве на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий малоэффективный способ минимизации их проявления, целесообразно после выявления подобных сообщений осуществить наблюдение за каналом передачи данных для обнаружения лиц, непосредственно размещающих такого рода информацию и с помощью специальных технических средств определить их местоположение.

Проблемным моментом осуществления оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии публичных призывов к террористической деятельности, бесспорно является наличие устаревших программных комплексов их обнаружения, поэтому в качестве перспективного направления стоит рассматривать внедрение инновационных специализированных компьютерных программ для целей проведения автоматического оперативного мониторинга, а также использование некоторых компонентов искусственного интеллекта в оперативно-розыскную деятельность для осуществления эффективного мониторинга потока информации в сети.

Полагаем позитивным образом отразится на практике повсеместное внедрение в практическую деятельность правоохранительных органов недавно разработанной поисковой системы на основе уникального датасета ученого А. Рабчевского, позволяющего произвести идентификацию пользователей социальных сетей, которые распространяют экстремистский и террористический материал.

Список источников

1. Синельников А. С. Особенности организации оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности в учреждениях УИС // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7 (223). С. 424–427. doi: 10.47643/1815-1337_2023_7_424.
2. Анисимова И. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: особенности предмета и объективной стороны преступления // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2020. № 4. С. 3–8. doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)4.1).
3. Гаджиев Вугар Эдвар-оглы, Демина М.Л. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с содействием террористической деятельности // *Глаголь правосудия*. 2018. № 2 (16). С. 65–70.
4. Бычков В. В., Прорвич В. А. Противодействие новым вызовам экстремистской деятельности с использованием информационно-сетевых технологий на уровне трансграничных экстремистских сообществ // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 54–60.
5. Смолина А. И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: объективная сторона // *Молодой ученый*. 2023. № 14 (461). С. 245–247.
6. Кутузов А. В. Оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как элемент противодействия преступлениям экстремистской направленности // *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 2. С. 235–241. doi: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-235-241.
7. Гребенщиков А. А. Некоторые проблемы расследования ст. 205.2 УК РФ // *Вестник науки*. 2024. №5 (74). С. 461–467.
8. Голяндин Н. П., Шериев А. М., Коломеец В. А. Вопросы выявления и проверки информации о совершении преступлений экстремистско-террористического характера в сети интернет // *International Law Journal*. 2019. Т. 2. № 4. С. 134–139.

References

1. Sinelnikov A.S. Features of the organization of operational investigative measures aimed at uncovering public calls for terrorist activities in criminal justice institutions. *Law and State: The Theory and Practice*. 2023;7(223):424–427. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1337_2023_7_424.
2. Anisimova I. A. Public calls to carry out terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: features of the subject and objective side of the crime. *Russian-Asian Law Journal*. 2020;4(3-8). (In Russ). doi: <https://doi.org/10.14258/ralj> (2020)4.1.
3. Gadzhiev Vugar Edvar-ogly, Demina M.L. Operational investigative characteristics of crimes related to the promotion of terrorist activities. *Glagol Pravosudiya Magazine*. 2018;2(16):65–70. (In Russ).
4. Bychkov V.V., Prorovich V.A. Countering new challenges of extremist activity using information and network technologies at the level of cross-border extremist communities. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):54–60. (In Russ).
5. Smolina A. I. Public calls to carry out terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: the objective side. *Young Scientist*. 2023;14(461):245–247. (In Russ).
6. Kutuzov A.V. Operational investigative monitoring of the Internet as an element of countering extremist crimes. *Vestnik Of Kostroma State University*. 2020;26(2):235–241. (In Russ). doi: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-235-241.
7. Grebenshchikov A. A. Some problems of investigation of Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik nauki*. 2024;5(74):461–467. (In Russ.).
8. Golyandin N.P., Sheriev A.M. Kolomeets V.A. Issues of identification and verification of information about the commission of crimes of an extremist and terrorist nature on the Internet. *International Law Journal*. 2019;2(4):134–139. (In Russ.)

Информация об авторах

В. Ф. Попов – начальник Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Федерального государственного казенного учреждения дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации».

О. А. Полещук – преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Федерального государственного казенного учреждения дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации».

В. Г. Выстропов – канд. юрид. наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России.

Information about the authors

V. F. Popov – Head of the Police Training Center for Public Order Units, Federal State Institution of Additional Professional Education "All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

O. A. Poleshchuk – Lecturer at the Department of Police Training for Public Order Units and Migration units, Federal State Institution of Additional Professional Education "All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

V.G. Vystropov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Internal Affairs Management in special conditions of the Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности

Александр Евгеньевич Бердников

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, a.berdnikov0112@gmail.com

Аннотация. В эпоху активного развития правового поля России и его адаптации к непрерывно возникающим вызовам современности, весьма актуальным становится вопрос повышения эффективности законодательных и правоприменительных механизмов в сфере защиты интеллектуальной собственности. Нормативно-правовая база Российской Федерации уже включает в себя многочисленные меры для защиты результатов интеллектуального труда; тем не менее, постоянное увеличение количества преступлений, затрагивающих права интеллектуальной собственности, свидетельствует о крайней необходимости их дальнейшей доработки и укрепления.

В современной России область охраны интеллектуальных прав оказывается зачастую пронизанной многочисленными пробелами, что ведёт к значительным экономическим потерям.

Исследование вопросов квалификации преступлений в области интеллектуальной собственности приобретает насущную значимость вследствие требования адаптировать правовые нормы к интенсивно эволюционирующим технологиям и эволюции характеристик преступной деятельности. Рост инцидентов, связанных с неправомерным использованием интеллектуальной собственности, нарастает ежегодно, что подчеркивает необходимость углубленных знаний и инновационных методик в проведении следственных действий со стороны правоохранительных структур. Критически важно обеспечить надежную защиту прав интеллектуальной собственности авторов и владельцев, что служит стимулом для обновления и детализации норм уголовного и гражданского законодательства. Такие инициативы способствуют не только превенции преступлений, но и обеспечивают справедливое рассмотрение каждого конкретного случая с восстановлением нарушенных прав и интересов. Целью статьи является анализ правовых аспектов и проблем, связанных с квалификацией преступлений в сфере интеллектуальной собственности, а также предложение путей совершенствования уголовного и гражданского законодательства России для улучшения защиты авторских и смежных прав.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, преступления против собственности, уголовное преследование, авторские и смежные права

Для цитирования: Бердников А. Е. Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 162–168. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-162-168>. EDN SZHISW

Peculiarities of the qualification of crimes committed in the field of intellectual property

Alexandr E. Berdnikov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, a.berdnikov0112@gmail.com

Abstract. In the era of active development of the Russian legal field and its adaptation to the constantly emerging challenges of our time, the issue of increasing the effectiveness of legislative and law enforcement mechanisms in the field of intellectual property protection is becoming very relevant. The regulatory framework of the Russian Federation already includes numerous measures to protect the results of intellectual work; nevertheless, the constant increase in the number of crimes affecting intellectual property rights indicates the urgent need for their further refinement and strengthening. In modern Russia, the field of intellectual property rights protection is often riddled with numerous gaps, which leads to significant economic losses.

The study of the issues of qualification of crimes in the field of intellectual property acquires urgent importance due to the requirement to adapt legal norms to intensively evolving technologies and the evolution of the characteristics of criminal activity. The growth of incidents related to the misuse of intellectual property increases annually, which underlines the need for in-depth knowledge and innovative methods in conducting investigative actions by law enforcement agencies. It is critically important to ensure reliable protection of the intellectual property rights of authors and owners, which serves as an incentive for updating and detailing the norms of criminal and civil legislation. Such initiatives contribute not only to the prevention of crimes, but also ensure fair consideration of each specific case with the restoration of violated rights and interests. The purpose of the article is to analyze the legal aspects and problems related to the qualification of crimes in the field of intellectual property, as well as to propose ways to improve the criminal and civil legislation of Russia to improve the protection of copyright and related rights.

Keywords: intellectual property, crimes against property, criminal prosecution, copyright and related rights

For citation: Berdnikov A. E. Peculiarities of the qualification of crimes committed in the field of intellectual property. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):162–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-162-168>. EDN SZHISW

Введение

В Российской Федерации применяются уголовно-правовые меры для охраны авторских и смежных прав. Законодательство ставит перед собой задачу предотвращения незаконной эксплуатации объектов интеллектуальной собственности, включая неавторизованное копирование и распространение. Уголовный кодекс РФ устанавливает санкции за нарушение прав на творческие и научные работы, аудиозаписи, исполнения, а также материалы, транслируемые по радио или кабельным сетям с коммерческой целью¹. Особое внимание в российской нормативной базе уделяется факту получения дохода от незаконной деятельности как условию для наступления уголовной ответственности, в отличие от законодательств других государств, где возможно преследование и за некоммерческие нарушения прав интеллектуальной собственности [1].

В 2023 г. было зафиксировано 1 137 тысяч преступлений, относящихся к категории против собственности, что составляет 58,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Это на 2,8 % меньше, чем в 2022 г.²

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² Государственная статистика: официальный сайт [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 10.08.2024)

Проблема, связанная со статьей 273 Уголовного кодекса РФ, касается сложности определения границы между законным и незаконным использованием программного обеспечения, особенно в контексте создания и распространения вредоносных программ.

Специфика статьи 273 Уголовного кодекса РФ

С ростом информационных технологий и цифровизации всех аспектов жизни общества увеличивается количество программного обеспечения, созданного для законных целей, но потенциально способного быть использованным во вредоносных целях. Разработчики инструментов для тестирования безопасности, которые могут быть использованы как для укрепления, так и для нарушения информационной безопасности, сталкиваются с риском уголовного преследования. Такая двусмысленность создает правовую неопределенность и отпугивает специалистов от разработки и исследований в области информационной безопасности [2].

Чтобы снизить эту неопределенность и стимулировать развитие технологического прогресса, важно пересмотреть формулировки статьи 273 Уголовного кодекса РФ. Предлагается ввести четкое разделение между действиями, направленными на создание и использование вредоносного ПО с намерением причинения вреда, и действиями, связанными с разработкой программного обеспечения для законных целей, таких как тестирование систем безопасности. Дополнительно можно установить требования к лицензированию и сертификации такого ПО, обеспечивая при этом защиту прав разработчиков и исследователей. Эти изменения уточнят правовые рамки и снизят риски неправомерного преследования законных действий в области информационных технологий [3].

В контексте уголовного судопроизводства Российской Федерации, статус гражданского ответчика не ограничивается исключительно лицом, на которое возложена обвинительная функция. Этот статус может быть также присвоен любому юридическому лицу, на которое законом распространяется обязательство возмещать убытки, проистекающие из действий, признанных преступными. Примером может служить компания, которая при руководстве своего директора допустила нарушения исключительных прав. Подобно этому, организация может выступать и в роли потерпевшего, или гражданского истца, предъявляя иск в отношении бывшего руководителя за действия, повлекшие финансовые потери. Размер таких потерь должен быть точно определен и учтен при рассмотрении гражданской ответственности и расходов, связанных с преступлением [4].

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности

Анализируя современное состояние законодательства, можно констатировать потребность в дополнении и уточнении законодательных рамок, которые регулируют ответственность за нарушения в сфере прав экономически активных лиц на результаты их интеллектуального труда. В условиях активно развивающейся экономики часто возникают ситуации, когда инфрингменты авторских прав предприятий не затрагивают личные интересы авторов. К примеру, автор может уже получить вознаграждение от издателя за предоставление исключительных прав на распространение своего произведения в течение определённого срока. Издатель, в свою очередь, может передать эти права третьим лицам в рамках договора, что добавляет сложности и многоуровневость в правоотношениях данной сферы [5].

В данном контексте особое значение приобретают вопросы уголовно-правовой защиты от действий, квалифицируемых как недобросовестная конкуренция, и инциденты неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности в коммерческой деятельности. Эти обстоятельства требуют от правоохранительных органов гибкости в применении законов и индивидуализированного подхода к каждому делу. В процессе разбирательств, связанных с нарушениями по статьям 146, 147 и 180 Уголовного кодекса Российской Федерации, суды должны учитывать нормы гражданского права, которые уточняют, что использование результатов интеллектуального труда и средств индивидуализации, находящихся в исключительной собственности юридических лиц, возможно лишь с разрешения правообладателя.

В рамках российского законодательства, проблема квалификации действий по нарушению патентных прав, описанных в статье 147 Уголовного кодекса РФ, занимает значительное место. Одной из ключевых трудностей является определение точного момента, когда нарушение переходит

из гражданско-правовой плоскости в уголовно-правовую, особенно в случаях использования без разрешения патентообладателя таких объектов, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

Основная проблематика заключается в том, что действующее законодательство не всегда обеспечивает ясность в определении момента, когда нарушение достигает степени серьезности, требующей уголовного вмешательства. Это создаёт почву для субъективных интерпретаций и различий в судебной практике, что ведёт к затруднениям в обеспечении надлежащей защиты прав на интеллектуальную собственность. Нестабильность в трактовке закона не только ухудшает правоприменение, но и снижает эффективность правовой защиты, оставляя правообладателей в состоянии неопределённости относительно защиты их эксклюзивных прав [6].

Для усиления правовой защиты в области патентов и обеспечения четкости квалификации преступлений по статье 147 Уголовного кодекса РФ необходимо уточнение в самой статье. Можно внести изменение, которое установит ясные параметры оценки ущерба от нарушения патентных прав, с прямым указанием на конкретный финансовый порог, при превышении которого нарушение автоматически приобретает уголовно-правовую квалификацию. Это позволит судебной системе эффективно и однозначно разграничивать гражданские и уголовные нарушения в сфере патентов, минимизируя субъективные толкования и споры о значимости ущерба.

Для точного и эффективного обнаружения нарушений в секторе интеллектуальной собственности необходимо, чтобы следователи и судебные работники не только глубоко понимали законодательство и правильно его интерпретировали, но также вели обстоятельные оперативные расследования, владели новейшими технологическими средствами и поддерживали высокий уровень профессионализма. Особенно важно систематически обучать сотрудников правоохранительных органов, включая объяснение важных аспектов соответствующих законов. Требуется создание комплекса стратегий, направленных на предотвращение преступлений, сочетающих уголовно-правовые и общественные контрольные механизмы, а также организацию специализированных подразделений с экспертами в данной области права. Применение этих стратегий, совместно с анализом судебной практики и наставлениями Верховного Суда РФ, будет способствовать разрешению сложных научных и практических вопросов в области правоприменения. Ключевым аспектом является разграничение между уголовными процессами по делам о нарушениях прав на результаты интеллектуальной деятельности, таких как авторские права, патенты и изобретения, и делами, связанными с защитой товарных знаков и наименований происхождения товаров. Это различие важно, потому что каждая категория прав защищена своими уникальными юридическими рамками [7].

Одной из серьезных проблем в сфере интеллектуальной собственности в России является эффективное преследование за нарушение товарных знаков, что регулируется статьей 180 Уголовного кодекса РФ. В этом контексте ключевым вызовом выступает доказывание умысла на использование чужого товарного знака без разрешения правообладателя, особенно в случаях, когда подделка носит скрытый характер или, когда товарные знаки используются в сложных многоуровневых схемах распространения продукции.

По статье 180 Уголовного кодекса РФ, использование чужого товарного знака или аналогичной маркировки для однородных товаров без разрешения правообладателя, если это действие причинило значительный ущерб, подлежит уголовной ответственности. Однако в реальности судам часто сложно установить, действительно ли обвиняемый осознавал, что использует поддельный товарный знак, и предвидел вредные последствия своих действий. Такая неопределенность в оценке умысла и его доказывания часто приводит к оправдательным приговорам или переквалификации дел в административные правонарушения.

Для повышения эффективности уголовного преследования и уменьшения количества ошибок в судопроизводстве по делам о нарушении прав на товарные знаки, следует рассмотреть возможность введения дополнительных процедурных мер, которые помогут лучше идентифицировать и доказывать умысел. Например, можно внести поправки в законодательство, обязывающие предприятия, занимающиеся производством или импортом продукции, четко документировать происхождение и лицензирование всех товарных знаков, используемых в их продукции [8; 9]. Это упростит задачу правоохранительных органов по установлению цепочки принятия решений и поможет судам

лучше понять контекст действий обвиняемого, что в свою очередь повысит точность судебных решений по подобным делам.

Проблема с квалификацией дел, связанных с незаконным использованием компьютерной информации, остаётся также значительной в российском правоприменении. Эта проблема регулируется статьёй 273 Уголовного кодекса РФ, которая касается создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ.

Статья 273 УК РФ устанавливает ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ, предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, а также для нарушения работы компьютерных систем. В современной цифровой среде, где границы между законным и незаконным использованием программного обеспечения могут быть размыты, возникают сложности с доказательством намерений лица, распространяющего или использующего программу. К тому же, существует множество случаев, когда программы, изначально созданные для законных целей (например, для тестирования безопасности систем), используются в вредоносных целях без ведома их разработчиков [10].

Для более чёткой квалификации действий, связанных с вредоносным программным обеспечением, и улучшения судебной практики, целесообразно внести изменения в статью 273 УК РФ, уточнив условия и критерии, которые определяют вредоносный характер программы. Ключевым аспектом может стать установление конкретных признаков, которые должны быть доказаны для признания программы вредоносной, например, наличие кода, способного наносить вред без ведома пользователя. Это позволит лучше дифференцировать ответственность между разработчиками и пользователями программ, а также облегчит задачу правоохранительных органов при расследовании подобных преступлений.

Дела, связанные с нарушениями прав на интеллектуальную собственность, представляют собой ущемление прав и интересов граждан, которые закреплены в законодательстве, включая Уголовный кодекс Российской Федерации и Конституцию РФ. Эти нарушения могут приводить к материальным и моральным убыткам. Важность этого аспекта подчеркивает необходимость разработки и применения эффективных мер, направленных на сокращение количества подобных преступлений и улучшение качества их правовой оценки. Такие меры способствуют соблюдению конституционных гарантий свободы творчества в различных сферах деятельности¹. Примером такой меры может служить усиление уголовной ответственности по части 2 статьи 146 УК РФ, что обеспечит устранение противоречий в нормативной базе этой статьи. В настоящее время первая и вторая части статьи классифицируются как преступления небольшой тяжести, тогда как третья часть относится к более серьезным преступлениям, создавая пробел для преступлений средней тяжести.

В России авторы регулярно сталкиваются с необходимостью защищать свои права в судебном порядке. Например, гражданин С, профессиональный писатель, обратился в суд в соответствии со статьёй 1250 Гражданского кодекса РФ после обнаружения факта публикации его романа в интернете без его разрешения и не выплаченного авторского вознаграждения. Суд подтвердил нарушение прав С, акцентируя на важности защиты авторских прав и постановил взыскать с нарушителей компенсацию, эквивалентную упущенным доходам, а также дополнительную компенсацию за моральный ущерб, подчеркивая тем самым принципы защиты авторских прав в стране².

Судебная практика квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности

Судебные процессы, связанные с нарушениями авторских прав на фотографические работы в Российской Федерации, довольно часты. Наглядный пример такого случая – иск, поданный фотографом по имени Ш против известного рекламного агентства. Ш обнаружил, что его снимок был использован в рекламной кампании без его разрешения. В своем иске фотограф указывал на неполученные авторские отчисления и потребовал компенсацию за несанкционированное использование

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

² Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербург от 6 июля 2020 г. по делу № 2-3820/2019 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YyDt80yMQNx/B/> (дата обращения: 10.08.2024).

своего произведения, ссылаясь на статью 1301 Гражданского кодекса РФ, которая защищает права авторов.

В подобных делах российские суды традиционно выступают на стороне правообладателей, подтверждая защиту их исключительных прав на творческие произведения. В случае с фотографом Ш. суд поддержал его требования, постановив, что рекламное агентство должно не только возместить убытки за использование фотографии, но и уплатить штраф за нарушение авторских прав. Это решение еще раз подчеркивает строгость законодательства РФ в вопросах обеспечения прав интеллектуальной собственности¹.

Судебные разбирательства в России, связанные с защитой авторских прав, подтверждают важность строгого применения законодательства, управляющего правами на интеллектуальную собственность. Постановления судов по возмещению ущерба, вызванного действиями нарушителей, эффективно защищают интересы авторов. Эти правовые решения не только корректируют нарушения, но также служат предупреждающей функцией, предотвращая возможные будущие нарушения и способствуют укреплению соблюдения авторских прав на территории страны.

Выводы

В данной статье проведен анализ текущего положения законодательных инициатив в Российской Федерации, с акцентом на неотложную потребность в обновлениях и дополнениях к Уголовному кодексу. Значительное внимание уделено статьям 146 и 147, регулирующим уголовную ответственность за нарушения прав интеллектуальной собственности и их некоммерческое использование. Выделена роль разъяснений Верховного Суда РФ, особенно в контексте статей 180 УК РФ и 1477 ГК РФ. В статье также обсуждается необходимость внедрения специализированных образовательных программ для работников правоохранительных органов и разработки комплексной системы мер, включая механизмы общественного контроля, для более эффективного пресечения и предотвращения нарушений в области интеллектуальной собственности.

Итак, исследование подтверждает критическую необходимость обновления и дополнения уголовного законодательства России для защиты интеллектуальной собственности, особенно статей 146 и 147 УК РФ. Важность введения специализированных образовательных программ для правоохранительных структур и разработки мер, включая общественные механизмы контроля, подчеркивается для улучшения борьбы с преступлениями в этой сфере. Эти меры предполагают не только усиление законодательной базы, но и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, что в совокупности должно способствовать лучшей защите прав интеллектуальной собственности и справедливому рассмотрению каждого конкретного случая.

Список источников

1. Гайдук В. П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 72–84.
2. Джикаева Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 14–18.
3. Оркина Е. А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 44–50.
4. Петров Э. В. Проблемные аспекты преступных деяний, совершаемых в сфере интеллектуальной собственности // Молодежь и XXI век-2022. Материалы 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Том 2. Курск, 2022. С. 135–138.
5. Сегеда Е. А. Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1-2. С. 94–99.
6. Катаев М. А. Особенности квалификации преступлений против интеллектуальной собственности // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Грозный, 2020. С. 392–397.

¹ Решение Тяжинского районного суда (Кемеровская область) от 29 ноября 2023 г. по делу № 2-141/2023~М-75/2023 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8IS6Egn0zg1c/> (дата обращения: 10.08.2024).

7. Бессонов А. А. Актуальные вопросы расследования преступлений. М.: Московская академия СК РФ, 2022. 119 с.
8. Бучинская М. К., Савченко И. Н. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в сети интернет // Вестник магистратуры. 2021. № 1-4 (112). С. 83–85.
9. Васильев А. В. Состояние, проблемы и перспективы интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2-3. С. 8–19.
10. Пушкаренко А. С. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации нарушения авторских и смежных прав // Сборник материалов XXXVI ежегодного фестиваля науки Южно-Российского института управления. Ростов н/Д., 2023. С. 467–472.

References

1. Gaiduk V. P. Evolution of intellectual property law in the digital age. *Journal of Russian Law*. 2020;(2): 72–84. (In Russ.).
2. Dzhikaeva F. Z. The concept and signs of intellectual property objects. *Agrarian and land law*. 2020;9 (189):14–18. (In Russ.).
3. Orkina E. A. Intellectual property in the digital environment: problems and solutions. *Philosophy of Law*. 2020;2(93):44–50. (In Russ.).
4. Petrov E. V. Problematic aspects of criminal acts committed in the field of intellectual property. In: *Youth and the XXI century-2022*. Kursk, 2022; 135–138. (In Russ.).
5. Segeda E. A. Modern problems of intellectual property rights protection in Russia. *Economics and Business: theory and practice*. 2021;1–2:94–99. (In Russ.).
6. Kataev M. A. Features of the qualification of crimes against intellectual property. In: *Ways to increase the level of legal awareness and legal literacy in modern civil society*. Groznii; 2020:392–397. (In Russ.).
7. Bessonov A. A. *Topical issues of crime investigation*. Moscow: Moscow Academy of the IC of the Russian Federation. 2022. 119 p (In Russ.).
8. Buchinskaya M. K., Savchenko I. N. Problems of intellectual property protection on the Internet. *Bulletin of the Magistracy*. 2021;1-4(112):83–85. (In Russ.).
9. Vasiliev A. V. The state, problems and prospects of intellectual property in the Russian Federation. *Business. Society. Power*. 2020;2-3:8–19. (In Russ.).
10. Pushkarenko A. S. Criminal law characteristics and problems of qualification of copyright and related rights violations. In: *Collection of materials of the XXXVI annual festival of Science of the South Russian Institute of Management*. Rostov-on-Don; 2023:467–472. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Е. Бердников – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. E. Berdnikov – Postgraduate student of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 10.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 10.11.2024.

1 ноября 2024 г. состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные и социокультурные основания национального единения и согласия в праве». Конференция организована кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС и приурочена к государственному празднику Дню народного единства. К научному обсуждению таких актуальных проблем, как духовно-нравственные начала российского права; социокультурные основания национального единения и их выражение в российском праве; ценностные аспекты права в условиях цифровизации; культурно-цивилизационное развитие Российского государства в правовом измерении; правовая экспертиза как средство сохранения правового разнообразия в Российском государстве и многих других вопросов, присоединились более 100 известных и молодых ученых из Ростова-на-Дону, Москвы, Белгорода, Ельца, Таганрога.

Высокий уровень научной дискуссии своими пленарными докладами задали **Пашенцев**

Дмитрий Алексеевич, д.ю.н., профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; **Шапсугов Дамир Юсуфович**, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; **Овчинников Алексей Игоревич**, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории и истории права государства ЮРИУ РАНХиГС, иерей; **Шатковская Татьяна Владимировна**, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; **Небрятенко Геннадий Геннадиевич**, д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» и другие ученые.

В результате конференции участники приняли резолюцию о дальнейшем обсуждении «Доктрины национального единства России» и проекта закона «О духовно-нравственной безопасности России». Материалы конференции будут опубликованы в сборнике конференции и в очередном номере журнала «Вопросы государства и права».

Дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»

15 ноября 2024 года в Южно-Российском институте управления Президентской академии состоялась дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Участниками стали ученые из городов – Москва, Грозный, Тюмень, Йошкар-Ола, Ростов-на-Дону, представители вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, Тюменского государственного университета, Научно-образовательного центра «Мета», Института государства и права Российской академии наук, Чеченского государственного педагогического университета, Института государства и права Российской академии наук, Марийского государственного университета, Южно-Российского института управления при Президентской академии.

Темой дискуссионной площадки № 9 стало обсуждение статьи авторов Алексеева Р. А., Абрамова А. В. «Конституционные преобразования политических систем постсоветских государств Центральной Азии», опубликованной в научном журнале «Северо-Кавказский юридический вестник» № 3. 2024, <http://vestnik.uriu.ranepa.ru/index.php/vestnik/article/view/1297>.

С докладом по тематике обсуждаемой статьи выступил **Алексеев Роман Андреевич** – к. полит. н., доцент кафедры «Государственной политики» факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, главный редактор «Журнала политических исследований» (ИНФРА-М).

Инициаторами дискуссионной площадки выступили – главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович**, доктор юриди-

ческих наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований Южно-Российского института управления РАНХиГС и начальник отдела развития научных журналов ЮРИУ РАНХиГС **Людмила Леонидовна Садовая**.

В приветственном слове главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович** отметил, что обсуждение данной тематики для редакции журнала – долгожданное событие. Безусловно сегодня весьма ак-

туальны вопросы: как сложилось постсоветское развитие республик, входивших в состав СССР, насколько пригодился опыт предшествующего развития в конституционных преобразованиях в постсоветских республиках, в данном случае, Центральной Азии, каково соотношение фактических и юридических конституций, насколько отражен в них самобытный опыт политического, правового и социально-экономического развития народов, создавших эти государства.

Знакомство с текстами конституций, подчеркнул выступающий, свидетельствует о восприимчивости западно-европейского опыта политико-правового строительства, что выражается в употреблении западно-европейской конституционно-правовой терминологии, подобно тому как это реализовано и в Конституции Российской Федерации.

Национальная терминология применяется фактически в основном в названиях органов власти и должностей в аппарате власти, административно территориальных единиц. Тем не менее, ощущается известное влияние конституционно-правового опыта постсоветской России. В этой связи нельзя не отметить конституционно-правовой статус Республики Каракалпакстан в составе Республики Узбекистан, конституция которой закрепляет суверенный статус Республики Каракалпакстан, право ее выхода из состава Республики Узбекистан, а регулирование

взаимоотношений между республиками осуществляется на основе договоров и соглашений. Возможные споры между республиками должны решаться согласительными комиссиями, утвержденными на взаимной основе.

Как известно, такой способ организации взаимоотношений между центральной властью и властью составных частей федеративного государства, широко применялся в России в постсоветский период, будучи подготовленным советским законодательством последнего периода существования СССР. По утверждениям представителей российской государственной власти и ряда ученых-юристов подобный опыт был реализован в Конституции РФ 1993 года, в которой, однако, нет положений, аналогичных тем, которые закреплены в конституции Республики Узбекистан. Внимательное сравнение текстов конституций названных здесь стран, возможно позволит выявить и другие особенности конституций постсоветских государств. Хотелось бы надеяться, что их обсуждению будет уделено определенное внимание, наряду с другими, которые участники дискуссии сочтут возможным или необходимым подвергнуть обсуждению и выразить надежду, что как их результат могут быть сформулированы нужные выводы, которые окажут позитивное влияние на конституционное развитие всех постсоветских государств.

С докладами выступили:

Шапсугова Мариетта Дамировна – к.ю.н., доцент, начальник юридического отдела ГБУ г. Москвы «Спортивный комплекс “Мегаспорт”», руководитель научно-образовательного центра «Мета», с докладом на тему: «Внедрение технологии искусственного интеллекта как катализатор конституционных преобразований»; **Сайдумов Джамбулат Хамидович** – д.ю.н., старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва), профессор кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, с докладом на тему: «Конституционное строительство в бывших автономных республиках СССР: чеченский путь от сецессии до возвращения в российское политико-правовое пространство»; **Авдеев Дмитрий Александрович** – к.ю.н., доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, Тюмень, с докладом на тему: «Конституционно-правовая модернизация форм правления современных государств»; **Овчинникова Юлия Сергеевна** – к.ю.н. научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН г. Москва, с докладом на тему: «Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: правовые аспекты»; **Мокосеева Марина Александровна** – к.ю.н., доцент кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, с докладом на тему: «Анализ и рецензирование научной статьи “Конституционные преобразования политических систем постсоветских государств Центральной Азии”».

Дискуссионная площадка прошла на высоком уровне. Представленная к обсуждению научная статья получила большой резонанс среди ученых и вызвала бурные обсуждения по представленной к обсуждению тематике.

С экспертным мнением выступил Баранов Павел Петрович – д.ю.н., профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС.

Участники дискуссионной площадки выразили пожелание продолжить обсуждение данной тематики на страницах научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

25 ноября 2024 года в Южно-Российском институте управления РАНХ и ГС состоялись **III Шапсуговские чтения – Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы становления индивидуальной и коллективной свободы в конкретном этническом обществе».**

В организации и проведении конференции приняли участие ученые, представлявшие РАНХ и ГС (Москва, Ростов-на-Дону), Бакинский государственный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Дагестанский государственный университет, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, Тюменский государственный университет.

Со вступительным словом и докладом к участникам конференции обратился «виновник мероприятия» – доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХ и ГС, главный редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», академик АМАН **Дамир Юсуфович Шапсугов.**

Во вступительном слове он поблагодарил участников конференции за проявленное внимание к его научному творчеству, выразил пожелание, чтобы формат конференции соответствовал ее содержательной части, обратив внимание на то, что в данном формате, в отличие от других научных мероприятий, необходимо обсуждение творчества ученого, а не рассуждения на различные темы, не имеющие отношения к нему. Это необходимо, подчеркнул докладчик, чтобы на основе анализа творчества были критически осмыслены идеи и способы познания, на которых они базируются, высказаны советы и рекомендации, важные для последующих научных исследований. Для любого автора научного произведения чрезвычайно важно как (адекватно или неадекватно) воспринимаются коллегами-учеными выдвигаемые им идеи, основания, составляющие особенное содержание каждого отдельного творчества.

В докладе «Проблемы познания свободы в юридической науке» **Д. Ю. Шапсугов** проанализировал три основных вопроса, связанных с исследованием свободы человека – выделение предмета исследования, определение адекватной ему методологии исследования, опирающихся на теорию отражения, или творчества, опираясь при этом на высказывания: И. Канта о главном недостатке старой метафизики (слепое следование предмету) и К. Маркса о главном недостатке всего предшествующего материализма, берущего предмет, действительность, чувственность в форме объекта и в форме созерцания, Гегеля о понимании метода познания, проанализировал исследовательский потенциал этих подходов. Затем, опираясь на созданный огромный информационный материал, новые способы организации научного знания в целостность, в процессе становления информационного общества, отметил его значение для становления культуры творчества, в частности, в юридической науке, формирования новой логики – логики творчества, основанием которой является свобода мысли.

В своем докладе д.и.н., академик АМАН **Ф. А. Озова** подробно остановилась на лингвистическом анализе термина «свобода» на разных языках народов Кавказа в сравнении со значением этого термина в западно-европейских языках, опираясь при этом на анализ социальных структур и систем власти, ставших источником для возникновения и развития конкретного содержания свободы в разные периоды развития кавказских народов.

Участники конференции обратили внимание на масштабность предложенного подхода к исследованию свободы человека, указали на необходимость дальнейших исследований в рамках предложенных направлений.

Широкий обзор понимания нравственности, ее исторического развития и значения в становлении культуры и свободы человека в азербайджанском обществе дал д.ю.н., профессор **Х. Д. Исмаилов.**

В рамках обсуждения поставленных вопросов выступили:

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС. Тема выступления: «Проблема определения творческого характера деятельности в юридической науке и практике».

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Тема выступления: «Современные вызовы для свободы и обычного права в условиях глобализации».

М. Д. Шапсугова – кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического отдела ГБУ г. Москвы «Спортивный комплекс “Мегаспорт”», руководитель научно-образовательного центра «Мета». Тема выступления: «О роли эксперимента в научном творчестве».

В обсуждении приняли участие: докт. геол.-минералог. наук, проф. ЮРИУ РАНХиГС **А. В. Кокин**, а также **Д. А. Авдеев** – к.ю.н., доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть от 15 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (200-250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68-71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». **Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.**

Набор статей в текущий номер прекращается 20 числа первого месяца текущего квартала:

№ 1 – прием статей до 20 января;

№ 2 – прием статей до 20 апреля;

№ 3 – прием статей до 20 июля;

№ 4 – прием статей до 20 октября.

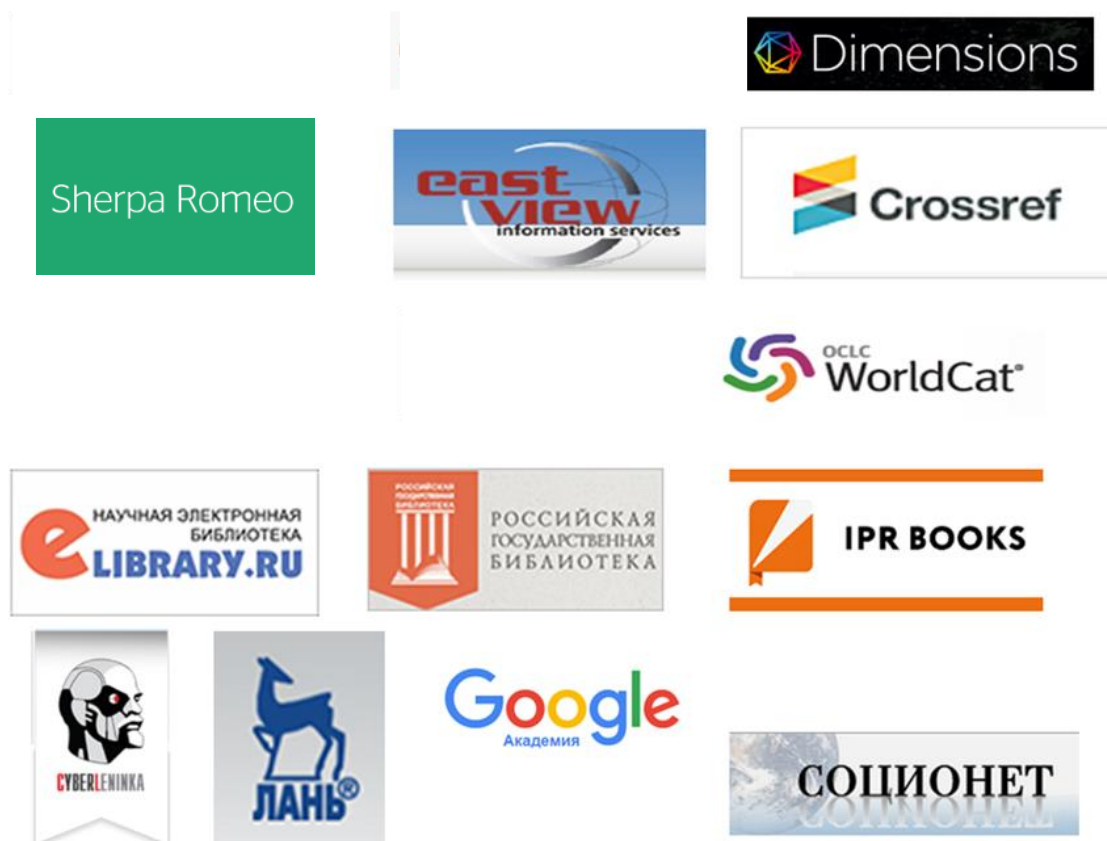
Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 4, 2024

Выход в свет 23.12.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 6663-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru